

ВИНИКОЗНАНИИ

РУССКОГО

ИСТОРИИ

Ф. М. Березин

Рецензенты: кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ (зав. кафедрой, проф. Ю. В. Рождественский) и проф. М. Г. Булахос (Минский гос. университет)

Березин Ф. М.

Б 48 История русского языкознания: Учеб. пособие для филол. специальностей. — М.: Высш. школа, 1979. — 223 с.

В пер.: 85 к.

В пособие включены сведения о русской лингвистике XVII и XVIII вв. и о развитии лингвистической мысли в XIX в. в связи с развитием лингвистической мысли в Европе. Впервые опубликованы материалы о развитии лингвистической мысли в России XVIII в. (сравнительно-историческое языкознание первой половины XIX в., работы К. С. Арсеньева и Н. П. Барсова), сведения об общей грамматико-исторической и сравнительно-исторической лингвистике в конце XIX в., грамматическая теория А. А. Потебни и Ф. Ф. Фортунатова, языкознание в начале XX в.

70102-048
Б 001(01)-79 131-79 4602001100

ББК 81

4

© Издательство «Высшая школа», 1979

Учебное пособие «История русского языкознания» частично применительно к программе вузовских курсов «Общая лингвистика» и «История русского литературного языка». В пособие как основу работ лингвистических специалистов и критическая подача и историографический анализ работ русских лингвистов прошлых десятилетий попытка с позиций марксистско-ленинского историко-языкового языкознания (с XVI в. до Великой Октябрьской социалистической революции) и дать оценку наиболее значительным достижениям.

В 1936 г. вышла работа известного русского филолога-русиста Н. А. Рубина «Среди книг», в которой автор вступил против полемического собеседника на тему вопроса, считая, что полемик затеивает истину посредством всякого рода логических выводов. Выразил Рубинину П. И. Ленин в рецензии на второе издание этой книги писал: «Автор не договаривается, па-1-х, что без «человеческих выводов» доказать не удалось, нет и быть не может истинного историко-языкового знания. Автор добавляет, па-2-х, что он хочет дать обзор истории идей, а история идей есть история мысли и, следовательно, борьбы идей!»

В предлагаемом издании читателям подобно тем, как мы пытаемся показать в русском языкознании дореволюционного периода борьбу идей вокруг таких вымышленных вопросов теории языка, как проблема языка как объекта и предмета языкознания, природа языка и его определения, структура языкознания как науки. Эти проблемы дореволюционного языкознания исследованы не мной была, на которой, главным образом, М. В. Ломоносов, строится теория общего языкознания — от описательных грамматик до сравнительно-исторических исследований. В русской лингвистической традиции разработка проблем грамматической теории связана с парижским языком. «Русский язык грамматика» Ломоносова положила начало изучению целого ряда грамматических систем, успешно примененных в общественно-научной практике. Таким образом, из всего многообразия проблем и идей, представленных в русском языкознании до Великой Октябрьской социалистической революции и послуживших основой развития советской лингвистики, в книге рассматриваются вопросы общего и сравнительно-исторического языкознания, а также развитие русской грамматической мысли.

История русского языкознания включала в себя и теоретические достижения других общественных наук, в частности философии и психологии. Характерной особенностью в области общелингвистической проблематики была ее философская направленность.

Концепции каждого лингвиста (М. В. Ломоносова, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бадуэи де Куртени и др.) присущи свои, индивидуальные особенности — подходы к первой или к другим проблемам, способы их решения, характер аргументации. На внутренняя логика истории языкознания вытекает из того, что в этой дисциплине четко прослеживаются взаимосвязи и связь теорий. Когда две теории в историческом, но предельно, контексте, не простираются, затем между ними идей, а сложное их взаимодействие, наследование из друг на друга, частичное, а иногда и полное отрицание того, что было сделано раньше, и развитие теории идей на основе прежних достижений. Поэтому история русского языкознания, как история любой науки, обладает собственными закономерностями, которые позволяют предельно полно как совокупность органических теорий лингвистики языкознания, а как особую отрасль науки со своим методологическим фундаментом.

Русское языкознание развивалось в рамках европейской лингвистики, главным образом немецкой лингвистики. Напомнить с теориями европейских лингвистов, русские лингвисты перерабатывали их в соответствии с потребностями русской науки русского общества. Так, сравнительно-историческое изучение языков русских лингвистов связывалось с изучением собственно языкознания, отдельных культурно-исторических и других языков. Вопросы развития русского языка были

¹ Ленин В. И. Избр. соч., т. 25, с. 112.

неотделима от вопроса формирования русской нации. В середине XIX в. в России возникло своеобразное направление общественной мысли — славянофильство, которое наряду отвлеченными и в лингвистическом отношении учеными привлекает внимание специфических свойств и качеств русского языка. Наглядные примеры в середине 70-х годов XIX в. русское языковедение связывает с появившимся памятником на развитие славянского языка — Библией.

Таким образом, русское языковедение активно откликалось на передовые научные суждения русского общества. Как национальное торжество воспринимали в России выход нормативной «Русской грамматики» Ломоносова. Результаты работы комиссии по реформе орфографии, которая возглавлял Ф. Ф. Штурмутов и в которой участвовал А. А. Шахматов, в 1917—1918 гг. были утверждены декретом Советского правительства. Русское языковедение собрало и дало бесценный материал для глубокого понимания истории русского народа, русской культуры.

Важную методологическую проблему составляет парадоксальная история той или иной отрасли знания. Не избежалась в целом и хронологическая последовательность в определении этапов развития русского языковедения, автор которой с тем признает, что абсолютизация хронологического принципа не может являться мерой при построении истории языковедения. Дело в том, что зарождение нового направления в науке связано с появлением или совершенствованием и усовершенствованием того или иного метода исследования¹. При этом первое направление, не отменяя и не исключая прежних доминирующих направлений, открывает в языке как-то новую сторону, анализируя уже известные представления. Поэтому в данной книге основное внимание уделяется не только хронологическому принципу в пределах дореволюционных периодов хронологических рамок².

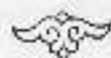
За последние полвека в мировом языковедении была выдвинута множество идей, порой заслуживающих самого пристального внимания и изучения, а порой весьма научно-образных, лингвистических, а потому и спорных. Все чаще и чаще языковеды не только для себя и этих новых идей находят отклик даже забытых владений и возможностей, исследованных изобретателями разных стран. Быстрые и давние традиции в научном анализе языковых проблем имеют русское языковедение, что автор и старался показать в предлагаемой вниманию читателя книге.

¹ См. Комаров Н. А. Род. за вл.: Хрестоматия по истории русского языковедения / Сост. Ф. М. Березин. М., 1973. — Русский язык в школе, 1973, № 1.

² Несколько слов об отношении этого пособия к другим работам автора по проблемам историографии русского языковедения. Данное пособие, наряду с вносимыми автором на «Хрестоматия по истории русского языковедения» (М., «Высшая школа», 1973 и 1977), представляет собой самостоятельную разработку проблем общего языковедения, грамматики русского языка, сравнительно-исторической проблематики и тесной связи с вопросами филологии, сурдологии, логопедии и общими проблемами филологии. Указанные проблемы взаимосвязаны с учетом всего комплекса языкообуславливающих факторов, изучаемых общественными науками. Книга «Русское языковедение конца XIX — начала XX вв.» (М., «Наука», 1976) представляет собой подробное, академическое, наиболее общедоступное пособие о вкладах карьер русских языковедов — Петрова, Штурмутова, Будова де Курьева, Шахматова и их учеников — в историю, историю, историю отечественной и мировой лингвистики.

Глава 1

Истоки русской грамматической мысли

Первые сведения о русской грамматической науке относятся примерно к X—XI вв., т. е. к тому времени, когда в древнерусском государстве культура и образованность достигли достаточно высокого уровня. Не только церкви и монастыри были центрами образованности и культуры. Просвещение проникало и в светские круги. Внутренние государственные потребности, дипломатические отношения, торговля требовали подготовки грамотных и знающих людей. Многочисленные замечания летописцев свидетельствуют о том, что наши предки высоко ценили книжную письменность («Книги суть реки, напоющие вселенную», и них «обрисцели вселенную полноту души своей», «ум без книг, аж птица ошепка» и т. д.).

С распространением письменности появляются светские школы. Из предметов, там преподававшихся, следует упомянуть риторику, известную по «Изборнику» Святослава, как науку об образах. В программу обучения входили также чтение, письмо и дешифровка, но основным было обучение письму, связанное с необходимостью переписки большого количества церковных книг. Первое условие при обучении письму заключалось в том, чтобы писать прямо, красиво, понятно. Древнейшее наше письмо опиралось на законы, определившие правильность употребления букв, строчных и надстрочных знаков, что уже предполагает выработку более или менее строгих правил орфографии. Естественно, что последовательность в написании, правильность употребления букв, построения предложений должна быть основана на существовании грамматических правил.

Самобытные национальные памятники древнерусской письменности, возникшей на старославянской (древнерусской) основе, весьма немногочисленны. Древнейшие памятники книжной письменности XI—XIII вв. в большинстве представляли собой произведения церковно-богослужебной литературы и написаны на церковнославянском языке, который уже подвергся некоторому воздействию со стороны народной восточнославянской речи. Из этих памятников следует упомянуть «Остромирово евангелие» (1056—1057), «Изборник» Святислава (1073), «Мстиславово евангелие» (около 1117) и др. К на-

явлениям светского характера относятся «Русская правда», «Повести временных лет», «Слово о полку Игореве» и др.

Грамматическая литература начинает распространяться на Руси с XV—XVI вв., в период формирования великорусской, белорусской и украинской народностей. Церковнославянский язык в это время использовался в качестве литературного языка быстро возвышавшегося Московского государства. Москва становится центром православной церкви и славянской культуры для восточно- и западославянских земель. Следствием этого явилась работа по исправлению церковных книг, которая была невозможна без единой грамматической основы.

Самым ранним следом элементарных грамматических рассуждений была существовавшая в нескольких рукописях краткая церковнославянская грамматика, долгое время считавшаяся переводом греческой грамматики Исаии Дамаскина, выполненным Иоанном Българским¹. Эта грамматика близко придерживается греческого оригинала. Древнейший список грамматики, относящийся к XV в., носит название «Книга философская о осмих частех слова».

Эта первая церковнославянская грамматика оказала сильное влияние на последующие грамматики, и поэтому необходимо кратко с ней познакомиться. При этом следует иметь в виду, что почти все грамматики того времени, вплоть до «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, испытывали сильное воздействие античной грамматической традиции, и в терминологии, и в трактовке тех или иных грамматических фактов. Эта традиция в одних случаях восходит к греческой, в других — к латинской грамматике. Церковнославянская грамматика, переведенная в X в., называется философской потому, что у греков грамматика входила в состав философского образования.

В книге идет речь об имени, глаголе, причастии, члене, местоимении, предлоге, наречии, союзе. У имени выделяется три рода (мужской, женский, средний), пять падежей [правый (именительный), роумый (родительный), виковый (винительный), дательный и звательный] и три числа (единственное, множественное и двойственное). Глагол определяется как «исклоняемая часть речи, «казательна миду и вромовк, докосту же к страсти, и обема вкуде». Отмечается, что глагол имеет три времени (прошедшее, настоящее, будущее), пять наклонений (повелительное, холмтвенное, вопрошительное, звательное, повествовательное), два вида [первообразный (неоквертский) и преводный (свертвенный)], три лица. Причастие выделяется как часть речи, которой свойственны признаки имени существительного и глагола («причастует и имени и речи»), обладающая действительным («действительным») и страдательным залогам. Любопытно упомянутое в так называемой размиши (члене), т. е. указательном местоимении — части речи, которая различает мужской, женский и средний род.

¹ Известный славянский лингвист И. В. Ягич в 80-х годах XIX в. высказал мнение, что эта грамматика ошибочно связывается с именем Исаии Дамаскина.

Из этого краткого изложения грамматики видно, что ее составитель строго придерживается греческого оригинала. Следуя александрийской грамматической традиции, он буквально переводит с греческого и всякое правило старался проиллюстрировать славянскими примерами. Так, учение об именах прилагательных у него связано с учением о существительных, наблюдается смешение родов и т. д. Грамматику можно определить как греко-славянскую.

Грамматика Псевдодамаскина заслуживает упоминания хотя бы потому, что по ней изучали церковнославянский язык все образованные слои населения Древней Руси. Кроме того, она служила образцом для последующих составителей славянских грамматик, заимствовавших из этого пособия грамматическую терминологию и определения. Включенные в грамматику переводы с греческого на церковнославянский во многом привели внимание к сравнению этих языков, их грамматических структур.

От Грамматика Псевдодамаскина до начала XVI в. не было никаких филологических работ, написанных более или менее систематически, если не считать азбучников (словарей), довольно широко распространенных на Руси. Самый древний азбучник 1282 г. состоит из собственных библейских имен и ряда славяно-русских слов: «исполн — 'исильный', гизм — 'гизм', мие — 'исеть' и др. В новгородском азбучнике 1431 г. примечательно то, что составитель уже имел ясное понятие об отличии церковнославянского языка от русского. В списках XVI и XVII вв. сохранились два словаря.

Кроме главной цели — объяснения непонятных слов — азбучники имели еще в виду предостеречь переписчиков от грамматических ошибок. Поэтому в азбучниках встречаются следующие грамматические указания: «сказание кратце, еше что ради нарицается словенския грамота, и еше от коия колена Русь, и и колена имена (намена) разделялася словяно»; статья о знаках ударения и приращения: «от грамматики о прогидиях, о еже како во свитых книгах воеждо пословца писати и глаголати» и др. К грамматическому объяснению слов присоединялись толкования самих предметов и понятий. Поэтому азбучники играли важную роль в жизни Древней Руси — они были своего рода энциклопедиями, охватившими понятия наших предков о всех науках и искусствах, начиная от азбуки и грамматики и кончая классической мифологией и философией.

К XVI в. относятся филологические труды Максима Грека (ок. 1480—1556), прибывшего в Россию в 1518 г. для перевода церковных книг. В грамматических трактатах Максима Грека показана связь между грамматикой, риторикой, философией. В работах «О грамматике», «Беседование о пользе грамматики» Максим Грек определяет грамматику как вступательное к изучению философии. Он также говорит о восьми частях речи и дает им следующие названия — имя, речь (глагол), причастие, член, местоимение, предлог, причастие и союз. Грамматику он делит на четыре части: орфографию, эти-

ку, грамматику, которого в славянской литературе ничего не известно. На славянскую основу она была переведена не Иосифом, а позднеешим компилятором и известна под названием «Псевдодамаскина».

мологию, синтаксис и просодию. Максим Грек выделяет шесть падежей: именительный, винительный, родительный, дательный, златый и сказательный (о форме во всяком случае, например, сказано, что она беднее сказательного). У Максима Грека были работы, относящиеся к славянской лексикографии и этимологии (так, он дает толкование некоторых славянских и греческих имен). Неполноценные труды Максима Грека представляют собой образцы филологической критики текста.

Максиму Греку принадлежит большое количество аконимных работ, появлявшихся в русских грамматических сборниках XVI—XVII вв. Характерна эта статья, историк русского языковедения С. К. Буния отмечает, что их содержание «сводится к следующим основным вопросам: 1) о просодии, т. е. надстрочных знаках и о разных звуках pronunciation, поются также несколько замечаний о почерках письма; 2) об орфографии и орфонии, т. е. о правильном (с точки зрения древней теории) употреблении различных букв... 3) о классификации гласных и согласных по их положению в слове или филологическим свойствам; 4) о грамматическом анализе глагола основанной теории о восьми частях слова».

Большой интерес представляет славянский перевод латинской грамматики, осуществленный в 1522 г. **Дмитрием Герасимовым**, по повелению Топольца. Этот перевод издан в двух списках XVI в. Герасимов использует латинскую терминологию; так, лат. *perfectus* переводит он переводом как «состоявшее пресвершенное», *perfectum* — как «состоявшее свершенное» и т. д., «срядущее», или будущее, время у Герасимова выражается действительными глаголами совершенного вида. Конечно, он не дает теоретического обоснования грамматической категории вида (такое обоснование появилось в русской грамматике почти три века спустя), но приводит церковнославянские примеры свидетельствуют о том, что он признавал видные различия глагола. По этим примерам видно также, что Герасимов точно понимал грамматические особенности не только церковнославянского, но и современного ему живого русского языка, хотя термины «славянский» и «русский» он употребляет как синонимы. Так, он отметил свойственную русскому языку его времени ступень *о* в чередовании *о* и *о* в глагольных окончаниях, выражающую повторность действия (глагол *хотеть* — *хотелать*), которая не свойственна церковнославянскому языку.

В соответствии с латинской грамматической традицией Герасимов выделяет шесть падежей, включая златый. Все названия падежей близки нашим современным, но всякое слово образовано от тех же корней. Он уже говорит о различии латинского, церковнославянского и даже русского языков, формы которого встречаются в славянских текстах.

Первой печатной книгой на Московской Руси был «Букварь» (известен также под названием *Азбука, Грамматика*; 1574) **Ивана Фе-**

доровова (ок. 1525—1583) — русского и украинского первопечатника, автора наиболее раннего руководства для начального обучения чтению и грамматике церковнославянского языка. Эту грамматику Федоров назвал «книжкой скорого младичьчского изучения... словых». Первая часть Букваря — азбука, в которой объясняются названия славянских букв и соответствующие звуки. В кратком изложении грамматике говорится о глаголах с частицей *-ся*, разных образцы спряжения глаголов действительного и страдательного залогов. Федоров выделяет пять времён — прошедшее, протяжённое, настоящее, помяну бывающее (*биги ты хотишь*), будущее (*биги ты иметь*). Раздел «По орфографии» даёт представление о системе падежных окончаний существительных и прилагательных.

В 1581 г. на Львово появляется грамматика под названием «Адефотис». Грамматика доброславацкого восточнославянского языка, совершенного искусства осми частей слова», написанная на двух языках — греческом и славянском. В ней разбираются восемь частей речи: имя, местоимение, глагол, причастие, предлог, наречие, союз и различие («дрёвко», т. е. относительные слова). В именах различаются три рода (мужской, женский, средний) и четыре падежа (именительный, родительный, дательный и винительный), а глаголы выделяются восьми видами и пять времён. Сама же грамматика делалась на четыре части — правописание (орфография), просодию, этимологию (принадлежит, т. е. морфология) и синтаксис. Эта грамматика служила руководством и теоретическому изучению скорее греческого, а не церковнославянского языка.

Первая славянская грамматика была написана в 1596 г. в Вильно **Лаврентием Зизаньем**, который следовал образцам греческой грамматики при описании церковнославянского языка. «Грамматика славянская совершенного искусства осми частей слова и иных нужных», написанная в форме вопросов и ответов, была чисто практическое назначение — «се бы им добре мовати и писати». Как и «Адефотис», Грамматика Зизанья делится на четыре части (орфография, правописание, этимология и синтаксис). Кроме этих частей даны чисто славянские наименования: правописание, правописание, восточнославянское и сочинение. Но к старым падежам Зизаний добавляет два падежа — причастный и звательный. Внутренние имена делаются на собственные и нарицательные. К Грамматике Зизанья приложен краткий словарь старославянского языка с переводом слов на «книжной русский диалект».

Наиболее выдающийся филологический сочинением начала XVII в. принадлежал славянскому грамматика **Скотридуху**, написанный в 1619 г. под названием «Грамматика славянская правилом синтаксиса...». Автор ее, **Мелетий Герасимович Скотрицкий** (ок. 1578—1633), получил хорошее по тому времени образование, побывал в Ашштетском и Виттенбергском университетах, по приглашению Папоторных он был учителем в киевской школе. С 1616 г. Скотрицкий

Хотя Грамматика Зизанья называется «Грамматика славянская», на самом деле она принадлежит скорее учебную книгу по старославянскому, старобелорусскому и староукраинскому языкам.

¹ Буния С. К. Очерк истории языковедения в России. Сиб., 1904, т. 1, с. 154—155.

преподавала философию, риторiku и церковнославянский язык в школах иезуитского монастыря. Грамматика Смотрицкого напечата-
на на защиту церковнославянского языка, поэтому ей суждено
было сыграть большую роль в истории просвещения славянских на-
родов. В Москве Грамматика Смотрицкого (без имени автора, по-
скольку Смотрицкого обвиняли в отступничестве от православия) была
издана в 1648 г., дополненная грамматическими рассуждениями, при-
писываемыми Максиму Греку. Второе, переделанное Ф. Ломоносовым
издание Грамматики Смотрицкого было напечатано в 1721 г.
по указу Петра I и стало учебным руководством в школах.

Цель Грамматики Смотрицкого была также практическая — дать
правила, по которым можно было бы «читать церковнославянску и читное
выракумевати», а также «писать раздсане» чистым церковнославян-
ским языком. Но «чистого» церковнославянского языка у Смотриц-
кого не получалось, так как наряду с формами древнего церковносла-
вянского языка в Грамматике встречаются более поздние формы,
появившиеся под влиянием русского, польского языков того времени,
а также формы искусственные, придуманные самим автором. Из при-
водимых в Грамматике примеров видно, что Смотрицкий имел уже
эстетическое исное представление о различии между книжным церков-
нославянским и живым разговорным («русским», по его терминологи-
ке) языком. Грамматика Смотрицкого описывает формы поздней-
шего церковнославянского языка, в основе своей старославянского,
но уже подвергнутого воздействию живого русского языка.

Образцом для Грамматики Смотрицкому послужила греческая
грамматика: как и Зизаний, он старался подвести церковнославян-
ский язык под правила и законы греческого языка. По греческому об-
разцу Смотрицкий делит грамматику на четыре части — орфографию,
этимологию, синтаксис и просодию. Смотрицкий знал ударение, при-
дыхание и другие надстрочные знаки. Он выделяет восемь частей
речи, но различие делает между именем, хотя имя существительное
и прилагательные включает в одну часть речи — имя. У прилагатель-
ного указываются три степени сравнения — положительная, рассу-
дительная (сравнительная) и превосходительная. Имена делятся на
собственные и нарицательные. Названия шести падежей пождеств-
венно современны (только предложный падеж назван сказитель-
ным). Глаголы делятся на личные, безличные, стропотные (испра-
вительные) и личные (неисправительные). У глагола выделяются залог
(действительный, страдательный, средний, общий, сложительный),
вид, число, лицо, время, род, спряжение. Глаголы бывают двух ви-
дов — совершенного и несовершенного, который, в свою очередь, де-
лится на начальственный (кажется) и управительный (читаю). Смот-
рицкий определяет у глагола шесть наклонений: изъявительное, по-
желательное, повелительное (*повелеши*), сослагательное (это наклонение
вводит в имперфект), имперфект (уже повелевший) и неопреде-
ленное (*сегого*) — и шесть времен: настоящее, прошедшее, прошед-
шее-возможное, будущее, будущее-возможное. Множественные времена
соответствуют латинскому имперфекту и современны западноевро-
пейским языкам, а неопределенному — греческий аорист. Смотрицкий

впервые вводит глагольную форму деепричастия и так называемое
причастодетие, соответствующее латинскому герундию.

В Грамматике дано сравнительно полное и систематическое поло-
жение грамматических правил. Смотрицкий изложил (артпкль) как
не свойственный славянскому языку, прибавил предложный падеж;
в его Грамматике уже содержится намек на учение о самостоятельных
видах. Смотрицкому принадлежит грамматическая терминология,
отчасти измененная Ломоносовым и в некоторых случаях сохранившая-
ся до сих пор [мы говорим, например, *буквы*, а не *писмена* (по Ло-
моносову), *слоз*, а не *склад*, *междуметие*, а не *междуметие*]. Грамма-
тика Смотрицкого, долгое время служившая единственным руковод-
ством при изучении церковнославянского языка, составляет целую
эпоху в истории русской филологической науки. Она оказала силь-
ное воздействие на последующую славянскую грамматическую ли-
тературу¹.

Грамматика Смотрицкого подготовила почву и для создания
«Российской грамматики» Ломоносова. Ломоносов писал: «Россий-
ский язык обыкновенно перед прочими для некоторых предлогов
бедным особым падежом, который без них нигде не употреб-
ляется. (...) В Славянской грамматике [Смотрицкого. — Ф. Б.] назван
он сказительным, по свойственное назван бысть хочет пред-
ложным»². Ломоносов внимательно изучил работу Смотрицкого.
Но он отмечает и основные недостатки его Грамматики: «В Славян-
скую грамматику сочинитель много ввел... несправности, последуя
греческому и латинскому свойству»³. В Грамматике Ломоносова есть
ряд положений, общих с Грамматикой Смотрицкого. У Ломоносова
также пять склонений — четыре для существительных и одно для
прилагательных. Назначение падеж «Российской грамматики» —
в беспомощных, или служебных, частях слова (местоимения, пред-
логи, союзы и междуметия) — почти во всем совпадает с соответст-
вующим разделом Грамматики Смотрицкого. Создавая свою Грамма-
тику, первоначально всех последующих грамматик русского языка,
Ломоносов теоретически изучил и зафиксировал особенности
грамматической структуры русского языка.

Четкое противопоставление русского и церковнославянского язы-
ков и изучение русской разговорной речи проводится в «Русской
грамматике» Генриха Аудольфа (1655—1712). Изданная на латин-
ском языке, международном научном языке того времени, она носила
пространное название — «Русская грамматика, в которой изложены
не только главные основы русского языка, но также и некоторые ру-
ководства по славянской грамматике» (1696). Аудольф, немец по
происхождению, входил в состав датского посольства в Англию.

¹ Так, Грамматика Смотрицкого послужила прототипом для книги С. Ву-
ковича «Руководство к славянской грамматике» (1793) и А. Мразовича
«Руководство к славянской грамматике» (1794). Выдающийся чешский ученый,
патриарх славянской филологии П. Добровский в предисловии к своей «Грамма-
тике древнеславянского языка» (1822) писал, что он шел по следам Мелетия,
ида сего указал верно дорогу.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М. — Л., 1952, т. 2, с. 412.

³ Там же, с. 416.

Выйдя из пленения на пенсию, он в 1693 г. приехал в Россию. Пробыв в России год, Лудольф возвратился в Англию и здесь составил свою «Русскую грамматику...». Еще до приезда в Россию Лудольфом немного знал русский язык, а основательные знания других языков (английского, латинского, итальянского, древне- и новогреческих, древнеаравийского, арабского и турецкого) помогли ему быстро овладеть русским языком и дать обстоятельные для того времени изложения основ русского (а не церковнославянского) языка.

Грамматика кроме текста собственно грамматики содержит образцы разговорной речи Москвы конца XVII в., перечень количественных числительных, краткий словарь естественнонаучных терминов и общий очерк минералогического, ботанического, зоологического и этнографического состояния России. Лудольф постоянно подчеркивает практический характер своей работы, выражая надежду, чтобы книга послужила на пользу тем, кто хочет научиться разговаривать русским языком. Именно для этой цели он в Грамматике добавил диалоги и некоторые диалогические выражения, почерпнутые из повседневной обиходной речи.

Лудольф первым противопоставил русский язык церковнославянскому как язык, вполне пригодный для литературно-книжного употребления. В самом начале своей Грамматики он делает несколько замечаний об отличии русского языка от церковнославянского. К специфическим особенностям русского языка Лудольф относит положение гласных (русск. *только* — слав. *толо*), начальное *о* вместо *в* (русск. *осень* — слав. *исень*), отсутствие второй падежной формы, употребление падежа прилагательных мужского и среднего рода единственного числа на *-ю* (русск. *такое* — слав. *такого*), отсутствие зориста. Лудольф отмечает различия и в лексике (слав. *лазюло* — русск. *лазарь*, слав. *реча* — русск. *сказка*, слав. *истина* — русск. *правда*). Для того времени разграничение русского и церковнославянского языков как двух различных языков, а не стилистических разновидностей одного и того же языка, было нов и необычно.

Лудольф различает пять склонений имен существительных, четыре рода (мужской, женский, средний и общий типа *сербца*), три числа (единственное, двойственное и множественное). По наблюдениям Лудольфа, в обычной русской речи двойственное число не употреблялось. У существительного, по мнению Лудольфа, имеется семь падежей (седьмой падеж — инструментальный аблатив, или творительный). В Грамматике на чисто морфологической основе глаголы классифицируются на простые и производные. В неопределенном склонении глаголы имеют три времени — прошедшее, настоящее, будущее¹. Лудольф сделал первую попытку собрать русские безличные глаголы.

После грамматического описания следуют диалоги, поразительно точною наблюдений над разговорной речью и диалектами богатей

¹ Еще Лудольфом noted времена и виды, а потому насчитывал восемь различных форм глагола. Вопрос о видовых формах русского глагола очень сложный, и ученые о виде разбродились у нас только в XIX в.

материал для изучения русского языка конца XVII в. Трудно сказать, к какой социальной среде относятся приписанные Лудольфом фразы, но ясно, что они отражают разговорную речь просвещенных кругов московского дворянства. Следует отметить, что книга Лудольфа является оригинальной, самостоятельной и смелой как по системе грамматического описания русского языка конца XVII в., так и по большому объему привласкаемого материала.

Десять лет спустя, в 1706 г., И. Ф. Коптевич (Копцевский) опубликовал в Штуттенберге (пригороде Данзига) «Руководение в грамматику во славско-российскую». Руководение представляет собой скорее грамматику модернизированной церковнославянского языка (как вытекает из названия книги, Копцевич не проводит различия между церковнославянским и русским языками). Об авторе Руководения имеется мало сведений. Известно только, что по поручению Петра I он составлял и печатал в Амстердаме разные учебные книги, давал уроки детям русских бояр, учившимся в Голландии.

Руководение Копцевича начинается параллельным перечнем отдельных слов на русском, латинском и немецком языках с указанием ударения (не всегда правильного). За списком из 144 слов, обозначающих конкретные предметы (хлеб, масло, мясо, орех и т. п.) следует 69 русских наиболее употребительных глаголов в 1-м лице единственного числа с переводами на латинский и немецкий языки (ударение и глаголах тоже указано не всегда правильно). Затем следует алфавит.

Раздел грамматики начинается правилами, как «познаются ряды имен с окончаниями». Для русского языка Копцевич принимает четыре рода (мужской, женский, средний и общий) и семь падежей (именительный, родительный, датальный, винительный, звательный, творительный, сказательный), пять склонений, восемнадцать местоимений. Глагол определяется как «часть слова, складываемая со различными склонениями и временим действию, или страсть и среднее, что знаменующее». Глагол имеет четыре склонения (именительное, повелительное, сослагательное, неопределенное) и пять времен (настоящее, переходящее, прошедшее, мимолетное, будущее). Заканчивает грамматику перечисление предлогов (Копцевич называет 45 предлогов), наречий, союзов.

В заключение даны «образцы разговоров», т. е. разговорные фразы, искусственные по построению, тяжелые по конструкции (например, *сей вечер буди тебе счастливый, имей себе добрую ночь*). По сравнению с Грамматикой Лудольфа Руководение Копцевича производит впечатление искусственности как по приводимым разговорным фразам, так и по изложению грамматики. Все же разговорные формулы дают представление о состоянии русского языка самого начала XVIII в.

Такова была немногочисленная литература по грамматике русского языка, которой располагала русская наука в начале XVIII в. Существовавшие грамматики даже не давали ответа на вопрос, грамматика какого языка в них разрабатывалась — то ли русского, то ли церковнославянского. Между тем в реформаторскую эпоху Петра I

дуров и известнейший поэт и переводчик В. К. Тредиаковский. По поводу открытия Российского гобрина Тредиаковский писал, что Собрание учреждено «не только для поощрения и усовершенствования русского языка как в прозе, так и в стихах, но (...) также и для создания грамматики, коей до сих пор мы были лишены и которая должна быть основана на наилучшем употреблении диалекта и людей искусных; а также, наконец, и для составления полного словаря»¹.

Составить такую грамматику выпало на долю Адогурова. Панисанию Грамматики (1731) способствовала также и преподавательская деятельность Адогурова, которому удалось обучить сенатских и коллежских юнкеров «в грамматике славянской и латини читать», а также «в чтении и писании российской диалекта». Затем Адогурову был поручен надзор за учениками, присланными для дальнейшего образования в Академию из московской духовной школы (после этих учеников недолго время был Амосов). В 1738—1740 гг. Адогуров читает лекции по русскому языку в так называемом академическом университете. Он так писал о своих занятиях: «По приказу главного Академии командира Корфа и по рассуждению Академии наук положена на меня сия должность, чтоб во всякой вторник, среду, пятницу и субботу публично в Академии преподавать надлежащие до российского языка правила, и по совершении оных толковать на том же языке риторик, к исполнению которого дела приурочен я все, что до того надлежит, сам вновь сочинять»². Читая лекции, Адогуров «сверх того еще новую грамматику для способнейшего изучения сего [русского. — Ф. Б.] языка делал»³. Грамматика Адогурова не была опубликована. До нас дошли ее списки, а также неопубликованные заметки, которые обозначаются как «Заметка о ъ и ъ» и «Заметка о транскрипции»⁴. Мы имеем список Грамматики Адогурова, сделанный в 1738 г. одним из его учеников⁵.

Адогуров, прежде всего, создавал свою Грамматику как грамматику нормативную, определяющую нормы употребления русского языка. Вместе с тем в ней содержатся интересные теоретические положения, много наблюдений над русским разговорным языком того времени. Выступая против церковнославянизмов, Адогуров защищал самостоятельность русского языка. Он говорил, что «иные всякий славянизм, особливо в скланиих, изготовляет из русского языка в жесток современному ушам слышанию». Ученый ориентировался при этом на «книжные (т. е. общие) употребления», или произношение. Это замечание Адогурова свидетельствует о том, что в начале XVIII в. происходила своеобразная борьба между вековой

¹ Тредиаковский В. К. Сочинения. А., 1935, с. 354.

² Цит. по кн.: Покровский В. История слов. Академия наук в Петербурге, т. 1, с. 318.

³ Цит. по кн.: Успенский В. А. Первые грамматики русского языка на родном языке. М., 1975.

⁴ Архив АН СССР, фонд 1, оп. 12, к. 7.

⁵ Одна из оригиналов русской Грамматики Адогурова попал в переводчику И. Грешину, который перевел Граматику на польский язык и вывезла ее под своим именем в 1738 г.

привычкой к употреблению церковнославянского языка и живым разговорным языком. Разговорный язык начинает одерзивать верх над церковнославянским языком канонических книг. «Славянский» и «русский» языки являются для Адогурова двумя самостоятельными языками.

Под грамматикой вообще Адогуров понимает такую науку, которая обыкновенную человеческую речь переводит в правила. Человеческая речь, по мнению Адогурова, состоит из разных слов, с помощью которых люди передают друг другу свои мысли. В слове один или несколько слогов; слоги, в свою очередь, «составляются из одной или нескольких букв («литер»)». Поэтому грамматика, предлагает Адогуров, должна изучать буквы, их употребление, слова и их свойства, различия между словами, соединенные слов, т. е. целую речь, и потом уже — как надлежит всякое в речи положенное слово правильно произносить. Грамматика делится на орфографию, этиологию (морфологию), синтаксис и просиодию.

Для Грамматики Адогурова характерно последовательное разделение букв («литер») и звуков («звонков» или «гласных»). «Мы привыкаем в нашем языке, — пишет Адогуров, — многие гласные, которые приняты от нас литерами изъяснить весьма не можно, а напротив того, находим в наших литерех и то, что некоторые гласны двумя или тремя знаками изъясняются». (Впоследствии, на протяжении почти всего XIX в., ученые смешивали звук и букву.)

Адогуров стремился точно обозначить произношение каждой буквы русского алфавита, прибегая для этого к сравнению произношения слов русского, польского и французского языков. Например, объясняя букву *z*, обозначающую парашкой звук [z], он пишет, что буква *z* своим произношением сходна с латинским или польским *z* и имеет глас, посредственный между нашим *i* и *х*. В Грамматике Адогурова говорится, что «должно мы... во-первых, самое произношение обикнуть по наше гласное правило и право и писание сколько можно точно последовать. Адогуров, таким образом, первым подчеркнул фонетический принцип русской орфографии. Лишь один знак *ь* (ер), по словам Адогурова, «весьма низкого гласа не значащий», и его надлежит упрощать из русской орфографии. Адогуров предлагал также упростить из русского алфавита *ф* и *ш*, их можно заменить *h* и *ch*. Эти смелые предложения практически были реализованы лишь в 1918 г.

Говоря об ассимиляции согласных по живкости-глухости, Адогуров формулирует общую тенденцию русского произношения: «гласно которой перед «умягченными» (звонкими) подлагается общий также «умягченный», а перед «жестокими» (глухими) — также «жестокие» (например, встаринным отчурью, и пишем отчурью)». Адогурову принадлежат интересные замечания о морфологическом значении *z* — *ж* (безу — белезу), *h* — *ш* (муха — мушка) и т. д.

Некоторые ученые полагают, что Адогуров принимал активное участие в разработке и установлении норм русской орфографии. Вероятно, Адогуров был автором не дошедших до нас орфографических

Фундаментальная библиотека
Библиотека № 120453

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ АКАДЕМИКА
В. И. ВЕРИЖИНА
№ 120453

ких правил, о которых мы знаем из длительной полемики между Ломоносовым и Тредиаковским. Ломоносов поддерживал адодуровские принципы орфографии.

Определив синтаксис как учение о правильном составлении речи, Адодуров замечает, что есть правила, которые свойственны всем языкам. Правда, таких правил он не приводит, и его заключение остается умозрительным.

Давая оценку Грамматике Адодурова, можно согласиться с уже высказывавшимся мнением, что в истории русской лингвистики этот труд должен считаться непосредственным предшественником Грамматики Ломоносова по умелому использованию фактов русского языка¹.

Большую роль в освобождении русского литературного языка от церковнославянских элементов и сближении его с живым разговорным языком сыграл и Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1768). По мнению советского языковеда В. А. Успенского, Адодуров и Тредиаковский объединит представление о самостоятельности и независимости гражданской орфографии, связанное с отчетливым стремлением противопоставить русское и церковнославянское правописание, стремление к радикальной перестройке гражданской орфографии, к созданию национального литературного языка.

В предисловии к переводу сочинения П. Тальмана «Езда в озеров Любви» (1730) Тредиаковский отметил, что писать надлежит «почти самым простым русским словом, то есть каковым мы между собой говорим», потому что употреблявшийся в то время славянский язык «очень темен, и многие его наши читатели не разумеют»². В определении задач орфографии у Тредиаковского также много общего с Адодуровым. По Тредиаковскому, орфография изображает «по произволению известное гласное нашего языка и звуков разные способы; а целые слова не значат звуков, ни их способов, но самые звуки, или изображения, по общему всему какому-нибудь народу смысла»³. Однако в своей практической деятельности Тредиаковский придерживался общепринятой традиции, употребляя большое количество церковнославянских слов. За эту непоследовательность его критиковал Ломоносов. В «Разговоре между чувствительным человеком и российским об орфографии старинной и новой» (1748) Тредиаковский выдвинул мысль о необходимости фонетического принципа написания «по звукам», т. е. по произношению. В соответствии с этим принципом он старался заменить некоторые буквы (например, ш) он предлагал заменить сочетанием шч и др.). Тредиаковскому принадлежит и ряд этимологических исследований; однако предлагаемые им этимологии лишены серьезного научного значения. Например, слово *дядьонка* он объяснил как *оумзюнка*, т. е. мужественная женщина, *шберы* — как *шеры*, так как море со всех сторон упирается в Пи-

¹ См.: Гурский В. К. Очерки по истории разработки славянских языков. Сиб., 1911, с. 38.

² Тредиаковский В. К. Соч. Сиб., 1849, т. 3, с. 649.

³ Там же, с. 76.

рнейский полуостров, и т. д. На таком же уровне объяснял Тредиаковский родство русского языка с другими европейскими языками.

Проблема орфографии рассматривалась в ряде работ Александра Петровича Сумарокова (1717—1777), который стремился разобраться в обычном для того времени смешении букв со звуками. Так, Сумароков выделяет «слиянные литеры» я и ѣ, которые представляют собой слоги *j+e*, *j+u*. По его мнению, в русском языке нет буквы э, а есть сочетание *j+e*. Сумарокову принадлежит интересная мысль о том, что географические расстояния и временная протяженность являются основными причинами разнообразия языков. Этимологические исследования Сумарокова также недостаточно научны, но в рассуждении «О происхождении российского народа» он впервые (надолго до А. Х. Востокова) делает попытку сравнить между собой славянские языки.

В статье «О истреблении чужих слов из русского языка» (1759) Сумароков выступает за чистоту русского языка. Высказываемые им интересные мысли не потеряли своего значения и до настоящего времени. «Восприятие чужих слов,— говорил он,— а особенно без необходимости, есть не обогащение, а порча языка... Странно чужие слова в разговорах, и письме еще страннее, а в печати того страннее. Что скажет потомство?»⁴

Итак, самобытных национальных памятников письменности, существовавших до XV в., очень немного. Первые собственно грамматические работы на Руси начинают появляться в XV—XVI вв. Все они носили вначале античную лингвистическую традицию — греческую или латинскую. Следует отметить, что влияние античного языкознания преломлялось через призму византийской культуры. Основное внимание древнерусских книжников было сосредоточено на церковнославянском языке, который использовался в качестве одного из типов литературного языка. Но большинство ученых различали церковнославянский и живой разговорный язык. Это различие проявлялось в сферах их употребления: церковнославянский язык использовался для собственно литературных произведений, а разговорный язык — в деловой письменности.

Со второй половины XVII в. начинается формирование русского национального языка и закрепление его в письменности. Церковнославянский язык подвергается сильному воздействию со стороны народного разговорного языка. В литературном языке сочетаются формы разговорной речи и старые архаические элементы церковнославянского языка. В результате в конце XVII в. наблюдается «многоязычие»: церковнославянский язык канонических книг, олитературенный язык приказов и живой разговорный язык. Такое положение обуславливало неупорядоченность словарного состава и грамматического строя языка. Все это настоятельно требовало создания норм литературного языка, разработки и изучения его грамматики. Если раньше грамматика церковнославянского языка налагала его структуру в со-

⁴ Сумароков А. П. Полн. собр. соч. в стихах и прозе. М., 1781, т. 9, с. 274, 276.

ответствии с античной традицией, то грамматические руководства начала XVIII в. основной упор делают на орфографию, ибо орфография берет господствующую роль в формировании литературного языка. Ломоносов говорил, что россияне имеют свой язык и без грамматики, однако главное понятие — в правописании. Орфография призвана противопоставить живое реальное произношение правописанию церковнославянских текстов и освободить русский язык от влияния церковнославянского языка.

Русская филологическая наука к 30-м годам XVIII в. накопила некоторый опыт создания практических грамматик и пособий. Но ряд теоретических вопросов для построения грамматики русского литературного языка еще не был решен. Эта задача выпала на долю Ломоносова.

Глава 2

М. В. Ломоносов и грамматическая традиция второй половины XVIII века

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) вошел в историю русской науки как ученый-энциклопедист, оставивший глубокий след во многих областях знания. Вот, например, что писал А. С. Пушкин: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник», «он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»¹. Ломоносов по праву должен быть признан и первым нашим лингвистом, создателем русского литературного языка.

Еще в детстве, обучаясь грамоте у крестьянина-земляка, Ломоносов познакомился с Грамматикой М. Г. Смотрицкого, в которой налагался вопрос орфографии, морфологии, синтаксиса, стилистики церковнославянского языка. По собственному признанию Ломоносова, Грамматика Смотрицкого и Арифметика Масницкого явились «воротами его учености».

В 1731 г. Ломоносов поступает в Московскую славяно-греко-латинскую академию — первоклассное по тому времени высшее учебное заведение, которое давало систематическое образование в области классических языков и риторики. В академии в течение одного года он изучил основы славяно-русской и латинской грамматики, причем теоретические знания по латинскому языку подтверждались практическим их применением: начиная с третьего класса ученикам вменялось в обязанность говорить по-латыни. Ломоносов самостоятельно изучал греческий язык, при этом он не только изучал грамматические правила, но и переводил тексты с латинского на греческий и наоборот при помощи словарей. Знание из этих языков было настолько основательным, что даже иезуиты считали его первым

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. М.—Л., 1949, т. 7, с. 28, 277.

активным не в одной только России. Интересовался Ломоносов и вопросами стилистики.

В конце 1735 г. вместе с другими воспитанниками академии Ломоносов был направлен в Петербург, а оттуда в Герзляно. Инструкция Петербургской Академии наук предусматривала, чтобы во время обучения в Марбургском университете Ломоносов старался «о получении такой способности в русском, немецком, латинском и французском языках, чтоб свободно говорить и писать». За десять месяцев Ломоносов овладевает немецким языком, а через три года он свободно переводит оды с французского языка. В это время его уже интересуют вопросы лексикографии и проблемы красноречия.

Практические знания ряда древних и новых европейских языков, теоретическое осмысление их позволяли Ломоносову глубже подойти к рассмотрению грамматической структуры русского языка, который он знал во всем многообразии его диалектов. С детства Ломоносов был знаком с чистой русской речью северян, которую называл поморским диалектом и считал наиболее близкой к «старому славянскому» языку. В Славяно-греко-латинской академии он и совершенствие изучил московский диалект, как речь людей, «образумленных книжному искусству», так и обитателей московских улиц. В академии же, общаясь с преподавателями-украинцами, Ломоносов усвоил фонетические особенности украинского языка.

По возвращении в Россию Ломоносов принимает активное участие в лексикографических работах Академии наук. Он заявляет о своем намерении составить лексикон русских primitivov (т. е. корней, «первообразных» слов русского языка). Ломоносов полагал, что словарная статья должна обязательно включать и фразеологические единицы. В редакциях Ломоносова на словарь, подготовленный Академией наук, содержится много теоретических положений о качестве и объеме словарей. Замечания Ломоносова позднее были учтены составителями знаменитого «Словаря Академии Российской».

Помимо лексикографической деятельности Ломоносова все большее внимание уделяет вопросам русского стихосложения. По его мнению, стихосложение должно учитывать грамматические особенности русского языка, принимать во внимание «природные валеги языка своего». В «Письме о правилах российского стихосложения» (1739, опублик. 1778) Ломоносов указывает, что русская литература должна идти своим самостоятельным путем, опираясь на богатые возможности русского языка.

Большое внимание уделял Ломоносов и разработке проблем русской прозы. В Риторике («Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоим красноречия, т. е. пратории и поэзии, сочиненная и польза любящих словесные науки», 1748) он изложил свои взгляды на задачи русского прозаизма. Ломоносов считал, что, прежде чем упорядочивать русский литературный язык, следует уяснить его словарный состав, учесть источники его обогащения.

Одним из таких источников был церковнославянский язык, памятники церковнославянской письменности. В Риторике Ломоносов высказала глубокие мысли о чистоте стиля, которая может быть достигнута только путем изучения грамматики русского языка, иной разговорной речи русского образованного общества, а также книг. К проблеме стиля Ломоносов возвращался в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке».

Филологическая деятельность постепенно подводила Ломоносова к необходимости выработать грамматические нормы современного ему русского литературного языка. После опубликования Риторики он принялся за работу над «Российской грамматикой» (1755, опублик. 1757), в предисловии к которой писал: «Особенно для того издаю на свет, что уже Риторика есть, а без Грамматики разуметь трудно»¹.

К работе над «Российской грамматикой» Ломоносов приступил во второй половине 40-х годов. До 1754 г. Ломоносов с перерывами в работе накапливал и анализировал фактический материал. Написали черновика Грамматики занял еще два неполных года. 31 июля 1755 г. Ломоносов представил академическому собранию подготовленную им, но не доведенную до конца «Российскую грамматику». Этот черновой вариант был переписан и сдан в типографию. Но и после сдачи рукописи в набор Ломоносов продолжал работать над ней. Таким образом, существовало три рукописи Грамматики: 1) черновой экземпляр Ломоносова, 2) беловая копия и 3) каборный экземпляр с редакционной правкой Ломоносова. Из одну из этих рукописей отыскать не удалось.

В работе над Грамматикой Ломоносов использовал методы, выработанные им при занятиях естественными науками. В общей филологической направленности книги проявляется естественнонаучный материализм, который составлял основу мировоззрения Ломоносова. Опираясь на эмпиризм как на гносеологическое направление филологии XVIII в., Ломоносов стремился преодолеть незавершенность системы эмпирико-индуктивных средств. Он следующим образом определял путь научного познания: «Из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения есть лучший всех способ к наисканию правды»². Ломоносов подчеркивал здесь решающую роль опыта как источника необходимых данных, которыми должен оперировать ученый. Основным источником, на котором черпал данные Ломоносов-лингвист, была устная, прежде всего народная разговорная, речь. Другим источником была устная народная поэзия — песни, былинки и сказания, которыми так богат архангельский край. Изучение истории русского языка привело Ломоносова к знакомству с оригинальными памятниками древнерусской письменности. Подготовительные материалы к Грамматике содержат огромное количество лексических, фонетических, морфологических, синтаксических и фразеологических

¹ Цит. по кн.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1952, т. 7.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 4, с. 163.

примеров, почерпнутых из ужившихся птиц петухов. Ломоносов категорически возражал против построения грамматики русского языка по образцу грамматики других языков. «Подражают жюири. — писал он, — даяа грамматики, ииуждают на другие языки. Славизаиис [Подражающие всему греческому]».

Конкретный фактический материал получал у Ломоносова теоретическое обоснование. Ломоносов инстинктивно подошел к подлинно материалистическому пониманию отношения языка, мышления и действительности, к пониманию роли языка в развитии человеческого общества.

Ломоносов исходит из того, что источником инстинктивных, выражаемых словом, является «чувства», которые представляют собой ощущения, воспринимаемые внешним миром. «Чувствительные в мире вещи», по Ломоносову, действуют «активно» на ум наш, посредству человека «в скорому и краткому их сообщении» посредством слуха. Именно слух, речь возвысило человека над окружающим его животным миром.

Язык, утверждает Ломоносов, выполняет коммуникативную функцию: слово дано человеку «для сообщения с другими своих мыслей». Язык нужен людям для «согласного общия для тежения», т. е. для совместной практической деятельности. Без языка общество напоминало бы «махицу», все части которой лежат «особливо» и бездействуют, отчего «все бытие их тщетно и бесполезно». И язык человека, выходящий его над животными, обеспечивает необходимое условие жизни и развития общества.

В материалистических взглядах Ломоносова применительно к языку следует выделить понимание природы как постоянно изменяющейся категории. Ломоносов писал: «...твердо помнить должно, что видные телесные на земле вещи и весь мир не в таком состоянии бывае с начала от создания, как язык находим, но великие происходима в нем перемена»¹. Идею исторического развития он переносит и на язык: «Так-то не вдруг переменяются языки! тьмю непостоянно! так-то пропала еврейский, аларбейский, салкиский, латинский! и прочие! Польский и росейский язык колы давно раздалкис! Подумай же, когда курландский!² Подумай же, когда латинский, греч., нем., росе. О глубокая древность!»

Ломоносов не только говорит о развитии языка вообще, но и замечает последовательность такого развития: «Как все вещи от начала и малом количестве начинают и потом привокупаясьики возрастают, так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, в начале было тьмю различно и одними простыми речевыми [т. е. словами. — Ф. Б.] довольствовалося, но с приращением понятий и само помалу умножалося, что происходило проиже вожденнем в сложилцеже».

Важность этих замечаний Ломоносова можно оценить, если иметь в виду, что метафизическая наука того времени отстаивала

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. т. 5, с. 574.

² Под курландским языком Ломоносов понимает латинский язык, а под аларбейским — со-владимому, исчезнувший алгарабийский язык (в Малой Азии).

представление об абсолютной неизменности явлений природы. Если и говорилось об изменчивости, то подчеркивалось главным образом сохранение данного, а не возникновение нового. Ломоносов уже освободился от взглядов на природу и составляющие ее части как абсолютно неизменные категории. Ломоносовский принцип опирается при изучении явлений языка на общеприродное понятие о человеческом слове как в дальнейшем характерной особенностью русского языкознания.

Говоря об исторических изменениях языка, Ломоносов отмечает в то же время относительную устойчивость русского языка, его сравнительно малое изменение в течение двустолетнего времени. В «Предисловии о пользе книг церковных...» он пишет, что росейский язык больше чем за семьсот лет «не столько отменился, чтобы старому разуметь не можно было», в то время как некоторые народы «не разумют языка, которым предки их за четьреста лет негалах, ради великой его перемены, случившейся через то время».

Ломоносов высказывает интересные соображения о диалектной основе русского языка. Он выделяет три основных диалекта, которые именует «главными росейскими диалектами», — московский, поморский и украинский. Поморским диалектом Ломоносов называет северновеликорусское наречие, московским — не только московский говор, но и вообще акционные говоры, и украинский диалект он не считает самостоятельным языком (становление украинского литературного языка происходило позже). Диалекты русского языка, по мнению Ломоносова, были более тьмю связаны между собой, чем диалекты, например, немецкого языка, когда «баварский крестьянин мало разумет мекленбургского или бранденбургского языкаколы, хотя все того же немецкого народа». В эпоху языковой раздробленности большинства государств Европы Ломоносов придавал большое значение объединяющей роли русского языка, который связывал его носителей на территории громадного государства. Уже в то время Ломоносов считал язык одним из основных признаков, характеризующих нацию. «Народ росейский, — писал он, — по великому пространству обитающий, неширлая на дальное расстояние, говорит нешмду яраушительным друг другу языком в городах и в селах».

В работах М. Г. Смирницкого, Г. Лудольфа, В. К. Тредиаковского высказывались мысли о разграничении русского и старославянского языков. Ломоносов уже четко определил, какие признаки письменности написаны на древнем русском языке, а какие — на церковнославянском: «...речи, и росейских астолицех находящиеся, различия от древнего моравского языка, на который переведено прежде священическое писание; ибо тогда росейский диалект был другой, как видно из древних речений в Песторе, каковы находятся в договорах первых росейских князей с царями греческими. Тьму же подобны законы Ярославовы, «Правда Русская» называющиеся; также прочие исторические книги, в которых употребительны речи, в Библии и в других церковных книгах, коих предного, но большей

части не найдется»¹. Ломоносов признавал договоры первых русских князей с греками, «Русскую правду», летописи Нестора написанными на древнерусском языке, а Библию и другие библейские книги — памятниками старославянского (древнецерковнославянского) языка. Ломоносов считал церковнославянский язык одним из источников формирования русского литературного языка.

Ломоносов не только отличал древнерусский язык от старославянского, но и имел довольно полное представление о славянской языковой семье в целом. Он пытается установить степень близости между различными славянскими языками: «Языки от славянского произошли: 1) российский, 2) польский, 3) болгарский, 4) сербский, 5) чешский, 6) словацкий, 7) венгдский [луизицкий—Ф. Б.]». Ломоносов указывает на большую близость, например, русского языка к болгарскому, чем к польскому. В «Древней Российской истории», рассматривая вопрос о происхождении русского народа, Ломоносов говорит, что «кочевники одержали не одно токмо имя свое славянское, но и язык сродных себе славян, около Дуная и в Иллирии обитающих, который много сходнее с великороссийским, нежели с польским, незирая на то, что поляки живут с ними ближе, нежели мы, и соседственны»². Эту же мысль он повторяет и в «Предисловии к пользе книг церковных...», где говорит о восточных славянах (т. е. болгарях), которые «говорят языком, руссиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, незирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность».

Ломоносов обращает внимание и на балтийские языки, указывая на их родство со славянскими. Балтийские народности он рассматривает как происходящие от славянского племени³. Следует отметить, что выдвигнутая Ломоносовым гипотеза балто-славянской языковой общности привлекла внимание и позднейших исследователей. В качестве доказательства связи славянских языков с балтийскими Ломоносов указывает не только на общие лексические элементы, но и на грамматические формы. Так, рассматривая родственные связи древнерусского языка со славянскими, он пишет: «Явные свидетельства о сходстве древнего прусского языка [со славянскими.—Ф. Б.] найдут, кто кроме идиом имени жерен, волхуп и слова, что в обрядах употребляются, рассмотрит и грамматическое их произвождение»⁴. Ломоносов одним из первых грамматистов понял, что «языки не меньше различаются свойствами, нежели словами», т. е. грамматический строй языков не менее различен, чем их словарный состав. (Лишь в начале XIX в. немецкий языковед Ф. Бопп стал привлекать грамматические формы для доказательства родства языков.)

В сфере научных интересов Ломоносова находили не только славянские и балтийские языки. В 1755 г. он сочинил письмо о сход-

¹ Державин М. И. Письм. собр. соч., т. 9, с. 415.

² Там же, т. 6, с. 190—191.

³ См. там же, с. 174.

⁴ Там же, с. 209.

стве и переменах языков. Это письмо, к сожалению, до нас не дошло, но сохранились черновые наброски к нему. Среди набросков по сравнительно-историческому языкознанию следует отметить также рукописные материалы «о сродных языках российскому и о непознанных диалектах», «речи разных языков, между собою сходные». В них Ломоносов стремится установить родственные связи между языками за пределами славянских и балтийских языков. Так, он говорит о языках «сродственных» и «несродственных», сравнивая этимологически надежные числительные первого десятка. В качестве «сродственных» языков выступают русский, греческий, латинский и персидский, в качестве «несродственных» — финский, мексиканский, голландский и китайский.

Приводимые Ломоносовым примеры из родственных и неродственных языков показывают, что он определял родство основных языков индоевропейского семейства (ему был неизвестен санскрит), устанавливал состав этого семейства и обосновал связи между языками этого семейства задолго до английского ученого У. Джонса (1786). (Следует заметить, что ни Джонс, ни позднее Бопп не включали славянские языки в состав индоевропейской семьи.) При сравнении языков Ломоносов пользовался неизвестным до него методом сравнительного анализа, и это составляет его величайшую заслугу.

Ломоносов очень точно определял и родственные отношения внутри финно-угорских языков: «Ливония, Естляндия, Ингрия, Финляндия, Карелия, Ливония, Пермия, черемиса, мордва, итязки, иврияне говорят языками, весьма сходными между собою, которые хотя и во многом различны, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх сего, сильная земля Венгерская хотя от восточных чудских областей отдалена великими славянскими государствами, т. е. Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменистве ее жителей с чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подтверждается еще их выходом из сторон, где и повзше чудские поколения обитают, их остатки. Представив чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии и по большей части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силен на свете»¹. В состав финно-угорской языковой семьи он включил практически все языки (кроме мансийского и хантыйского). Поскольку эти языки находились в тесном контакте с русским языком, то Ломоносов уделяет большее внимание роли финно-угорских, или «чуждых», элементов в составе русского языка.

В «Российской грамматике» содержится много замечаний, свидетельствующих о том, что Ломоносов имел представление о характере самых различных языков. Сравнивая фонетические и грамматические системы родственных и неродственных языков, он приблизился к пониманию типологических связей между языками².

¹ Ломоносов М. В. Письм. собр. соч., т. 6, с. 195.

² Лексикографическая типология — наука, изучающая сходные черты в родственных и неродственных языках.

Например, он указывает на различие гласных по долготе в греческом, латинском и немецком языках (см. § 34), отмечает не только наличие лишь мужского и женского рода в итальянском и французском языках, но и наличие отсутствия грамматического рода в турецком и персидском языках, а также в восточных в английском языке (см. § 62). Ломоносов указывает, что языки имеют различное количество падежей: русский — 7, латинский — 6, греческий — 5 и т. д. Причины этого, по его мнению, лежат в разных способах выражения грамматических отношений в различных языках.

Большой интерес представляют ломоносовские замечания о типологии систем письменности у разных народов. Говоря о пероглифическом характере древнеегипетской и китайской письменности, Ломоносов замечает: «Хотя таковые сокращения в разных языках многи и различны, однако всегда за основание имеют неразделенное член слова и поему письма далеже отстоят от письма пероглифического, якоже древние сциптане употребляли, и ныне подобае видим у китайцев, ибо не видя и не наследуя подробного разделения, которому человеческое слово подвержено, целые понятия вседей разным начертанным изображают и мысли свои почти извольном представляють».

Собранный Ломоносовым большой сравнительный материал по разным языкам, высказанные им теоретические соображения привели его к осмыслению специфических особенностей русского языка, отличающих его от других языков, введением тенденций и развития русского литературного языка. Эти тенденции нужно было привести к системе, выработать нормы русского языка. Эти задачи решались в «Русской грамматике».

В Грамматике Ломоносов унифицировал орфографические правила, орфоэпические нормы и изложил морфологическую структуру русского литературного языка. По словам акад. В. В. Виноградова, Грамматика Ломоносова была почти до самого начала XIX в. активным руководством, откуда русская интеллигенция черпала свои познания о грамматическом строе русского языка, об его звуковых и морфологических нормах, о правилах составления конструкций и их употребления¹.

Ломоносов выступил против фонетического принципа написания, выдвинутого в свое время Тредиаковским. Он полагает, что орфография должна служить объединению, а не разобщению людей, говорящих по-русски. Например, принимая за норму литературного произношения такую особенность московского говора, как *аканье*, он в то же время возражает против написания *о* вместо *о в* безударном положении, замечая при этом: «Но ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насвально». Ломоносов формулирует следующие общие принципы, на которые должно опираться русское правописание: «В правописании наблюдать надлежит: 1) чтобы оно служило к удобному чтению

каждому знающему российской грамоте, 2) чтобы не отходила далеко от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский, 3) чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) чтобы не закрывались совсем звуки произношения и сложения речений». Последнее положение очень важно, так как оно указывает на важность морфологического принципа, который является ведущим в орфографии современного русского языка.

Разграничивает Ломоносов звук и букву. То, что мы называем звуком, Ломоносов считает «неразделанной частью человеческого слова». «Таковы неразделанные части слова, — пишет Ломоносов, — изображаются по их различию различными начертаниями, которые называются по-нашему буквами». Разницу между звуком и буквой он иллюстрирует примерами. Так, он указывает на четыре способа произношения буквы *т* в зависимости от фонетического положения, морфологических форм и положения ее в отдельных словах: 1) как *у* фрикативное (*бог*), 2) как *х* в конце слова (*друг*) (здесь важно указание на позиционное оглушение звонкого согласного в конце слова), 3) как *ч* в конце слов иностранного происхождения на *-тр* (*Петербург*), 4) как *в* в окончаниях прилагательных на *-ств*. Однако разграничение звука и буквы у Ломоносова проведено не всегда последовательно, а в последующем развитии русского языкознания оно было забыто почти на два столетия.

Ломоносов обратил внимание и на отличие и признание русских *ы* и *и* (попытался артикуляционно определить это различие), а также на отличие мягких согласных от твердых согласных, причем для обозначения мягкости он шел походом надгласный знак (например, слово *слабы* в немецком переводе Грамматики, сделанном под наблюдением Ломоносова, пишется как *sl'by*).

Но больше всего нового Ломоносов внес в описание морфологического строя русского языка, который отличается от грамматической системы других языков. При определении грамматических понятий Ломоносов исходит из принципа отражения в них вещей и явлений, «действий» действительности (имен — это «изображения словесные вещей», глаголы — «изображения действий») и из принципа социально-коммуникативной обусловленности языка.

В Грамматике подробно освещены получают грамматические категории имен существительных, в частности категории рода, числа, падежа. Говоря о различных падежах русского языка, Ломоносов не дает общего определения грамматической категории падежа, хотя пытается это сделать. В одной из черновых заметок он пишет: «Падежи называются перемена означания имен, по разным действиям или страданиям соизвоющих с ними глаголов определенная». Падежи выступают у Ломоносова как категории, характеризующая изменением означания и показывающая отношение имени к другим словам в предложении и связь имени имени с другими словами. Ломоносов выделяет семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, предложный.

¹ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7, с. 853—859, 861.

Хотя под влиянием античной традиции Ломоносов и вводит знаменитый падеж, он отмечает, что этот падеж не имеет особой грамматической формы и совпадает по форме с именительным.

При описании грамматических категорий Ломоносов внимательно относится к предшествующей грамматической традиции. Так, дальнейшее развитие получает высказанная В. Е. Алодуриным мысль о существовании в русском языке двух чисел — единственного и множественного. Категория двойственного числа, употребительная в старославянском языке, в русском языке встречается редко.

Ломоносов впервые в истории языкознания сформулировал все основные понятия, относящиеся к грамматической категории рода. Он разрешил вопрос о принадлежности имени существительного к тому или иному роду в зависимости от окончания и от семантики слова (а не характера основы), показал способ выражения различия между мужским и женским родом и названными животными, подметил наличие в русском языке некоторых имен, происходящих от глагола, которые «суть рода общего» (платье и т. п.). Эти слова так называемого общего рода в настоящее время составляют в русском языке многочисленную группу.

Что касается прилагательных, то Ломоносову принадлежит идея разделения их на качественные, относительные («материальные») и присяжные. Он говорит об образовании степеней сравнения прилагательных, отделяя их от форм субъективной оценки, и приводит способы образования форм сравнительной (при помощи суффикса «е») и превосходной степеней (присоединением приставки *пре-* и суффиксов *-ийн-*, *-ийн-*). Исследовав вопрос о полной и краткой формах прилагательных, Ломоносов первым из языковедов приходит к выводу о преимущественном употреблении относительных прилагательных в полной форме и об отсутствии у некоторых качественных прилагательных параллельных кратких форм.

Впервые в истории русского языкознания Ломоносов разработал учение о глагольной системе русского языка. Во взглядах на эту проблему в грамматиках Смотрицкого и Алодурина сильно чувствовалось влияние античной грамматической традиции. Так, согласно Грамматике Смотрицкого, глаголы делятся на личные, безличные, неопределенные («стропотные») и неопределенные («лишние»). В глаголе Смотрицкий выделяет пять времен, пять залогов и шесть наклонений, Алодуров же отмечает лишь три времени русского глагола, не выделяя вида.

У Ломоносова система глагольных времен представлена особенно прекрасно: настоящее, прошедшее неопределенное, прошедшее определенное, давнопрошедшее первое, давнопрошедшее второе, давнопрошедшее третье, будущее неопределенное, будущее определенное единственное. Столь подробное деление глагольных времен нужно было для выяснения взаимосвязей временных отношений глагола с катего-

тивной его стороной. Ломоносов не выделял категорию вида, но в переписании писем у него прославляются значимые категории вида, не названной терминологически. Встречается такая запись: «Разница меж *почерка(ть)* и *буду черкать* и меж *почеркал* и *черкал*», из которой видно, что речь идет о распределении глаголов по видовому признаку. Ломоносов различает употребление и значение таких пар глаголов, как (*хочу*) *бросить* — *бросать*, *отдурить* — *отдуривать*.

Что же касается наклонения, то Ломоносов утверждает наличие в русском языке форм трех наклонений — повелительного, повелительного и неопределенного, которое называет несокращенным наклонением.

По Ломоносову, для русского языка характерны шесть залогов: действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний, общий. (Из пяти залогов у Смотрицкого он исключил отложительный, который упоминается также у Алодурина, и добавил взаимный и возвратный.)

При анализе грамматических категорий знаменательных частей слов Ломоносов опирается на повседневное употребление языка, на его иа родную основу. Его Грамматика полна примеров из общепользуемого русского языка, церковнославянскими в ней представлены редки. В этом — важная особенность Грамматики Ломоносова и одновременно ее отличие от широко распространенных в то время на Западе философских грамматик, которые описывали строй западноевропейских языков, опираясь на традиции античной грамматики.

В Грамматике и особенно в Риторике предметом пристального изучения являются проблемы синтаксиса. В решении Ломоносовым синтаксических вопросов в большей мере чувствуется влияние предшествующей синтаксической традиции (славяно-русской, античной, западноевропейской), чем при решении проблем морфологии. Но и здесь Ломоносов стремился освободиться от «искусственных конструкций, обращаясь к речевой практике, к «лучшему, рассудительному употреблению» языка. При этом у него наблюдается стремление к философскому осмыслению основной синтаксической единицы — предложения — с господствовавшей тогда логической точки зрения. Выдвигая мысль об отражении действительности в языке, Ломоносов рассматривает предложение как выражение суждения (или «рассуждения»). «Сложение знаменательных частей слова, или речений, — пишет он, — производит речи [т. е. предложения. — Ф. В.], полный разум в себе составляющее чрез снесение разных понятий». Развернутую теорию предложения Ломоносов излагает в Риторике; в ней он дает определение предложения: «Сложные идеи состоят из двух или многих простых идей, между собою сопряженных и совершенный разум составляющих. (...) „Сложные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда известны или ижеженно сообщаются, тогда их предложениями называют». Основные признаки предложения, по мнению Ломоносова, — законченность мысли, грамматически оформленная связь слов и сложение

* См.: Милеева В. И. История создания «Русской грамматики» М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961, с. 62.

(т. е. объединение) разных понятий («вещи» и «бытия»). В акте сообщения «вещь и бытие» должна прежде свое бытие, потом деяния». Этим двум понятиям соответствуют две основные части предложения: подлежащее и сказуемое, которые могут выражаться и отдельным словом, и группой слов. Любопытно, что Ломоносов включает в состав подлежащих и те «привативные предложения», которые при помощи относительных местоимений и наречий определяют и распространяют эти подлежащие.

Предложения разделяются на утвердительные и отрицательные, которые, в свою очередь, «бывают общие и особенные».

Учение о предложении у Ломоносова сливается с учением о периоде как стилистической категории: «Предложения логические в рассуждении совершенного разума суть то же, что у раторов периоды». Периодом Ломоносов считает не только сочетание предложений, но и одно предложение, «составленное сопряжением простых идей». В зависимости от количества предложений в периоде, он может быть одно-, дву-, трехчленным и т. д. В зависимости от объема периода, а также от объема групп подлежащего и сказуемого в отдельных членах периода, Ломоносов различает периоды трех типов: 1) круглые и умеренные, члены которых друг от друга «незначительно не много разнятся»; 2) выходящие, в которых члены подлежащего и сказуемого «очень неравны»; и 3) отрывные, когда «речь состоит из весьма коротких и во большей части одночленных периодов, в которые могут перемонены быть долгие чрез отягчение союза». Особенное значение придает Ломоносов связи и взаимодействию грамматики с логикой, считая последнюю «первой производительницей» после грамматики всех наук.

Логическая окраска ломоносовского учения о предложении и его главных членах — подлежащем и сказуемом, включение синтаксиса в риторику (ограничивавшуюся ранее теорией поэтической речи и вопросами литературной стилистики) не позволяла решить вопросы, относящиеся к строю предложения, определить различные типы предложения, его состав, уяснить отношения между словами внутри предложения.

Для Ломоносова характерна нормативно-стилистическая направленность исследований синтаксиса. Так, он замечает, что в русском языке глагол быть «редко явственно обозначается, в особливо в обыкновенном стиле и в разговорах». К простому стилю, по его мнению, должно быть отнесено и употребление форм давкопрошедшего времени (*было оскрел, бывало верыдал*). Ломоносов резко выступает против употребления синтаксических конструкций, чуждых русскому языку и механически заимствованных из других языков. «Весьма погрешают те, — писал он, — которые по свойству чужих языков деспричастия от глаголов личных лицами разделяют, ибо двенадцатое должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит смысл: *идучи я в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, послал за моря*. Но многие в противность сему пишут: *идучи я в школу, встретился со мною приятель; написав я грамотку, он кричал*

за моря, (...) что весьма неграциозно, и досадно слышу, чувствующему право российское самознание».

Ломоносов рассматривает и вопросы «сочинения частей слова», т. е. учение о формах и типах словосочетаний. Словосочетание у Ломоносова сводится к сочетанию слов в предложениях по принципу согласования и управления. Он различает «сочинение имен», «сочинение глаголов», «сочинение вспомогательных частей слова» и «сочинение частей слова по разным обстоятельствам». По мнению акад. Виноградова, Ломоносов в какой-то мере отрывает учение о «сочинении частей слова» от предложения: «...в учении о сочинении слов рассматривались не функции и значения словосочетаний в разных видах предложений, а лишь синтаксические свойства самих частей или элементов речи (включая сюда предлоги, союзы и междометия)»¹.

Синтаксис Ломоносова не только составил целую эпоху в истории русской грамматической мысли, но отчасти не потерял своего значения и для нас благодаря точности и жесткости грамматического описания синтаксических особенностей русского языка.

«Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758) — самая поздняя филологическая работа Ломоносова. Правящие круги церкви не забыли обиду, нанесенной им Ломоносовым в «Изине бороде», и готовились расправиться с ним. Чтобы обезопасить себя, а главным образом только что созданный им Московский университет, Ломоносов и написал статью на угодную Синоду тему. В основу статьи положены три тезиса: 1) литературной гегемонии церковнославянского языка пришел конец: только «для древности чувствуем в себе к славянскому языку некоторое особенное почитание», а в живой разговорной речи славянизмы не употребительны; 2) каждый должен «уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога»; 3) «довольство российского слова... в собственном достатке велико», а поэтому составной частью русского литературного языка должна быть письменная и разговорная речь широких слоев народа, а не «дикие и странные слова, величесты, входящие к нам из чужих языков». Так Ломоносов продолжает характерную для русского языковедения борьбу за чистоту русского языка.

В этой небольшой статье Ломоносов ставит три важные проблемы: 1) сосуществования в составе литературного языка церковнославянских «обветшалых» слов и русских народных элементов, 2) разграничения литературных стилей и 3) классификации литературных жанров. В статье он высказывает также интересные мысли об устойчивости основного словарного фонда русского языка, об особенностях истории русского литературного языка, отличающих ее от истории польского и немецкого языков, о тесной связности диалектов русского языка.

«Предисловие о пользе книг церковных...» завершило теорети-

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фертунатова). М., 1958, с. 33.

ческую работу Ломоносова в области филологии. Он мог с законной гордостью сказать, что благодаря его трудам «стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражению идей трудных».

Синтетико-аналитические приемы исследования, философское решение проблемы взаимоотношения языка и мышления, признание принципа историзма в развитии языка — все это характеризует лингвистическую концепцию Ломоносова. Автор академической нормативной грамматики русского языка, реформатор в области теории и практики стихосложения, основоположник сравнительно-исторического языкознания, Ломоносов до сих пор продолжает оказывать влияние на развитие отечественного языкознания.

Все последующее развитие русской грамматической мысли вплоть до 20—30-х годов XIX в., до появления грамматики А. Х. Востокова и Н. И. Грета, можно назвать ломоносовским. Опираясь на теоретические установки «Российской грамматики», лингвисты конца XVIII в. не только повторяли изложенные Ломоносовым правила языка, но в ряде случаев значительно углубляли научные грамматические проблемы. К сожалению, остался незамеченным ломоносовский призыв изучать язык с философской, т. е. теоретической, точки зрения. Интерес ученых сосредоточивался на сборе дополнительного материала, на разработке специфических особенностей грамматической системы русского языка. Начавшие появляться учебные грамматические руководства по русскому языку должны были содействовать распространению грамотности и знаний в народе.

Среди грамматических руководств, возникших под влиянием «Российской грамматики», следует выделить «Русскую универсальную грамматику, или Всеобщее писмословие...» (1769) Николая Гавриловича Курганова (1725—1796) — выдающегося русского ученого и просветителя XVIII в., следователя Ломоносова, математика, астронома, филолога, картографа. Книга Курганова, выдержавшая 11 изданий под названием «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присолокучением разного ученого и полезного вездешного», была своеобразной энциклопедией общественных наук.

Исследователи творчества Курганова отмечают его обширные знания и вкус в филологических занятиях, хорошее знание современной литературной и народно-разговорной речи. Задачу грамматики как науки Курганов определяет следующим образом: грамматика есть знание, как говорить и писать правильно. Вслед за Ломоносовым автор отличает церковнославянский язык от русского. Близка ему и ломоносовская мысль о морфологическом принципе орфографии (фонетический принцип Курганов считает весьма неспристойным). Одним из приложений к Письмовнику был «Словарь равноязычный», включавший в себя иностранные слова, употребляемые в русском языке. Курганов дает переводы этих слов на обычный разговорный язык (басейн — 'бадья лозная', актер — 'представщик', аудитория — 'слушальница' и т. д.). Курганов закан-

чивает словарь словами о том, что употребление иностранных слов, а особенно без нужды есть не обогащение, а порча языка.

Своеобразие кургановской грамматики состоит в том, что в ней содержится рядовым ученикам о распространении «простой речи», т. е. простого предложения, второстепенными членами предложения (без употребления этого термина). Акад. Виноградов, обративший на это внимание, считает также, что Курганов значительно дополнил ломоносовскую теорию сочетания слов, расширил и уточнил определения некоторых форм словосочетаний. Например, Ломоносов указывал на сочетание глаголов с существительными только в дательном падеже (влияю *тебе* кому); Курганов указал на сочетание глаголов с существительными и в предложном падеже (влияю *на стуле*). Подробней, чем у Ломоносова, разработано им учение о сочетании наречий. Понятие предложения в целом Курганов связывает с наличием в нем глагола как структурного ядра, как «минимума» предложения.

Определяя значение грамматики Курганова, Виноградов отмечает, что она синтетична, с одной стороны, тем, что, опираясь, в основном, на «Российскую грамматику» Ломоносова, она стремится пополнить ее как живым материалом констатацией разговорно-бытовой речи, так и отдельными фактами архаического синтаксиса церковнославянского языка, взятыми из Грамматики Смотрицкого. Этот материал, не всегда достаточно систематизированный и грамматически обобщенный, все же несколько расширял рамки и содержание ломоносовской грамматики (...). Курганов предпринял дальнейшие шаги для сближения грамматики с логическим и риторическим учением о предложении и порядке. (...) У Курганова добавляется то же, что у Ломоносова, смещение задач учения о словосочетании и проблем синтаксиса предложения»¹.

Грамматика Курганова, отражая многообразие речевого употребления 60—80-х годов XVIII в., содействовала преобразованию русского литературного языка, нормативному закреплению литературного словоупотребления, изучению и уяснению грамматического строя русского языка.

Одним из наиболее значительных последователей Ломоносова во второй половине XVIII в. стал Василий Прокофьевич Светлов (1744—1783). Большое место в литературной деятельности Светлова занимают труды по русскому языку. «В его трудах обнаруживается редкое для того времени внимание к законам языка», — писал о Светлове Я. К. Грот². Светлов известен прежде всего как автор «Опыта нового российского правописания, утвержденного на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей» (1773). Вопрос о правописании во второй половине XVIII в. стоял очень остро, поскольку неясности, неопределенности, колебания в русской орфографии были многочисленны. Выход из этой путаницы Светлов видел в установлении нормированных правил.

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 46—47.

² Грот Я. К. Словарь историк русского правописания от Петра Великого доныне. 2-е изд. СПб., 1876, с. 191.

И в самом названии работы, и в предисловии Светов подчеркивает свою предметную связь с Ломоносовым: «...следуя по большей части «Русской грамматике»... Ломоносова, стараясь избрать среднее между старинным и нынешним новым правописанием, которое от прежнего, в первой половине 18-го века в употреблении бывшего, элитную отмену имеет»¹.

Светов руководствуется основными принципами написания, установленными Ломоносовым, — чтобы не удалялось много от чистого выговору и чтобы не закрывалось совсем следы произношения и склонения речений». Он предлагал писать *дуб*, *овца*, *свиноба*, *вылазка*, *вадка*, *круг*, *отсасть*, несмотря на то, что *б* как *д*, *в* как *ф*, *з* как *х* или *ж*, *д* как *ж*, *м* как *ш*, *я* как *с* выговариваются, ибо в именах и глаголах написание проверяется по косвенным падежам и спряжениям. Вслед за Ломоносовым Светов подчеркивает необходимость стилистической дифференциации вариантов написаний. Так, окончание прилагательных *-ий* и *-ий* он считает принадлежностью высокого стиля, а окончания *-ой* и *-ей* свойственными просторечью. Не копируя орфографическую часть «Русской грамматике», Светов следующим образом определяет свою задачу: «...думал я показать усуду тем, что собрал в одно место множество разных речений сомнительного и трудного правописания и показал причинам, для чего их так писать надлежит». Так, *флаг* он рекомендует писать через одно *г*, *офицер* — через одно *ф*, указывает, что следует писать *будги* (а не *бугги* или *будыги*). Светов выступает против просторечного произношения слов с включением лишней буквы (*страж*, *мдроз* и т. д.). Нужно помнить при этом, замечает Светов, из каких частей эти слова составлены и каков их корень.

В Грамматике Светова содержится также некоторые уточнения орфографических правил, введенных Ломоносовым. Так, у Ломоносова вст последательными различения написаний *ь* и *ы* по родам существительных, оканчивающихся на шипящий. Давая такое различение, Светов говорит, что надо писать не *ключь*, *товарищь* (ибо в родительном падеже мы говорим не *ключя*, *товарищя*), а *ключы*, *товарищы* (в родительном падеже *ключа*, *товарища*).

Иногда Светов отходит от орфографических рекомендаций Ломоносова и предлагает свои правила, которые в русском языке не удержались. Так, вопреки Ломоносову, предлагавшему исключить из русской азбуки буквы *ѣ*, *ѵ*, *ѿ*, Светов считает необходимым их оставить. По его мнению, надлежит писать *демократия* (а не *демократея*), *академия* (а не *акадекия*) и т. д. Однако эти предложения Светова не соответствовали привычному наследию русского языка и не закрепились в нем.

Светову принадлежит еще «Краткие правила ко изучению языка российского» (1790), представляющие собой локальную переработку «Русской грамматике» Ломоносова. Статьи Светова «Некоторые общие примечания о языке российском» (1779) состоит из несколь-

ких заметок, посвященных сравнению русского языка с иностранными, относительно его к церковнославянскому.

Светов привлекался также к составлению российской грамматики и составил для нее таблицы о правописании иностранных слов, о членки и т. д. После его смерти написание российской грамматики было поручено Барсову как «человску, в слове российском много убожествующему и более прочих себя и оном оказавшему»¹.

Член Академии Российской, профессор Московского университета Антон Алексеевич Барсов (1730—1791) в истории русского языкознания второй половины XVIII в. явился достойным последователем Ломоносова. Продолжая материалистическую традицию Ломоносова, Барсов чрезвычайно внимательно и пылливо изучал русский язык, причем не только язык литературный, но и живую разговорную речь.

Н. М. Карамзин считал Барсова великим мужем русской грамматики. Барсов, шутя он, весь уходил в грамматику, жил для склонений и спряжений, боялся именами существительными и видам во сне наречия. В оценке Карамзина верно то, что Барсов был истинным жрецом своей науки и много сделал для исследования свойств и особенностей русского языка. Любопытно также признание писателя, что если он умеет задумываться над словом, то этим драгоценным для писателя качеством он обязан Барсову². Несколько поколений учащихся знакомилось с русским языком по руководству Барсова «Краткие правила российской грамматики» (1771). По высшим достижениям научной деятельности Барсова является его рукописная «Российская грамматика», над которой он работал с 1783 по 1788 г.³ Как отметил сам автор, его Грамматика была полнее и обстоятельнее ранее существовавших, поскольку многие положения получили более подробные объяснения. Грамматика Барсова состоит из пяти частей: 1) правописания (орфографии), 2) просодии (словоударника, или акцентологии), 3) правописания и пунктуации, 4) словопроизведения (этимологии) и 5) словосочетания (синтаксиса). В Грамматике, по словам Барсова, «многие пункты наставления вновь выработаны»⁴, все правила изложены в систематическом порядке. В Грамматике чувствуется основательное знакомство Барсова с филологической литературой того времени, с трудами выдающихся европейских лингвистов. Но в основу Грамматики положена «Российская грамматика» Ломоносова.

Исходным тезисом для Барсова стало положение о том, что человек отличается от других животных словом, поэтому наука о языке есть «истинно человеческая и важнейшая». В соответствии с состоянием европейского языкознания того времени, отождествлявшего явление языка с законами логики, Барсов также стре-

¹ Сухомылов М. И. История Российской Академии. СПб., 1878, вып. 4, с. 248.

² См. там же, с. 241.

³ Полагаю оригинал Грамматики не сохранился, осталось только три списка: один хранится в Ленинграде, два — в Москве.

⁴ Надрезки на рукописи Грамматики Барсова даны по изд.: Сухомылов М. И. История Российской Академии, вып. 4, с. 271—296.

¹ Цит. по изд. Светов П. П. Опыт начального русского правописания... 2-е изд. СПб., 1787.

мисли объяснить явления языка, особенно его синтаксические свойства, исходя из законов логики. Но он вовсе не отождествил грамматику с логикой. Барсов приходит к выводу о самостоятельности грамматических явлений по отношению к логическим, в специфичности языкового выражения. Признавая неразрывную связь языка и мышления, Барсов привлекает логику «для точнейшего познания правил синтаксических».

В соответствии с философией эпохи Просвещения Барсов признает слова знаками мыслей, понятиями о вещах, а не самими вещами. Знаковой сущностью слова он считает его звучание, чужденно воспринимаемую сторону. «Слова или реченки, — пишет Барсов, — суть знаки наших мыслей, научно произносимые»; «реченье или слово есть изображение голосом, а потому и буквами, одной частью мысли, состоящее из одного или нескольких слогов».

В изложении синтаксиса Барсовым много заимствовано из логики, поэтому и «синтаксические свойства языка могут быть удовлетворительно объяснены только при помощи и на основании логики». Исходя из этого, он рассматривает предложение как выражение суждения. Предложение определяется Барсовым как единица языка, соединенная из слогов и полный или совершенный смысл имеющая, т. е. выражающая относительно законченный смысл. «Речь же [т. е. предложение. — *Ф. Б.*], — пишет далее Барсов, — полный смысл имеющая, состоит в ясном и предположительном утверждении или отрицании сказуемого о подлежащем». Слова, входящие в предложение, Барсов называет частями речи (т. е. предложения); слова состоят, в свою очередь, из складов (слогов), а склады — из букв.

Надо отметить, что целый ряд терминов Барсова прочно вошли в грамматическую терминологию и продолжают употребляться и ныне дни. Так, вместо термина «склад» он ввел термин «слог», вместо «речь» — «предложение», вместо «речение» — «слово». Барсов же ввел термины «сложное предложение» (ср. у Курганова «сложная речь»), «логическое» и «грамматическое», «подлежащее» и «сказуемое». При характеристике глагольчатания он уже употребляет современные термины «глагольчатание» и «управление». Сохранились и предложными Барсовым выражения «обстоятельства», «обстоятельства действия» (он дал также их определения, которые, по сути, остались неизменными и в наших грамматиках).

Барсов выделяет в своей Грамматике орфоэпию («правоизглашение») в качестве самостоятельного раздела; цель орфоэпии — «написание о познании, исправном произношении и складывании букв и правильном произношении или чтении происходящих из сего слов или речений». Некоторые его предложения, слишком смелые для того времени, не были приняты. Так, он предлагал акцентировать как лишние буквы *иъ*, *иѣ*, *ишю*, *ишюу*, не обозначающие особых звуков, оставить букву *ѣ* вместо буквы *и*.

В орфографии Барсов был сторонником ломоносовского морфологического принципа. В отличие от своих предшественников Барсов правильно понял природу русского ударения, определив его как слоговое.

Самый большой раздел Грамматики посвящен морфологии («этимологии»). Имен в виду прежде всего систему русского литературного языка и исходя из Грамматики Ломоносова, Барсов внес много своего в решение морфологических проблем. Так, Ломоносов только разграничил существительные, выражающие одушевленные и неодушевленные предметы. Барсов же указывает на материальную основу грамматического рода — пол, относим к мужскому роду имена собственные и нарицательные, принадлежащие естественному мужскому полу. Впервые в истории русской грамматической мысли Барсов выделил и описал группы существительных, употребляющихся только в форме множественного числа.

Барсов уточняет некоторые положения Ломоносова о количестве глагольных времен в русском языке и их функциях. Ломоносов, как известно, выделял восемь времен; Барсов насчитывает в русском языке шесть времен — пять простых и одно сложное. К простым временам он относит настоящее (деиство), переходящее (деиство), прошедшее совершенное (деиство), давнопрошедшее (деиство), будущее (деиство). Сложным временем является будущее неопределенное (буду или стану деиство). Барсов считает, что переходящее, прошедшее и давнопрошедшее времена по своей сути показывают вообще прошедшее время, но разным образом. Развернутой теорией видов глагола Барсов не дал, но во многих местах своей Грамматики он сопоставляет соответственные формы совершенного и совершенного видов. «Барсовские времена — это своеобразная форма существования глагола, так как само разграничение времен построено Барсовым на анализе видовых значений русского глагола»¹.

Ломоносовскую мысль о разграничении высокого и низкого стилей Барсов развивает применительно к орфоэпии («правоизглашению») и морфологии («этимологии»). Он указывает, что не все звуки сохраняют постоянный, определенный выговор. Так, с под ударением в просторечии переходит в *ѣ* (всѣдѣй); имя *Петр* хотя и удерживает в просторечии *ѣ*, но когда принадлежит высоким особам, то удерживает *е* (*Петр Великий*). Существительные в родительном падеже множественного числа на *-овъ* сохраняют это окончание в простонародных словах (*хуторовъ*), в высоком слого, по мнению Барсова, они имеют окончание *-евъ* (*сангвотевъ*). Элементы стилистической фонетики и морфологии составляют отличительную особенность Грамматики Барсова.

Рассматривая предложение как форму суждения, Барсов стремился избежать ошибки, столь часто повторяемой на протяжении почти всего XIX в., а именно отождествления формы предложения с формой суждения. Он отмечает несоответствие субъекта и предиката суждения подлежащему в сказуемому предложению даже в порядке их расположения: «Подлежащее по строгости логической полагается по наибольшей части прежде сказуемого... Но в грамматическом и общем употреблении столь же часто поставляется сказуемое

¹ Тобольская М. П. Из истории русской грамматики. (Рукописная грамматика А. А. Барсова). — Уч. зап. МПИ на В. И. Ленина. 1966, т. 292, с. 170.

в [ва] термом, а подлежащее в [на] последнем месте»¹. В предложении может опускаться не только связка *есть*, но даже подлежащее или сказуемое, а в суждении такого никогда не бывает. Конкретный материал русского языка приводит Барсов и к выводу: «грамматические подлежащее и сказуемое иногда в одном и том же предложении не сходятся с логическим».

Опираясь на труды Ломоносова, Барсов различает и учение о синтаксисе, или грамматике. Если в Грамматике Ломоносова синтаксис изложен крайне кратко, то Барсов значительно расширяет объем и задачи синтаксиса. «Словосочинение (*syntaxis*) учит разные слова или части речи правильно и с употреблением в языке принятым сходственно соединять в одну речь, полный или хотя некоторой смыслу имеющую. Синтаксис, с другой стороны, выступает у него как «наставление о соединении и связании нескольких слов или целых речей», т. е. как учение о словосочетании и предложении.

Наглядная, как и Ломоносов, на различении в предложении состава подлежащего и состава сказуемого, Барсов дает их детальный грамматический анализ, указывает способы их грамматического выражения. Так, подлежащее может быть выражено существительным, местоимением, субстантивированным прилагательным (понятие вводится Барсовым), причастием, наречием количества. Для «точнейшего слова означения» Барсов предлагает термин «прилагательное». Сказуемое может быть простое и составное («описанное»). Кажущиеся нам известными, эти понятия были впервые разработаны и введены в грамматический оборот Барсовым. Учение о членах предложения выступает у него как органическая часть теории предложения.

Характеризуя способы образования составного («описанного») подлежащего (типа *Панел ослепел, приятное зрелище, страх смерти, война с турками*), Барсов указывает, что эти писания распространены вторичными описаниями, к которым могут быть приближены третичные и т. д. Эти замечания можно считать как бы зародышем учения о второстепенных членах предложения.

Впервые в русском языковедении синтаксис Барсова кладет начало учению о типах простого предложения. Он выделяет отрицательные предложения с частицей *не*, именные предложения, которые характеризуются наличием связки и сказуемого, предложения, состоящие из одного слова (*Гроза; Говорят; Ветер; Луна*). По современной терминологии, эти предложения безличные, а также предложения, выражающие категорию состояния.

Останавливается Барсов и на сложном предложении. К сложным он относит не только предложения, которые состоят «из двух или более связанных между собой предложений разных, т. е. таких, из которых каждое явно имеет свое собственное подлежащее и сказуемое», но и предложения слитные, в которых подлежащее или сказуемое представляет собой сочетание двух или нескольких однородных членов.

¹ Цит. по кн.: Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 52—53.

Анализ предложения Барсов связывает с изучением порядка слов. Он впервые выдвигает понятие логического, или фразового, ударения, которое называет «грамматическим выражением». Он выделяет возможные случаи:

Я говорил тебе или Я тебе говорил, т. е. не иной кто;

Тебе я говорил или Тебе говорил я, т. е. не иному кому;

Говорил я тебе или Говорил тебе я, т. е. не умолчал.

При анализе этих случаев Барсов вводит в синтаксис элемент интонации. Фразовое ударение («грамматическое выражение») у Барсова служит для различения грамматического предложения от риторического периода (что было свойственно Ломоносову). Акад. Виноградов считал чрезвычайно важным событием в истории грамматики намеченный Барсовым перенос сложного предложения из риторической сферы в грамматическую.

Интерес к интонации предложения и его членению на части слыши у Барсова с описанием тех ритмо-мелодических фигур, которые обозначаются на письме знаками препинания. Барсов ввел новые знаки препинания: тире («молчанку»), клянычки («вносный знак»), аведачку («замечательный знак») и параграф («статейный знак»).

Барсов, в отличие от Ломоносова, стремится изучать словосочетание не только как самостоятельную единицу, но и как часть предложения. В его трудах намечается очень важная тенденция преодоления традиционного разрыва между учением о частях речи и о частях предложения.

Подобно Ломоносову, Барсов признает существование синтаксических различий между «штваяки» русского литературного языка — высоким (т. е. литературной нормой) и низким (т. е. разговорной нормой). Так, он указывает, что возвратные глаголы со страдательным значением «более употребительны в выражениях, к славенскому свойству склоняющихся» (*онна ему от нас прошлется*), а именные обороты (*волосы дыбом*) — для «простонародного употребления» характерны. Поэтому Грамматику Барсова иногда определяют как стилистическую.

Специфическая особенность Грамматики Барсова заключается еще в том, что в ней встречаются попытки исторического раскрытия закономерностей развития грамматического строя. Всецело существующие грамматики носили нормативно-описательный характер. Их цель заключалась в том, чтобы научить правильно литературно говорить и писать. «Российскую грамматику» Ломоносова и Грамматику Барсова отличает стремление рассматривать языковые явления в их происхождении и развитии.

По замечанию Ф. И. Буслаева, Барсов «оказывается в своей Грамматике достойным последователем Ломоносова; для истории русского языка в XVIII в. предлагает она весьма много любопытных данных»¹. Эти «любопытные данные» акад. Виноградов усматривает, например, в том, что «в синтаксисе Барсова впервые обозначается

¹ Цит. по кн.: Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 51.

векторный подход и рассмотрению внутренних качеств предложения — с логической, структурно-грамматической, интонационно-смысловой и экспрессивно-стилистической точек зрения»¹. Приходится сожалеть, что Грамматика Барсова осталась только в рукописных списках. Своевременное ее опубликование оказало бы громадное влияние на развитие русской грамматической мысли XIX в.

Откачком на ломоносовский прием употребляют при изучении явления языка «общее философское понятие о человеческом слове», которое открывает «безмерно широкое поле для, лучше сказать, едва пределы мыслимое море», стала деятельность выдающегося русского просветителя-революционера Александра Николаевича Радищева (1749—1802). Радищев удивительно точно понял философское значение разделов «Российской грамматики». В «Слове о Ломоносове» (1780), завершающем «Путешествие из Петербурга в Москву», он, в конспективной форме изложил ломоносовское философское рассуждение о слове вообще, на самом естественном и легком сложении основанном, отмечает заслуги Ломоносова как первого «основателя истинных правил языка нашего в... размыкателя естественного расположения всяческого слова».

Философ-материалист, Радищев пытался решить наиболее сложные теоретические проблемы своего века, в том числе проблему природы сознания и связанную с ней проблему взаимоотношения языка и мышления. Эти вопросы он разбирает в своем трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792). Советские ученые считают, что трактат «О человеке...» представляет собой едва ли не единственное в своем роде философское сочинение в мировой литературе. В нем разбираются гносеологические проблемы взаимоотношения языка и мышления. Он очень сложен с точки зрения логики и конечных выводов автора².

Радищев устанавливает соотношение языка и мышления и роль языка и процесса общения людей исходя из материалистического положения о первичности материи и вторичности сознания. Он считает человека «существом подражающим», т. е. воспринимаящим воздействия внешней среды. Рассмотрев отличие человека от животных, Радищев отмечает вертикальное положение («возникшую походку»), руки, мышление, по главным образом речь. Только человек одарен способностью речи. Он один имеет нужные для речи органы.

Радищев говорит о языке как «о благороднейшем по разуму [т. е. после разума. — Ф. Б.] даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей»³. Речь является исключительной способностью человека, возвышающей его над всеми живыми существами. Она расширяет «мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти извещением всеобщим». Радищев подчерки-

вает коммуникативную функцию языка, указывая, что речь есть главное средство общения между людьми. Он считает, что речь как «исключительная способность рода человеческого» послужила стимулом для развития человека как совершеннейшего создания природы. Без речи была бы невозможна практическая и научная деятельность людей.

Будучи идеалистом в оценке общественных отношений, Радищев не понимал роли труда в становлении человека, приуменьшая в то же время значение человеческой речи. «...Кто воззвал род человеческий и обидел к нему на лесов и дубрей? — спрашивает Радищев. — Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнущаться порока и добродетель сотворка любимию?» И тут же отвечает: речь, слово.

Радищев рассматривает язык в тесной взаимосвязи с мышлением. По его словам, человек «звук [т. е. слово. — Ф. Б.] сделал мыслящим, а мысль «преобразила в чертоносное [т. е. характеризующееся определенными признаками. — Ф. Б.] депетанше», т. е. в язык. Понимая речь как выражение мысли, Радищев указывает на произвольный, случайный характер связи слова с обозначаемым этим словом предметом. Наши мысли — только значения (т. е. обозначения) вещей, выражаемые произвольными звуками; следовательно, заключает Радищев, нет «существенного сопряжения или союза между мыслию и словом».

Звук, «горланно человеком произносимый», и мысль — продукт мозга, будучи оторванными друг от друга, теряют свои преимущества. Мысль человека, неспособного говорить, никогда не достигнет той степени развития, какой она бывает у нормального человека. Без речи «онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыла бы недействующи, полумертвы». Нормальное мышление человека, по мнению Радищева, возможно только благодаря его связи с языком. Абстрактное мышление, тесно связанное с языком, выступает в понимании Радищева как фактор познания окружающей среды. С развитием языка возрастали умственные способности человека, он глубже начал понимать и познавать природу и ее законы: «Как будто окрест вращающегося среди густейших мглы испадает мрак и темнота; очи его зрят ясность, уши слышат благотласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что должно: доколе же чужд был и того и другого».

Все это свидетельствует о безусловном приоритете Радищевым взаимосвязи языка и его «водителя» — мысли. Радищев приходит к выводу, что «водитель речи, мысленности, возлагать будет оружие [т. е. славиться, складывать оружие. — Ф. Б.], речи мысленная». С момента появления человека на земле язык и мышление тесно связаны между собой. «...В первичнейшем его [человеческом. — Ф. Б.] состоянии, в состоянии естественном или руководителем [речь и разум, рассудок. — Ф. Б.] его не оставляют».

Говоря о речи аримой, Радищев имеет в виду письменность, приобретение которой сыграло огромную роль в прогрессе человечества. Он дает и схематическое изложение развития письменности:

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 65.
² См. Галустьянко А. А., Избрания П. Ф. Русских философия XI—XIX вв. А., 1930, с. 132.
³ Цит. по кн. Радищев А. Н. Избр. философск. и обществ.-полит. прозаик. М., 1952.

«...чертание образов зримого, картина была первое зримое изображение [изображение. — Ф. Л.], речь звучную заменяемое; живопись должна перографы, а сии гораздо уже позже — буквы».

Радцев чрезвычайно высоко оценивает роль науки о языке, полагая, что она лежит в основе всех наук. Человек, занимающийся другими науками, не должен гордиться преимуществами своей науки перед наукой о языке. «Возгордились паче жермы, — предупреждает Радцев такого ученого, — помысли, что знание твоё, что наука твоё есть над твою речи... помысли — и усмирися».

Касаясь сущности пространства и времени — основных категорий философского материализма, — Радцев указывает, что важнейшим условием существования всякого объекта является время. Он не применяет этого положения к языку, но его указание на отношения одновременности и последовательности, в которых находится явление объективного мира, в том числе и языка, чрезвычайно важно. Появление языковых единиц и необходимости изучать явления языка и с точки зрения одновременного их существования, и в их последовательном историческом развитии.

Высказанные Радцевым материалистические воззрения на природу языка не были развиты в трудах непосредственно succeeding за ним языковедов и потому, что его работы были мало известны, и в силу исторических условий. Но Радцев навсегда останется в истории русского языкознания как ученый, впервые давший философски обоснованное материалистическое понимание проблемы взаимосвязи языка и мышления, происхождения языка, его роли в жизни общества.

Глава 3

Идеи всеобщей грамматики в языкознании первой половины XIX века

В конце XVIII — начале XIX в. в грамматических трудах русских языковедов находим отражение идей всеобщей, или философской, грамматики, увлечение западноевропейских филологов в XVIII в. Философские грамматики были известны еще М. В. Ломоносову. Он говорил, что общая грамматика есть философское понятие о человеческом слове, а «особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, расудительному его употреблению»¹. Но элементы философской грамматики у Ломоносова встречаются лишь изредка, в целом они не оказали значительного влияния на его грамматическую систему. Гораздо сильнее принципы всеобщей грамматики дают себя знать в Грамматике А. А. Барсова, который заимствованные из логики считает необходимыми «для точнейшего понятия правил синтаксических».

Официальное признание в России философская грамматика получает в начале XIX в. В 1804 г. появился «Устав учебных заведений, подведомых университетам», согласно которому все учебные заведения подразделялись на приходские училища, уездные училища, губернские училища (гимназии) и университеты. Каждому учебному заведению были определены свои цели и задачи. Русской грамматике отводилось место только в программах для уездных училищ, а в гимназиях в круг философских дисциплин наряду с логикой, психологией и правоучением была включена всеобщая грамматика.

Введение курса всеобщей грамматики не было неожиданным. В начале XIX в. в Россию из Германии прибывает много профессоров, среди них спекулятивисты по философии. В научную среду проникают идеалистические учения Канта, Фихте и Шеллинга. С другой стороны, и русская молодежь, обучавшаяся в европейских, преимущественно немецких, университетах, проявляла большой интерес к вопросам философии.

¹ Философская грамматика была связана с именем знаменитого французского философа, родоначальника рационализма Р. Декарта. Декарт подчеркивал последние

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7, с. 420.

задачи, считая, что именно в нем лежит критерий истины. Теоретические принципы всеобщей грамматики изложены в книге А. Арпа и К. Давидо «Грамматика всеобщая и теоретико-критическая, соединяющая основы естественной речи, которые принадлежат людям и простому языку; логические основы всего того, что есть общего между всеми языками, и главные различия между ними, а также многочисленные замечания по французскому языку» (1860). Эта книга послужила основой под названием «Универсальная и радиальная грамматика» или Грамматика Пьер-Рояля.

Всеобщая грамматика строилась на основе логических принципов раскрытия общих законов приспосабливания, строения и функционирования языков. Она строилась на базе логического определения сущности понятий, выражаемых в слове, и суждений, волеизъявлений и предложений. Авторы грамматика считают, что в языке все должно быть вынесено записи и целесообразности. Если логика оперирует категориями понятия, суждения, утверждения и действительности, формулирует законы, соблюдая которые необходимо для достижения каких-либо результатов, то языки радиальной грамматики, как полагают Арпа и Давидо, заключаются в том, чтобы определить законы, обеспечивающие изучение как отдельного языка, так и всех языков мира. Ученого можно достичь, лишь выходя из и способы выражения в языке таких логических категорий, как понятие, суждение, утверждение. Суждения, будучи выражены в словах, называются предложениями, а слово понимается как понятие, выражаемое элементарными атомными. Структура предложения обобщается тождественной структуре суждения. Подобно тому, как суждение состоит из субъекта, связки и атрибута, так и предложение (например, *Человек бежит*), выделяет в себя три же элемента: субъект (*человек*), связку (*бежит*) и атрибут (*бежит*), т. е. человек есть *бежит*. Всеобщая грамматика исходит из отождествления логических и языковых категорий: если логические категории являются всеобщими и всеобщими, то языками же считаются и соответствующие им языковые категории. Как это так, утверждает философская грамматика, то не следует упускать, обнаруживая в конкретном языке те же закономерности, что и в других языках. Поэтому одной из главных задач языковедения должно быть выявление всеобщих, универсальных категорий.

Грамматика определяется как искусство речи, таперия. Говорить — значит выразить свои мысли с помощью знаков, произведенных людьми для этой цели. Эти знаки передаются звуками голоса. Под этими авторами Грамматика Пьер-Рояля понимает слова, которые подразделяются на классы: слова одного класса обозначают предметы мысли (существительные, местоимения, прилагательные, артикли, предлоги, наречия), а другого — способ, manner различия мысли (глаголы, союзные, междометия). У знаков выделяются две стороны: внешняя, т. е. звуки или буквы, и внутренняя, т. е. обозначения. Большое место во всеобщей грамматике уделяется синтаксису, в анализе которого господствует логическая точка зрения.

На многочисленных граммах русского языка, появившихся в начале XIX в., продолжавших популяризацию ломоносовских идей и отчасти связанных с идеями всеобщей грамматики, следует отметить «Основания русской словесности» (1807) А. Никольского. Продолжая традиции Ломоносова, Никольский выделяет восемь частей речи, подробно разбирает систему многочисленных времен; у него отсутствует учение о видах. Далее, как у Ломоносова, выделяется глава «О сочинении слов», где говорится об употреблении слов, их изменении, расположении, управлении одних слов другими. Рассматриваются, например, такие вопросы, как употребление увеличительных и уменьшительных существительных, значение падежей, правила согласования существительных с прилагательными и т. д.

В Грамматике разбираются приемы сочетаемости слов, относящихся к разным частям речи, при образовании сочетаний и предло-

жений. Учение о предложении отнесено к риторике. Никольский (вслед за Ломоносовым) детально описывает формы и правила распространения простых предложений, виды периодов, т. е. сложных предложений. По специфике придаточных предложений и по способу соединения их между собой Никольский выделяет периоды винословный (причинный), усилительный, повелительный (уступительный), условный, изъяснительный, относительный и последовательный.

С другой стороны, многие в «Основаниях русской словесности» связывают их с философскими грамматиками. Грамматика начинается логическим введением, в котором даются определения понятию и суждения, выделяются части суждения (подлежащее, сказуемое и союз), определяются основные виды предложений (простое, сложное, утвердительное, отрицательное, общее, частное, теоретическое, практическое), разграничиваются в сфере предложений аксиомы, постулаты, теоремы и проблемы.

Понятия слова и предложения Никольский объясняет на основе логических категорий. Он считает, что всякое понятие, выраженное голосом или на письме, называется словом или режем (предложением). Когда разум наш два понятия между собой соединит или одно от другого отделил, такое действие его называется (рас)суждением, а (рас)суждение, выраженное голосом или на письме, — предложением. Суждения-предложения, по Никольскому, состоят из подлежащего (кого понятие, о котором рассуждаем, т. е. с которым соединяем или от которого отделим другое понятие¹) и сказуемого (тех понятий, которые соединяем с подлежащим или отделим от него). Подлежащее и сказуемое соединяются между собой союзом, который может и подразумеваться. В книге Никольского начинает закладываться логическая основа синтаксиса русского языка.

Впервые в русском языковедении логико-грамматическая точка зрения на язык была выражена профессором Харьковского университета Иваном Степановичем Рижским (1759 или 1761—1811) в книге «Введение в круг словесности» (1806). Слова суть знаки наших мыслей. «Свойства означаемой вещи, — говорит Рижский, — должны находиться в ее изображении, если оно только может их выразить. Следовательно, все, что существенно и всегда принадлежит нашим мыслям, должно быть существенно и непременно в наших словах»². Изучение общих качеств слова в «непрерывной» связи с мыслью составляет, по мнению Рижского, особую философскую науку, которая называется всеобщей, или философской, грамматикой. Рижский призывает существование общих логических законов, отражающих свойства человеческой мысли. «Имеющие основание не на извлечении природы, но на существенных и неизменяемых

¹ Цит. по изд. Никольский А. Основания русской словесности. 4-е изд. Спб., 1822.

² Цит. по изд. Рижский И. С. Введение в круг словесности. Харьков, 1806.

человеческого слова качества». Эти общие качества слова позволяют изучать и понимать иноязычные языки.

Важно отметить, что Рихский впервые обращает внимание на то явление, которое в дальнейшем у знаменитого немецкого лингвиста В. Гумбольдта в работе «О различии строев человеческих языков и его влияния на духовные различия человеческого рода» (1836) получило название «внутренней формы» языка. «Внутренняя форма», по Гумбольдту, представляет собой сугубо индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства. Специфически характерный для данного народа внутренний взгляд на вещи и явления и выражается в языке этого народа. Именно «внутренняя форма» языка позволяет отличать один язык от другого.

Рихский также отмечал, что «как и черты лица каждого не только народа, но и человека бывают нечто особенное и отличительное, так и во всяком языке находится что-нибудь ему одному принадлежащее». Эти отличительные особенности каждого языка заключаются «в первоначальных понятиях вещи» и «во взаимного опыта соединении».

Окружающие являлись предметами и явлениями объективного мира различным образом воспринимаются различными народами. «Иного народа, — говорит Рихский, — он [предмет. — Ф. Б.] поражает таким, другого другим качеством... От сего происходит, что понятие разных народов об одной и той же вещи бывают различны в рассуждении: а) чужести... б) общности [т. е. полноты выражения понятия. — Ф. Б.], в) своего действия». Различные народы не только по-разному воспринимают объективный мир и выражают это различие разными понятиями; у каждого народа имеются свои, свойственные только ему понятия о тех предметах, которые у него только одного находятся. «Понятия о сих, как бы собственность народа составляющих предметах» и определяют «фактически» языка, фиксируя особенности национального миропонимания. Книга Рихского была одной из первых работ в истории русского языковедения, в которой самостоятельно ставятся проблемы общего языковедения.

Из собственно грамматических проблем, рассматриваемых Рихским, интересно отметить следующую. До него все русские грамматисты не касались вопроса о глагольном виде, включая его в сложную систему времен. По мнению Рихского, в русском языке «в совершенном» исполнении глагольного действия в прошедшем и будущем времени «видно еще тождество замечание, а именно, что исполное действие... иногда бывает продолжительное и многократно повторяемое, а иногда совершаемое в один присест и сын оттенки находятся даже в таких изъяснительных действиях, которые ни его лица, ни числа, ни времени не показывают, (...) т. е. в глаголах восклицательного наклонения». Так, не называя глагольный вид видом, он уже совершенно очевидно подходит к выделению этой грамматической категории глагола.

Удельские всеобщей грамматикой породила целый ряд учебных руководств, из которых следует отметить пособие Н. Орнатовского

«Налейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных» (1810). Эта книга показательна как первый пример применения принципов всеобщей грамматики к грамматике русского языка. Орнатовский (после за Ломоносовым) делит грамматику на всеобщую, или философическую, и частную. Всеобщая грамматика рассматривает состав слова человеческого и его отношения к понятию с теоретической точки зрения, частная грамматика изучает «выражательное» употребление элементарных звуков. Грамматика конкретного языка должна строиться, по мнению Орнатовского, на основе литературного, «описанного, присвоеннейшим в обществе людьми употребляемого языка»¹. Живой разговорный язык, диалекты частная грамматика изучать не должна. (Эта ориентация на изучение и разжак философской грамматики книжного русского языка позднее особенно сказались в грамматике Н. И. Греча.)

В традициях философских грамматик Орнатовский начинает книгу рассуждениями о достоинстве человеческого слова, о его происхождении и о языке вообще. Очень важной является мысль Орнатовского о том, что «костопольное и точное познание природного языка есть первоначальная, важнейшая необходимая обязанность всякого истинного гражданина, всякого верного сына отечества». «Слово, — пишет Орнатовский, — есть дар посредством различных изменений голоса сообщать другим свои мысли». Все языки имеют то общее свойство, что служат для выражения человеческих понятий с помощью членораздельных звуков. Поэтому основания языка у всех народов одни и те же. Но между языками существуют и различия, так как «всякий язык порою предполагает согласие народа сих, а не другие членораздельные звуки употреблять по взаимному сообщению понятий».

Орнатовский исходит из того, что у познания два источника — существование и разум. Поэтому он стремится дать определения одушевлен, предметности, понятию. «Когда мы понятие изображаем или членораздельными звуками, или письмом, — говорит Орнатовский, — тогда сие средство, служащее к возбуждению в других тех же самых понятий, называются словами, или реченными». При соединении одного имени с другим образуется суждение, состоящее из подлежащего и сказуемого. Если суждение выражено членораздельными звуками или письменными знаками, то оно называется предложением. Соединение нескольких суждений составляет мысль. Выражение мысли звуками голоса называется речью.

В работе Орнатовского представляет интерес его положение о необходимости различить язык как речевую деятельность, как общий, естественный и необходимый для всех людей дар слова и язык как употребление этого дара, его конкретное выражение принятыми в каждом народе различными звукознаменениями. Впервые в русском языковедении указано на различие языка как присущей

¹ Цит. по кн.: Орнатовский Н. Налейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных. Харьков, 1810.

человеческой способности речевой деятельности и языка конкретного народа. (Позднее это положение встречается в работах И. А. Бодуэна де Куртене, Ф. Ф. Фортунатова и других русских лингвистов.)

Ориатовский полагает, что для выражения мыслей недостаточно одних понятий и суждений, необходимы еще средства для выражения их отношений между ними. Но эти отношения он делит грамматикой на четыре части — словосоставление или словопроявление («эпихология»), словоисчисление (синтаксис), словоуподобление («просодия») и правописание (орфография).

Язык состоит из предложений, в основной категории грамматик, по Ориатовскому, является предложение. Всякое предложение состоит из подлежащего, сказуемого и связки, которая связывает предмет с его свойством или состоянием. Следовательно, в языке различаются три знаменательные части речи — имя, глагол и союз. Но поскольку всякий предмет можно рассмотреть с различных сторон, то Ориатовский выделяет в русском языке девять частей речи: имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол (вменяемые части речи) и наречие, предлог, союз, междометие (вменяемые части речи). Существительное — самая важная часть речи, так как оно выражает то понятие, которое возбуждает деятельность разума и составляет подлежащее предложения. Прилагательное, кроме выполнения атрибутивных функций, может быть сказуемым. Эта особенность сближает прилагательное с глаголом. Сам же глагол играет огромную роль в организации предложения. Ориатовский выделяет в самостоятельную часть речи числительное и исключил из состава частей речи причастие. Предложенная Ориатовским классификация частей речи послужила основой для большинства последующих классификаций.

В книге Ориатовского встречаются наивные рационалистические утверждения, особенно в рассуждениях о роде существительных неодушевленных и одушевленных. Он, например, полагает, что мужской род люди приписали таким вещам, «кои имеют некоторо свойство крепости, деятельности, общителности и вообще действия», а женский род — таким, которые «служат к исполнению чего-нибудь или к производению и вообще по природе своей более страдательны, нежели деятельны; более тихи, пасивны, приятны, нежели крепки и проч.»

Хотя грамматика Ориатовского построена на логической основе, у него уже проявляется стремление хотя бы несколько подчеркнуть различия между и задачами грамматики и логики. Ориатовский пишет: «Содражение слов, воображающее в связи в порядке наши понятия, называется речью... так как понятия, воображающие в связи состояние предметов, называются суждениями».

Методика преподавания русского языка на основе логической грамматики нашла свое выражение в книге «Опытный способ к философическому познанию русского языка» (1811) преподавателя Харьковского университета Ильи Федоровича Тимковский (1772—1853). Новым для своего времени является методическое указание Тимковского на необходимость исходить при изучении литературного

русского языка, а не изучать догматически сухие правила и определяться. Тимковский при помощи принципов всеобщей грамматики хочет объяснить «употребление русского слова». При этом прежде всего поясняется «состав мыслей и определение понятий, употребляемых в подлежащем и сказуемом». Предлагаемая Тимковским схема грамматического разбора является чисто логической. Традиции философской грамматики сказались в изучении синтаксиса, в котором центральное место занимает учение о предложении и его членах. Никаких других терминов для определения членов предложения, кроме подлежащего и сказуемого, еще нет. Все прочие слова рассматриваются как определительные, атрибутивные; они и определяются подлежащим и сказуемым.

При грамматическом разборе Тимковский впервые обращает внимание на функциональную роль ударения. Он отмечает: 1) различие в значении слов в зависимости от ударения (жук — жука); 2) различие падежей в тех же словах в связи с ударением (паша — паша); 3) различие в частях речи и значениях при одинаковом ударении, т. е. грамматическая омонимия (вино — «привычка» — вино — род. п. от вино); 4) различие падежей при одинаковом ударении в тех же словах (большая — род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч.). Для обогащения словарного запаса учащихся Тимковский предлагает заниматься синонимикой (ср.: пшвей, слабый, хилый, злорый, дряхлый). Большое внимание уделяется также роли порядка слов в предложении.

Книга Тимковского являлась блестящим подтверждением того, что логические схемы и заветные догмы всеобщей грамматики не выдерживали сопоставления с материалом конкретных языков, в данном случае русского.

Принципы философской грамматики наиболее последовательно проводятся в «Начертании всеобщей грамматики для гимназий Российской империи» (1812) Людвиге Генрихе Якоба (1759—1827). Книга была признана официальным учебником. Наряду с обычными положениями логической грамматики в ней содержалось много глубоких и интересных мыслей по обмену языкознанию.

Среди проблем общего языкознания Якоб прежде всего останавливается на понятии знака, под которым он понимает «каждый чувственный предмет, служащий средством к возбуждению другого определенного понятия в душе нашей»¹. Он различает знаки естественные (необходимые) и искусственные (произвольные). К естественным знакам он относит знаки внутренних душевных переживаний, например взгляды, телодвижения и т. д. Для обозначения вещей или понятий употребляются искусственные знаки, состоящие из членобразных звуков, несмысленных знаков, различных символов и т. д. Именно искусственные знаки употребляются как средства общения. Якоб впервые в русском языкознании дает определение языка через понятие знака, понимая под языком «каждую систему таких знаков, которые можно по произволу употреблять для

¹ Цит. по кн.: Якоб А. Г. Курс философии для гимназий Российской империи. Сиб., 1812, ч. 2.

«обобщения мысли». (Только через сто лет знаменитый французский лингвист Ф. де Соссюр также определял язык как систему знаков, выражающую идеи.)

Искусственные знаки, модальное и язык, обобщают рядом преимуществ перед другими знаковыми системами, употребляющимися при коммуникации. Эти преимущества Якоб усматривает и видит, что: 1) знаков немного, и разнообразие их расположения позволяет запомнить большую разнообразность других знаков; 2) их легко представить в памяти; 3) произвольность знаков (т. е. отсутствие необходимой связи между знаком и отображаемым им понятием) делает возможным их перемещение в процессе коммуникации; 4) язык возможно использовать в самых различных обстоятельствах; 5) абстрактный характер знаков.

Словами Якоб называет членобразные звуки, служащие для произвольного обозначения понятий. Совокупность этих слов составляет язык. Цель языка заключается в утверждении, а особенно в обобщении, мысли. Но для этого могут служить и другие искусственные знаки. Словесный язык, по мнению Якоба, наиболее совершенный, занимает особое положение среди других знаковых систем. «...Язык, — говорит Якоб, — необходим людям к мысленно, повину без опыта не можно никакой мысли в отвлеченности составить, а тем паче удержать. (...) ...Разум, неспорно, без иного [т. е. словесного знака. — Ф. Б.] никогда не мог бы достигнуть той степени совершенства, которого он при помощи языка достигнуть может, потому язык способен всех возможных признаков как к сохранению, так и [к] обобщению другим людям мысли».

В работе Якоба проводится параллель с теоретической точки зрения разделенная языка и речи, которое позже отмечает Гумбольдт. Правда, содержание, вкладываемое в эти понятия Якобом и Гумбольдтом, различно. У Якоба язык есть совокупность слов, употребляемых для общения, а речь — ряд слов, выражающих законченные мысли. Гумбольдт же различает язык как массу всего произведенного живой речью, как характерную принадлежность народа, а речь — как отдельные акты речевой деятельности.

Язык, по Якобу, тесно связан с мышлением. Мышление состоит из разделенных представлений признаков вещей или частных представлений: «разум их о том бы не мог составить, если бы чувства не доставляли ему материи». Примечательно здесь материалистическое понимание природы мышления. Содержанием мышления, его материей является объективная действительность, воспринимаемая нами через ощущения. Действие мышления, разума состоит в том, что «он охватывает многообразное, чувствами доставленное, обобщает его и дает признак понятия в отвлеченности».

В языке Якоб выделяет два ряда явлений: 1) слова, состоящие из звуков, или содержание, звуков, и 2) способ соединения и именования слов, т. е. форму языка. Под формой языка Якоб, конечно, понимает не специфический для данного народа способ именования действительности (это было характерно для Рихского), а «намеренные правила, по которым в каком-либо языке слова составляются, пе-

ременяются и соединяются в предложения и периоды», т. е. грамматику языка. Эта грамматика может быть двойного рода: грамматика, определяющая посредством сравнения сходства и различия многих языков, называемая сравнительной грамматикой, и грамматика, означающая законы формы каждого языка вообще, называемая всеобщей грамматикой или всеобщим языкознанием». Из этих рассуждений следует, что всеобщую грамматику Якоб отождествляет с общим языкознанием.

В «Намерении всеобщей грамматики...» Якоб поставил немало новых для начала XIX в. вопросов. К их числу можно отнести следующие: языковая природа языка, разграничение языка и речи, взаимоотношение языка и мышления, разделение задач общего и сравнительного языкознания и т. д. С. К. Булич о книге Якоба отзывался как «о замечательнейшем явлении у нас в области общего языкознания», как «настоящем источнике очерка общего языкознания, по многому уже близком к современным трактатам этого рода»¹. По мнению Булича, всеобщая грамматика Якоба превосходит все академические рукописи по всеобщей грамматике богатством и серьезностью содержания, проникнуто настоящим философским духом, малозначительного исхо и систематично, и в то же время без лишнего многословия. С последней частью оценки Булича вряд ли можно согласиться. Как раз существенным недостатком всеобщей грамматики Якоба является непоследовательность и запутанность терминологии, сложность и иногда даже непонятность изложения, полное отсутствие фактического материала. Эти недостатки особенно скапливаются в тех частях книги Якоба, где он излагает принципы деления грамматики на составные части.

Язык, по Якобу, служит для выражения мысли. В мысли же различаются: действие разума порождать и их соединение в одно целое. Из этого следует, что в каждом языке существуют составные части (элементы) языка и способы их соединения, которые рассматриваются во всеобщей теории частей речи и во всеобщем синтаксисе. Теория частей речи определяется Якобом при помощи именней, выражаемых речью. А так как выражаются либо мысли, либо чувства, то все слова должны быть либо словами мысли, либо словами чувства.

Выделение частей речи строится на основе структуры суждения. Всякое суждение состоит из подлежащего, сказуемого и связки. Поэтому все слова соответствующим элементам суждения или выражают отношения между ними. На основе этого Якоб делит слова на следующие группы:

- 1) слова, означающие подлежащее (nomina substantiva et pronomina);
- 2) слова, означающие сказуемое а) слов, означающих подлежащее (adjectiva), б) слов, означающих сказуемое (adverbia);
- 3) слова, выражающие суждение (т. е. verba);

¹ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России, с. 564, 572.

4) слова, обозначающие отношения: а) слова единственных полей (relations); б) слова предложений (propositiones);

5) слова, выражающие чувствование (interjectiones).

Предложенная Якобом классификация частей речи опиралась на логико-грамматическую точку зрения, что особенно сказалось в учении о предложении. Его характеризует неустановившаяся терминология, сложная и запутанная классификация: «Когда подлежащее и сказуемое посредством суждения сполучаются, тогда бывает предложение. Предложение может быть выражено одним и многими словами; подлежащее, глагол и сказуемое [рядка напш. — Ф. Б.] составляют все необходимые части оного». Предложения Якоб делит на простые и сложные, в зависимости от того, сколько в них выражается суждений.

Особенности синтаксической теории Якоба можно свести к двум моментам. Во-первых, Якоб стремится построить классификацию предложений исходя из существующих между различными предложениями отношений. Он выделяет отношения согласия (соединительные, сравнительные и усугубительные предложения), отношения противоположности (разделительные и протинительные предложения), отношения времени и отношения зависимости. Выделение здесь гипотетических, наоскительных, категоричных и т. п. предложений не подкреплено конкретным материалом русского языка. Во-вторых, Якоб предлагает и другую классификацию предложений, построенную по учету модальности суждений. И с этой точки зрения предложения делятся на утвердительные [1] безусловные или самостоятельные, выражаемые посредством изъявительного наклонения; 2) условные, зависимые или относительные, выражаемые сослагательным или неопределенным наклонением; проблематические или вопросительные предложения] и практические [1] требовательные или повелительные, выражаемые повелительным наклонением, и 2) желательные, выражаемые желательным наклонением]. Учет модальности предложений является одной из первых попыток в русской грамматической мысли классификации предложений с точки зрения отношения говорящего к высказываемой мысли.

Однако интересные синтаксические построения Якоба не привлекли внимания лингвистов. Слишком далеки от живого русского языка были схемы философской грамматики, слишком сухо были изложения. Поэтому по решению министерства народного просвещения был введен новый учебный план, по которому философская грамматика из учебных предметов исключалась. В 1818 г. комитет, созданный для разбора учебных книг, принял грамматику Якоба «умомеренно давно известную грамматик, сочинением равнодушным и бесплодным», а всеобщую грамматику вообще не полезной.

Запрещенное преподавание всеобщей грамматики имело не только педагогические прихваты, но также и политические. Преподавание всеобщей грамматики в начале XIX в. было связано с распространением просветительных идей XVIII в. Последовавшая после Отечественной войны 1812 г. эпоха реакции положила конец либеральным настроением, идеям просвещения, всекала разум, которые пропо-

ведовала всеобщая грамматика. Преимущественное внимание опять стали уделять старой практической грамматике, учившей правильно говорить, читать и писать на материале литературного языка.

Но идеи всеобщей грамматики не исчезли бесследно, потому что исходные положения философской грамматики привлекли внимание к логике языка, к установлению связи и взаимоотношения между логическими и грамматическими категориями. Через десять лет традиции философской грамматики были продолжены Гречем, в работах которого отразилось влияние различных направлений.

Николай Иванович Греч (1787—1867), филолог, журналист, прикнувшийся к реакционному лагерю русского общества 30—50-х годов, давно намеревался написать русскую грамматику универсального типа. Будучи хорошо знаком с работами немцев, французских лингвистов, придерживавшихся принципов философской грамматики, Греч не скрывал того, что при написании грамматических трудов ему «служили образцами учебные пособия и методы двух наций, французской и немецкой». Это привело к тому, что в основных своих трудах — «Практической русской грамматике» и «Пространной русской грамматике» (1827), неоднократно периздававшихся с небольшими изменениями под разными названиями в последующие годы, — Греч шел в русле всеобщей философской грамматики, слегка приспособленной к специфике грамматического строя отдельного национального языка.

Свои теоретические принципы Греч изложил в «Пространной русской грамматике». Он определяет язык как чувственное средство для передачи ощущений и мыслей. Говорить значит мыслить aloud; человек говорит потому, что мыслит. Греч устанавливает тесную связь между логикой как наукой о законах мышления и грамматикой как наукой о правилах выражения мыслей. Изучение языка с точки зрения отношений между содержательной и звуковой сторонами языка Греч называет философским. И задачу всеобщей грамматики он усматривает в поисках общих законов, по которым человеческий ум действует в изображении мыслей и чувств с помощью голоса. Частная же грамматика представляет собой, по словам Греча, собрание грамматических правил, которыми руководствуется отдельный народ в определенное время.

Гречу оказалась не чуждой мысль о связи философского рассмотрения языка с позицией логической грамматики со сравнительным языкознанием. «Философическое» рассмотрение языка воистину, по мысли Греча, от исторического, при котором принимается во внимание «происхождение и постепенное образование языка до известного времени».

Слова языка Греч разделяет на «знаки внешних на чувства наружные» и «знаки внутренних, душевных действий». Вероятно, указывая на двойственную природу слова, Греч имел в виду тот факт, что слово, с одной стороны, может выступать как знак внешний (т. е. звуковая оболочка слова), и с другой — как знак внутренний (т. е. носитель понятийной, смысловой стороны слова). Отличительными свойствами слова как знака являются его произвольность

и условность. (Эти специфические особенности языкового знака, отмеченные еще Якобом, в дальнейшем исследуются в работах Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушевского и других русских языковедов и составляют характерную особенность русской лингвистики XIX в.)

Придерживаясь в общем схем всеобщей грамматики, Греч, помимо указанных выше, выдвигает и другие важные положения общего языкознания. Так, он склонен к системному пониманию языка, рассматривая его как целое (организм), как «совершенную, связанную» систему, в которой определяются различные соотношения, в частности между «изображением мысли в уме» и звуками голоса. Следует также отметить указания Греча на социальную природу языка. Он говорил, что язык возникает при первом соединении людей в общество, создаваемый для «общих дел с подобными себе», человек ощущал необходимость в соединении своих мыслей и чувств. Эта необходимость создала себе средство, именуемое «языком» в обширном смысле этого слова».

Предметом своего исследования Греч считает грамматику русского языка, которую он определял как самый полный и первый кодекс русских грамматических правил и законов. Греч отмечал неоднородность системы языка. Он выделял в языке просторечные (разговорные), книжные, диалектные элементы. Но в основу своей грамматики Греч положил собрание правил общенародного книжного русского языка в современном ему состоянии. Скучный фактический материал русского языка, извлеченный из сочинений Карамзина, Жуковского, Батюшкова и описи Пушкина, игнорирование языка народного определяли искусственность и книжно-логическую препарированность грамматических правил Греча, зато позволяли ему рассматривать грамматические процессы и правила русского языка по запущенной схеме всеобщей грамматики.

Хотя современники и критиковали Греча за искусственность его построений, все же некоторые его суждения лингвистика сохранили. Так, именно в грамматике Греча установилось представление о главных и второстепенных членах предложения, об их соотношении, закрепились термины «дополнение» и «определение», наметилась тенденция к выделению «обстоятельств». Он разграничил простое и сложное, главное и придаточное предложения, определил основные типы придаточных предложений. Все это способствует более глубокому пониманию структуры предложения и раскрытию его особенностей. Греч заложил основы того логико-семантического понимания предложения, которое в несколько модифицированной форме дошло и до наших дней.

Неудача грамматики Греча объяснялась еще и тем, что он делал свои выводы, подводя факты языка под определенную схему. Против такого подхода и с резкой оценкой грамматики Греча выступал великий русский революционер-демократ Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848). Филологические наблюдения Белинского содержатся в рецензиях на различные грамматики и словари, в литературно-критических статьях и, наконец, в «Основах русской грамматики для первоначального обучения» (1837). Белинский счи-

тал, что грамматика не дает права языку, но извлекает правила из языка. Вообще наукою грамматики русского языка он придавал чрезвычайно большое значение, полагая, что грамматика укрепляет ум и теоретические знания весьма полезно.

Белинский резко выступал против «облатинских» русской грамматики, т. е. против написания русской грамматики по образцам латинской, французской и немецкой грамматик. Прежде чем составить грамматику, полагал он, необходимо аналитическое исследование русского языка, глубокое проникновение в анатомию, в физиологию, в таин организма языка.

Однако в «Основах русской грамматики...» также чувствуется влияние положений традиционной всеобщей грамматики. Белинский исходит из того, что поскольку «слово тесно связано с мыслью, то и грамматика находится в тесных отношениях с логикой и должна быть основана на ней»¹. Язык и мышление тесно связаны между собой. «Мысль относится к слову, как душа к телу, а слово к мысли, как тело к душе», — говорит Белинский. Он придерживается закрепощенности к тому времени в русском языкознании деления грамматики на всеобщую и частную. Всеобщая грамматика излагает законы, общие всем языкам в мире, а частная грамматика объясняет свойства и особенности одного какого-нибудь языка. Русская грамматика, например, учит говорить, читать и писать по-русски согласно с основными законами русского языка в общем употреблении или принятым обычаем. Мышление, по Белинскому, состоит из двух элементов — понятия и суждения. В языке понятия соответствуют слова, а суждению — речь, которая называется предложением.

Граматику Белинский делит на аналитическую и синтетическую. Слово как выражение понятий рассматривается в аналитической грамматике, или этимологии, а выражение суждений рассматривается в синтетической грамматике, или синтаксисе. Повторение широко распространенных положений, апробированных схем всеобщей грамматики не относится к достоинствам грамматики Белинского.

Более важным и оригинальным является привнесение материалистических начал в трактовку положений о связи языка и мышления. С позиций материализма решая основной вопрос философии, Белинский считал, что духовную природу человека нельзя отделять от материальной, физической². Объективную действительность он признает за первичное, а сознание человека рассматривает как продукт деятельности телесных органов и отражение внешнего мира. Белинский приходит к выводу, что деятельность ума не является чем-то нематериальным, а имеет под собой физическую основу.

Язык, убежден Белинский, неотделим от мышления. «Происхождение слова, — говорит он, — одновременно рождению мысли, т. е. человек стал говорить в то же самое время, как начал мыслить. Язык

¹ Цит. по кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т. М., 1953, т. 2.

² «Духовную природу человека не должно отлучать от его физической природы, как что-то особенное и независимое от нее» — Полн. собр. соч., т. 12, с. 331.

развивается и совершенствуется вместе с мыслями». Белинский придерживается мезодометной теории происхождения языка, полагая, что «первобытные языки начались с жемчужности, или... восклицательных слов, которые неопределинно выражают разные душевные движения».

Белинский был далек от понимания социальной природы языка. Но как не может не привлекать его мысль о том, что «создатель и властелин языка — народ, общество: что принято ими, то безусловно верно; траготеи должны безусловно покоряться их решению... Страны чистоты языка — не академия, но грамматика, не траготеи, а дух народа»¹.

В изложении конкретных вопросов русской грамматики Белинский продолжает традиции Ломоносова, учитывая в то же время в работы современных ему лингвистов, в частности А. Х. Востокова. Для своего времени труд Белинского представлял выдающееся явление. Он оказал влияние на знаменитого русского лингвиста Ф. И. Буслаева, который в детстве был учеником Белинского. Некоторые положения грамматики Буслаева почти дословно повторяют формулировки Белинского.

Одной из последних попыток обновить в русском языковедении положения неопределенной грамматики является книга **Ивана Ивановича Давыдова (1794—1863)** «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1852), построенная в соответствии с принципами немецкого лингвиста К. Беккера.

В основу своей системы, изложенной в работе «Организм языка» (1827), Беккер положил логические начала и сущности грамматики, философия языка с логикой. Это в общем-то не новая мысль. Но Беккер привнес и развил в лингвистике анималистическую у Гумбольдта идею «организма языка». Под организмом он понимал, конечно, не биологический организм, а организм как гармонично сложившуюся совокупность, т. е., пользуясь современной терминологией, под организмом Беккер понимал язык как систему, основанную на классовой групповой общности. Беккер старался внести ясность в терминологию грамматики, и эта сделка его как весьма популярной в западноевропейской лингвистике XIX в. и поставило в один ряд с именами В. Гумбольдта, Ф. Боппа и Я. Гримма.

В России логико-грамматические идеи Беккера получили довольно широкое распространение. Под их влиянием появляется ряд грамматических руководств, например «Система синтаксиса» (1848) **П. Е. Басистова**. По словам автора, объяснение грамматических форм «заключается в выражаемых ими логических отношениях понятий и мыслей». Басистов полагает, что логические категории, при всем разнообразии форм в различных языках, одни и те же для всех языков. «Изучение русского синтаксиса» (1848) **П. М. Перевалеского** также носит на себе отпечаток идей Беккера. В основу учения о членах предложения Перевалеский положил общие логико-семантические понятия о действующем предмете (как о бытии и деятельности) — подлежащем и сказуемом, имя и глагол, о страдательном предмете (дательном), об определении действия или о качестве ска-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 61.

зуемого (обстоятельство), об определительных именных словах (определение).

Но наиболее полно концепция Беккера изложена в теоретической части книги Давыдова. В предисловии ко второму изданию своей Грамматики Давыдов так раскрывал ее название: «Грамматика общесравнительная есть вместе и общая и сравнительная; она общая, потому что всем языкам грамматически в основании положены законы логические, общие языкам всех народов; она сравнительная, потому что особенности русского языка сравнены с родственными языками, в лексическом и грамматическом отношениях»¹.

Достоинством «Опыта общесравнительной грамматики» является то, что автор понял и поставил во главу угла беккеринское положение о системной организации языка, воплощенной в представлении об языке как организме. («Органическое» определение языка позднее будет встречаться у многих русских лингвистов, в частности у Буслаева.)

Задача своего труда Давыдов определял следующим образом: «Идея организма, охватывающая слово и проникающая его во всех отношениях, должна быть путеводною идеею всякого языковедения. Показать общие законы слова человеческого на началах мышления и частные особенности, объясняемые сравнением отечественного языка с языками однородными и соплеменными, — вот, по моему мнению, цель отечественной грамматики». Но одна частная грамматика, утверждает Давыдов, не может обойтись без помощи общей; лишь из взаимного их соединения образуется система. В качестве главного и основного принципа построения грамматической системы выдвигается такое общее положение: «Первая мысль человека является в предложении: точкою отправления во всем грамматическом объяснении должно быть предложение. Оно заключается в глаголе, и из глагола учащийся в состоянии сам вывести части речи, члены предложения и все грамматические формы языка».

Определяя в рамках формально-логической теории задачи общей грамматики, Давыдов видит их в объяснении того, как развивается свойственная человеку способность выражать свои мысли в членораздельных звуках и словах. А частная грамматика исследует особенности слова в одном каком-нибудь народе.

В книге Давыдова получает окончательное закрепление положение о связи логической грамматики со сравнительной, поскольку частные особенности, свойственные конкретному языку, объясняются с помощью сравнительного языковедения. Вплетение в логические рассуждения моментов сравнительного изучения языка свидетельствовало о постепенном забвении формально-логической теории языка.

Хотя работа Давыдова и полна мыслей, об отожествлении логических и языковых категорий, в ней встречаются интересные общетеоретические положения, которые подготовили становление общей теории языка в русской лингвистике.

¹ Цит. по изд.: Давыдов В. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. 2-е изд. Спб., 1853.

Замкнутость у Беккера понятие организма языка заменяет понятие языковой системы, к которому приближался Давыдов, утверждая, что «в языке нет ничего отдельного» и язык «представляет во всех своих частях и отношениях особый организм». Органическое развитие языка совершается в живой речи. Широко распространенной в середине XIX в. под влиянием романтизма концепции двух периодов в жизни языка — периода расцвета языковых форм и периода их упадка — Давыдов противопоставляет свой тезис о непрерывности и развивающемся языке.

Давыдов интерпретирует язык с точки зрения выполняемых им функций, понимал его как «одно из отправлений (function) или необходимых условий человеческой жизни». Основная функция языка проявляется в его коммуникативности, поскольку человеческая жизнь, потребности общения требуют «обобщения мыслей», передачи накопленного опыта.

В работе Давыдова чрезвычайно важной является мысль о том, что все в языке взаимосвязано. Давыдов не подошел еще к пониманию того, что совокупность отношений определяет функционирование языка (эта мысль была развита де Соссюром в его работе «Курс общей лингвистики», 1916). Однако он уже говорит о том, что истинное знание языка есть знание его органических отношений, ибо «отношения есть существенные элементы в мысли», а так как язык есть выражение мысли, то и в языке. Такое понимание языка очень близко современному, несмотря на его определение в рамках всеобщей грамматики. Давыдов утверждает единый предмет исследования — язык и систему существующих в нем отношений: «Со стороны логической язык выражает различные отношения понятий, а со стороны фонетической — различные отношения звуков». Различия в языке три типа языковых явлений — звук, понятие и отношение, — Давыдов в известной мере предвосхищает некоторые идеи последующего развития языкознания.

В абстрактно-логическом плане идеи всеобщей грамматики дается у Давыдова изложение основных синтаксических категорий. Предложение определяется как выражение суждения. Основные части речи определяются на основе суждения. Как в мире вещественном, говорит Давыдов, мы видим действие и бытие, так и в языке, представляющим духовное воплощение этого мира посредством слова, мы находим две категории — глагол и имя: один означает деятельность, другой — бытие. Серединой между ними занимает прилагательное как обозначение качества предмета. Соединение действия и предмета образует мысль, выражаемую предложением.

Любопытны у Давыдова определения грамматических форм. Понятия в предложении, отмечает Давыдов, выражаются частями речи, а отношения понятий, содержащихся в предложении, определяются грамматическими формами. Таким образом, мысли и речи выражаются предложениями, а отношения мыслей — грамматическими формами предложений. К грамматическим формам, служащим для выражения мыслей, Давыдов относит изменения слов по родам, числам, лицам, временам, наклонениям, падежам и предлогу. А к граммати-

ческим формам, которые выражают отношения мыслей, он относит союзы.

Мнение правдолюбивых стороны книги Давыдова была сведена на нет тем, что весь анализ русского языка был приспособлен к логическому изложению Беккера, которые уже изжила себя. Критикуя Греча, Буслаев отмечал, что ни свойства русского языка, ни историческое его развитие не давали русскому грамматисту права принимать за образец схоластический метод французов¹. В книге Давыдова, как отмечала современница, старое так действительно укладываетсяazole после нового, помимо годное так тесно переплетается с неподным, что решительно становится невозможным признать у автора существование какой-либо общей мысли, руководившей его в труде².

Так закончилась попытка приспособить живую грамматику (с помощью системы Беккера) к русскому языку. Крушение априорно-логического подхода к языковым фактам в русском языкознании середины 50-х годов XIX и объясняется все более возрастающим интересом к изучению национального своеобразия русского языка, его форм и конструкций. Кроме того, в этот период в зарубежном и русском языкознании происходит бурное развитие сравнительно-исторических методов исследования языка. В рамках логической грамматики невозможно было совместить лингвистическое и историческое, дедуктивное и индуктивное начала. Хотя в работах русских языковедов (в частности, у Буслаева) встречаются элементы логического анализа языка, все более обостряется сознание необходимости общелингвистических концепций, на основе которых могли бы быть созданы такие принципы описания русского языка, в которых общелингвистический подход соединился бы с описанием исторического развития русского языка.

¹ См.: Буслаев Ф. П. Мои воспоминания. М., 1897, с. 283.

² См.: Отв. зап., 1859, т. 126, столб. с. 38—41.

Сравнительно-исторические исследования в первой половине XIX века

В соответствии с заложенной М. В. Ломоносовым и продолженной в грамматических руководствах конца XVIII в. традицией синхронного описания русского языка языковеды стремились зафиксировать нормы русского языка в его литературном употреблении, истолковать разные грамматические категории, создать грамматическую терминологию, отражающую национально-специфические особенности русского языка. В этот же период в центре внимания русских грамматиков стоит вопрос о нормировании графической стороны языка, т. е. об орфографии.

Однако уже Ломоносову было ясно, что использование материала только одного русского языка ограничивает возможности его научного познания. Его специфические особенности могут быть познаны только путем выявления общих и различных черт, имеющихся в русском и других языках. В подготовительных материалах к «Русской грамматике» Ломоносов собрал «речи разных народов, между собой сходные», работал над исследованием «о сходстве и переменях языков», писал о языках, «сродных языку российскому». Наиболее «сродными» он считал славянские языки. Он устанавливает связь славянских языков и выдвигает гипотезу об их разделении на юго-восточную и северо-западную группы. Ломоносов отмечает также родственные отношения славянских языков с греческим, латинским, немецким и балтийскими языками, подтверждая их родство этимологически надежным сравнением числительных от одного до десяти.

Отсутствие достаточно обширного языкового материала мешало сравнительно-историческому изучению русского языка. В России в конце XVIII в., как и в других странах Европы, в этот период ведется большая работа по описанию различных языков. Так, в царствование Екатерины II были подготовлены списки слов и составлены инструкции для подбора по указанным спискам соответствующих эквивалентов из языков и наречий тех стран, где Россия имела своих представителей. Материалы этого обследования, обработанные

П. С. Палласом, были изданы в виде двухтомного словаря под названием «Сравнительные списки всех языков и наречий» (1787—1789). В 1791 г. в Петербурге вышла второе, дополненное и исправленное, издание этой книги под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по алфавитному порядку расположенный», где содержались данные по 272 языкам и диалектам, в число которых вошли 30 языков Африки и 23 языка Америки.

В начале XIX в. в языковедие проникают новые идеи из стремительно развивающихся естественных наук, астрономии, физики, химии. В науке утверждается и получает распространение принцип историзма. Характеризуя этот период, знаменитый французский языковед А. Мейе писал: «Методичное исследование исторических причин — вот то самое оригинальное и новое, чем мы обязаны естественному смыслу. (...) Метод исторического объяснения был создан в XIX в. (и уже, в некоторой мере, конца XVIII-го). Земная кора, организм, общество и общественные учреждения были осознаны как продукт исторического развития... о котором можно составить себе представление, только наблюдая и определяя, на основании имеющихся данных и со всем возможною точностью, последовательность и взаимодействие отдельных фактов, составляющих это развитие. И только на основе собранных таким образом наблюдений начинают складываться общие теории развития организмов и обществ. (...) Сравнительная грамматика составляет часть предпринятых в XIX в. систематических исследований исторического развития явлений природы и общества»¹.

В языковедии принцип историзма воплощается в методе сравнения языков, чему особенно способствовало привлечение в сферу исследований одного из древнеиндийских языков — санскрита. На его связь с греческим, латинским, кельтским, готским и древнеперсидским языками обратил внимание английский востоковед и юрист У. Джек. Он доказал, что сходство корней и грамматических форм указанных языков с санскритом, сохранившим древнюю морфологию и старую систему согласных, не может быть случайным. Палеонто родство языков, восходящих к одному общему и, возможно, несуществующему источнику. Близость санскрита к европейским языкам не находила объяснения ни в единственном, ни в историческом взаимодействии языков. Это родство языков приходилось принимать за несомненную истину.

Культурой Индии заинтересовались и в России. В начале XVIII в. Т. З. Байер изучал санскрит у индийца, проживавшего в Петербурге. В 30-х годах он опубликовал статью «Замечания брахманской литературы», в которой привел образцы санскритского алфавита. В числе первых русских ученых, кто в общей форме выдвинул идею близкого родства санскрита с рядом других языков, был Герасим Степанович Лебедев (1749—1817). С 1785 по 1797 г. он занимался культурно-просветительской деятельностью в Индии. В 1801 г. Лебе-

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Изд. М.-Л., 1958, с. 447.

ден опубликована на английском языке грамматика малаятской формы разговорного кандашони, в которой повзрослел объединенно европейскую и индийскую грамматические традиции, наряду с европейскими грамматическими терминами он применяет и санскритские и бенгальские производные. Лебедев привнес в Россию первую коллекцию индийских рукописей, среди которых были рукописи знаменитого санскритского словаря синонимов «Амарасиша» (Словаря Амары), дидактического сборника сказок «Хитнадеша» (Полезное обучение) и др. Лебедев был знаком с основными санскритской грамматикой и с лексикой этого языка в бенгальском произношении. Практически владел многими языками, в том числе и новоиндийскими. Лебедев выдвинул идею родства санскрита с некоторыми восточными и европейскими языками.

Помимо лингвистики, Лебедева привлекали история, литература, астрономия, религия и обычая индийцев. Все эти вопросы нашли отражение в его книге «Беспристрастное соображение систем Восточной Индии брахменов, сплиданных обрядов их и народных обычаев» (1805). В истории русского языкознания Лебедев вошел как первый русский инданист, познакомивший научную новоиндийских языков, познакомивший русскую общественность с историей и культурой Индии.

В 1811 г. в России напечатано сочинение «О сходстве санскритского языка с русским», посвященное рассмотрению сходств и различий между русским языком и санскритом. Автором этого сочинения, опубликованного анонимно, по мнению современников, был Ф. П. Аделунг (1768—1843). В работе четко говорится о родстве санскрита с русским языком и проводится мысль о необходимости сравнительного изучения языков. Аделунг указывает также на важность филологических исследований, которые являются лучшим средством для объяснения истории народов, и на необходимость рассмотреть свойства языков в тесной связи с историей людей, говорящих на этих языках.

Эта же мысль развивается и выдвигается в том же году книге И. Ф. Тимковского «Опытный способ к философическому познанию российского языка», где автор выдвигает тезис о происходящем к глубокой древности родстве славянских языков с санскритом и кельтскими языками. Для доказательства родства русского языка с другими индоевропейскими языками, в частности с греческим, латинским, исландским, кельтским, Тимковский использует такие этимологически надежные слова, как числительные (одна, десять), местоимения (я, ты, мой, свой), термины родства (брат, мать), слова, обозначающие жизненно важные понятия и явления природы (дождь, солнце, река, дождь), названия частей тела (глаз, ухо — 'ухо').

Тимковский (вслед за Лоттинским) четко различает русский и славянославянский язык. Намечаются в процессе исторического развития языки русского языка от других славянских языков связываются, по его мнению, в пронаомении, и месте ударений, в грамматических переменах слов, в словообразовании, в семантике. Эти аспекты сравнения русского языка с другими родственными

славянскими языками как бы указывают те пути, по которым должны идти сравнительно-исторические исследования. С. К. Бузиц писал, что «ни у одного из предшественников (или современников Тимковского не замечалось такой определенной склонности к историческому пониманию и предельно строгой грамматике русского языка, позволившей считать его в частности смысле предшественников наших историков языка: Грезневского, Буслаява, Калогова, Соболевского, Шауматова и др.»¹

Мысль о родстве ряда европейских языков, в том числе и славянских, с санскритом проводится и в работе А. Х. Востокова «Задача любителей «этикологии» (1812):

«...Нам, несмотря на все перемены, необходимо в нем прилепленные памяти и востановленные спомыслии, ежели только не будет употреблено каких-нибудь чрезвычайных средств, не может еще и по прошествии тысячелетий, в самых удаленнейших и противоположнейших частях общего света увидеться как тождество корней, и разлучения их звука и значения. Сие доказывалось различием древних языков с позднейшими, ежели от корней сохранились точнейшие памятники. По сему возможным с достоверностью утверждать можно о сходстве древности языка с еврейским, греческого же, латинского, немецкого и славянского с персидским и санскритским (...). Но если другие достоверности, может быть, памятники, которые современны криво известны греческим и славянским историкам, а именно названия земель, городов и естественных угодий, т. е. рек, садов и пр. Прилепаясь к логике, сколь вообще достовернее важные положенные места означают: они передали ипостаси, исключая лет переживания существованием того народа, от лесу первоначально наречены были»².

Здесь важно указание на использование тонников как надежного материала для сравнительно-исторических исследований. А. Г. Яков в книге «Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи» раскрывает содержание сравнительной грамматики, считая, что она посредством сравнения должна устанавливать сходство и несходство многих языков.

Таким образом, в русском языкознании начала XIX в. прочно утверждается мысль о необходимости изучения русского языка в сравнении с другими индоевропейскими языками. Логичным и рациональным всеобщей грамматике дополняется сравнительным подходом к изучению языков.

Развитию сравнительного изучения языков в России в начале XIX в. способствовал интерес к изучению памятников церковнославянской письменности. Большую роль в этом сыграл кружок любителей русской истории графа Н. П. Румянцева, издавшего в 1813—1828 гг. «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел». Члены кружка (П. М. Строев, П. И. Кеппен и др.) разыскивали в архивах, в частных собраниях, монастырях рукописи, описывали и издавали их. Например, Строев издал «Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... гр. Федора Алексеевича Толстого», нашел Святославов «Изборник» (1073), «Судебник» Ивана III, множество разных актов и т. д.

¹ Бузиц С. К. Очерк истории языкознания в России, с. 1039—1040.

² Санкт-Петербургская вестник, 1812, т. 1, № 2, с. 204—216.

и в других землях славянских»¹. Эту мечту Востоков воплотил в своем большом исследовании «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим своего письменным памятникам» (1863).

А до этого, в 1820 г., Востоков опубликовал «Рассуждение о славянской языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим своего письменным памятникам». Целью этой работы он определяет следующим образом: «Сказать нечто о самом строе или грамматике, сего языка [церковнославянского. — Ф. Б.] и древнейшем его виде и заметить перемены, каковы он в течение веков подвергался»². Изучение памятников приводит Востокова к выводу о существовании в истории церковнославянского языка трех периодов: древнего (IX—XIII вв.), среднего (XIV—XV вв.) и нового (с XVI в., т. е. период печатных книг). Хронологизация истории церковнославянского языка давала возможность для конкретного научения памятников того или иного периода, определялись встречающиеся в них языковые черты, имененная этих черт от древнего периода к новому.

Характеризуя древнеславянский язык, Востоков выделяет в нем такие особенности, как наличие редуцированных (ѡ и ѣ), являющихся изогласными, носовых (ѧ, ѡ), отсутствие деепричастия, возникшего позднее, существование двух различных форм неопределенности — инфинитива и суиива. Востоков указал на несочетимость в старославянском языке звуков т, к, х с гласными переднего ряда, а шипящих и аффрикат — с гласными заднего ряда. Кроме того, он отметил, что краткие прилагательные равные склоняются так же, как и существительные, а полные прилагательные возникают в результате присоединения к кратким указательных местоимений.

Новый язык, по словам Востокова, утратил многие грамматические формы, которые встречались в древнеславянском, но развил другие, частью заимствованные из сербского, польского, древнерусского языков, частью же изобретенные позднейшими грамматиками.

Востоков говорит, что уже в самый глубокой древности между славянскими языками существовали диалектные различия, проявившиеся не столько в грамматических формах, сколько «в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов». Грамматические различия диалектов «русского, сербского, хорватского» стали проявляться гораздо позже и со временем привели к тому, что «каждый из сих диалектов сделался особенным языком».

Важным положением Рассуждения является мысль о возможности восстановления системы праславянского языка. Каждый из новославянских языков, по словам Востокова, сохранил как-то специфические, свойственные только ему грамматические окончания и фонетические черты общего для всех славянского праязыка. Этим закончим Востоков подчеркнуть важное значение для сравнительно-ис-

точеских исследований старославянского языка, которого еще не находил в сравнении основоположник сравнительно-исторического метода на Западе. Раск и Гримм на материале германских языков формулируют известный закон передвигания согласных звуков, установленная тем самым фонетические соответствия между родственными языками как свидетельство их истинной близости. Востоков же на материале славянских языков показывает закономерность звуковых изменений в области гласных звуков: «Буквы «и» и «е» двугласные не начертаны ѡ и ѣ в кирилловской азбуке, — писал он, — первоначально имели звук польских *o, e, a, i, e* и что, следовательно звуки сии, сохранившиеся ныне только в польском, да еще в языке венебургских славян... существовали в том древнем славянском, из которого преложена [переведена. — Ф. Б.] библия». Так учеными разных стран на различном языковом материале были установлены закономерные фонетические соответствия в родственных языках.

Работа Востокова получила высокую оценку его современников. Саянск Б. Комитар назвал статью Востокова «утренней, едва еще ожидаемой, жерей действительной старославянской филологии на восточном конце славянской территории»³. Булич писал: «Самым выдающимся явлением в рассматриваемой литературе, опередившем названного свое время и составившем целую эпоху в истории нашего языковедения, должно быть признано знаменитое «Рассуждение...» Востокова. (...) Впервые в нашей научной литературе мы находим здесь... такое уверенное и точное применение сравнительного метода»⁴.

Придавая большое значение исследованию рукописей для изучения исторического развития языка, Востоков стремился определить время их написания. Он обращал большое внимание на палеографическое исследование памятников, полагая, что ранние формы можно обнаружить и в поздних памятниках. В 1842 г. Востоков опубликовал «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея», где было описано 470 памятников в палеографическом, археологическом и литературном отношении. Многие переводы с греческого были сверены с подлинниками. По мнению Срезневского, только в это время начинается научная разработка древней литературы и вообще русских древностей.

При работе над памятниками старославянского и древнерусского языков Востоков большое внимание уделял их лексикографическому описанию. Особенно деятельное участие принял Востоков в создании «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), включавшего свыше 114 тысяч слов. Это одна из крупнейших лексикографических работ XIX в., своего рода сокровищница русского языка от первых письменных памятников до позднейших произведений русских писателей. В 50-е годы Востоков редактировал «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение к нему» (1858). Это был единственный словарь, описывавший диалектную лексику

¹ Песенская А. X. Востокова в хронологическом порядке с объективными исследованиями И. Срезневского. — Сборник статей, читанных в ОРЯС, 1873. т. 1, кн. 2, с. XXIX—XXX.

² Цит. по кн.: Труды Общ. любителей российской словесности при Московском университете, 1820, ч. 17.

³ Цит. по кн.: Саянск Б. Комитар Доброславский. Кн. имени учено-литературного труда и заслуги для славяноведения. Казань, 1884, с. 304.

⁴ Булич С. К. Опыт истории языковедения в России, с. 778—779.

русского языка в целом, и в этом отношении он не потерял научного значения до настоящего времени. «Словарь церковнославянского языка» (т. 1—2, 1858—1861) Востокова — одно из лучших пособий по лексике церковнославянского языка.

Занимаясь славянскими языками, устанавливая их отношение друг к другу, Востоков сделал эпохальные открытия в общеславянской филологии, показал, какое огромное значение для сравнительно-исторического языкознания имеет церковнославянский язык. Поэтому к писюму Востокова относятся становление славяноведения как науки.

Сравнительно-историческому изучению русского языка посвящены «Филологические наблюдения» (т. 1—3, 1841—1842; изд. 2, т. 1—4, 1850) Герасима Петровича Павского (1787—1863). Отличительной особенностью Наблюдений является сопоставление русских слов со словами других индоевропейских языков. Во вступлении к первому рассуждению Наблюдений Павский так говорит о своем методе: «Зная, что наш русский язык принадлежит к большому семейству образованных в мире языков, и взяв в соображение грамматический состав всех европейских языков, отмечая сходства и различия их с нашим языком и стараясь узнать отличительное его свойство и место, какое он занимает в порядке родственных языков»¹.

Сам по себе подход Павского правильный, так как именно сравнение грамматических форм дало надежную основу для установления родства русского языка с другими индоевропейскими языками. Однако Павский сближает эти формы на основании чисто внешнего сходства. Например, сравнивая слово *вѣшь* с другими однокоренными словами: *вѣкъмѣть*, *зѣмкѣть*, *зѣмь*, *оуемъ*, *прѣмѣть* и *вѣбрасѣть* от них все словообразовательные и словоизменительные суффиксы, Павский выдѣляет корень *вѣ-* или *вѣ-*, или *вѣ-*. Тот же корень он находит в *вѣт.* *vē-*, *vē-*, *vē-*, *vē-*, *vē-*, *vē-*, *vē-*, *vē-*, *vē-*, *vē-*. Сравнение русского языка с этими языками приводит его к выводу, что настоящий первоначальный корень должен быть *вѣ-* или *вѣ-*. Хотя Павский и предостерегает, что нелегко посланавливать «чистые» корни русского языка (для этого необходимо основательно знать иностранные языки), сам он, совершенно игнорируя установленные к тому времени фонетические соответствия между родственными языками, был далек от подлинно исторического подхода к фактам языка.

Если подробнейший анализ Павским показал и консонантизма русского языка, тавтологичного и именного словообразования и словоизменения пытался возстановить отношение и высокую оценку (см. гл. 5), то сравнительное изучение русского языка было направлено критически. Буслав, например, указывал, что исторический момент в исследованиях Павского сводился или недостаточен, так как Павский не использовал материала из древних памятников и областных говоров². Кроме того, Павский не обратил достаточно внимания на

главные, не показав, чему гласные русского языка соответствуют в других индоевропейских языках, какие исторические изменения при претерпели, и вследствие этого неправильно повлѣ многие переделания.

Сходство основ в разных языках Павский объяснял механическими заимствованиями, преувеличивая влияние одного языка на другой. Так, по его мнению, окончание *-ствѣ* в слове *сторѣствѣ* произошло от окончания греч. и нем. *-stet*, *-stet*; окончание *-ица* в слове *вѣица* произошло от окончания превосходной степени лит. *-ica*. В связи с этим Буслав справедливо заметил, что давать «исключенное» объяснение «примечаніямъ глагола» значит не обращать внимания на самую существенную сторону языка — его грамматическую оформленность.

По мнению современников, все недостатки и упущения труда Павского заключаются в том, что от сравнительно-исторического метода он воспринял только внешнюю сторону — сравнение. Не обладая глубокими знаниями в области сравнительно-исторических исследований, он пошел по пути поверхностных сближений, основанных на случайном созвучии, во всем видел заимствования или влияние одного языка на другой.

Недостатки и достоинства Наблюдений Павского, впоследствии выводов и их противоречивость были результатом общего переходного состояния русского языкознания от чисто описательных грамматик к новому, сравнительно-историческому изучению языковых фактов. Павский был знаком со взглядами Боппа, Гримма, Востокова, но он был воспитан в духе старой филологии, и ей он отдает свои симпатии. Павский хотел соединить старое с новым, но, не понимая нового, допускал чисто экастическое их соединение.

Сравнению русского языка с другими индоевропейскими языками посвящена магистерская диссертация Михаила Ивановича Каткова (1818—1887) «Об элементах и формах славяно-русского языка» (1845). После защиты диссертации Катков был определен адъюнктом по кафедре филологии в Московском университете, но через несколько лет целиком посвятил себя журналистике. В 40-е годы Катков примкнул к се реакционному направлению, он выступал против идей Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, В. И. Ленина для Каткова следующую оценку: «Либеральней, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству»³.

Цель диссертации Каткова — выделить элементы, на которых сложились слова и развилась форма русского языка, т. е. «уяснить тот путь, каким он обособлялся; постараться подойти сюда можно ближе к той древнейшей эпохе, когда он сам впервые принял себя; потом следить дальнейшие им и ту эпоху преданных законов»⁴.

¹ Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Первое рассуждение. СПб., 1842, с. 2—3.

² См.: Буслав В. И. Рус. яз. изд. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Отт. зап., 1852, т. 82, стр.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 43—44.

⁴ Катков М. И. Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845, с. 1.

Срезневский исходит из того, что «язык есть совокупность нераздельная целого народа», что народ в язык существующих нераздельно, что народ помимо всего и перисе всего выражает себя в языке. Именуются народы, следовательно, именуются и языки. Язык в своем развитии не подвержен случайностям. Его изменение происходит по определенным законам. Наука и должна уяснить, как и по какому пути идет изменение языка, эмпирические законы его развития. Такая наука может быть только исторической. История языка, по утверждению Срезневского, должна войти в науку как ее необходимая часть.

Рассматривая историю языка, Срезневский придерживается широко распространенной в сравнительно-историческом языкознании того периода романтической теории о двух периодах в истории языка. Первый период есть период развития форм языка, когда развивается правильная система звуков и сочетания их в отдельных словах и предложениях, когда все подчинено логической связности и стройности. Во второй период, период превращений, приходит стройность форм языка расстраивается, происходит постепенное падение древних форм, замена их другими. Однако Срезневский позднее уже и борется против этой надуманной схемы. Он не согласен с тем, что период превращений — это смерть языка. Напротив, скорее это развитие, только уже не самого языка в его материальной форме, а мысли, выражающейся в языке. Какое же право имеем мы, справедливо замечает Срезневский, называть «этот язык испорченным, когда он остался прекрасным, сильным и точным выражением мысли?»

В работе Срезневского делается попытка выяснить причины, обуславливающие изменение языков. Он отмечает внешние обстоятельства — «силы народа промышленные, умственные, политические, религиозные, кровнородственные с другими народами», которые воздействуют на язык. Внутренние обстоятельства связаны с влиянием действующих в языке противоречий, с влиянием того, какие грамматические формы необходимы в языке, а без каких можно обойтись, какие явления в языке случайны, а какие «связаны как волонка в одну нить». Срезневский выделяет важное положение о неравномерности развития элементов языка. В силу этой неравномерности в языке наблюдается существование различных слоев, «разновременных образованных, древних и новых». Неравномерность развития языка, наличие в нем старых и новых элементов, борьба между «попугаями и уступками старини новшам» определяют, по мнению Срезневского, постепенное изменение языка, проявляющееся в изменении всей его строя. Причиной изменения языка являются также и языковые контакты, когда «сроднение народа с народом» может привести языки к совершенному их сближению. В результате такого контактирования может образоваться новый язык, по формам своих слов и не позволяя на те, из которых их произвел.

1. См. по сию: Срезневский И. П. Мысли об истории русского языка. М., 1959.

Срезневский убежден в существовании общего ядра языка у определенной семьи языков. У многих народов одного происхождения, говорит он, у многих родственных племен язык по первоначальному своему образованию один и тот же. Поэтому установление родства языков важно не только для выяснения общности их происхождения, но и для выяснения «их природы, их естественных свойств, всех одинаково общих». От общего языка другие языки обособляются путем дифференциации. Срезневский так представляет путь образования отдельных языков: «Язык не только до отделения народа от родственного народа, но и долго после остается наречием другого языка; потом сам дробится на наречия; каждое из этих наречий может, в свою очередь, образоваться в отдельный язык. Таким образом, история языка каждого отдельного народа есть только часть истории языка целых племен».

В выяснении всех причин, определяющих родство языков, а также внутренних и внешних обстоятельств его развития исследователь, предостерегает Срезневский, должен быть «сдержан», не давать «прогула для воображения» и не смешивать видимое с кажущимся. Относится это и к сравнению грамматических форм. Придавать сравнению, основанному на близости языков, их строю и составу, материи и формы, слишком большую свободу Срезневский признает нецелесообразным. Нельзя ограничиваться только желанием «отыскать и разъяснить родственную близость языков и ее различные признаки и явления». Срезневский считает необходимым дополнить сравнение языков научением их истории. Только история языка может показать, каким был язык народа в момент отделения от той или иной языковой общности и как он изменялся у данного народа.

Изложенные выше общие принципы Срезневский распространял на русский язык, ибо русский язык, по его мнению, — идеальный объект для исследований подобного рода. Русский язык, как и родственные ему славянские языки, был наречием праславянского языка. Сравнение его с родственными языками позволило выяснить, каким он был в то время, когда отделялся как отдельное наречие от других славянских народов. Он испытал на себе влияние языков соседей, близких и далеких, был связан родственными отношениями с другими индоевропейскими, преимущественно европейскими, языками. Охарактеризован на основе научных памятников X—XIV вв. фонетические и морфологические особенности древнего русского языка, Срезневский подтвердил вывод Восточкова: этот язык «в первоначальном состоянии» ближе всего был к наречию старославянскому и вместе с ним сохранял черты общего славянского строя.

Прежде чем воссоздавать историю русского языка, необходимо, полагает Срезневский: 1) разобрать в лексическом, грамматическом, историко-литературном отношении каждый старый памятник письменности и составить его словарь; 2) описать каждое наречие и каждый диалект говора русского языка, составить словарь диалектной речи; 3) научно описать в грамматическом, лексическом и стилистическом отношении современную русскую литературную речь и

язык образованных писателей. Большую помощь при воссоздании истории русского языка может оказать сравнительно-историческое изучение славянских и других индоевропейских языков.

Говоря об истории русского языка, Срезневский различает историю языка народного и книжного. Если первоначально эти языки были довольно близкими, то в течение исторических разветвлений разошлись: народный язык распадался на наречия и говоры, а язык богослужебных книг отличался устойчивостью. Позднее уже в XIII в. язык светских грамот и летописей, где господствовал народный элемент, существенно отличался от языка духовных сочинений. Во второй период, с развитием письменности, народные элементы все больше проникали в книжный язык и тем самым сближались с народным языком. Таким образом, по мнению Срезневского, возникает как бы два книжных языка: один более древний, архаический, другой — новый, результат смешения старославянского с живым народным языком.

С историей языка тесно связана история словености. Переходу образованного русского языка в его древнее, первоначальное виде соответствует период образования народной словености. Периоду отделения книжного языка от народного соответствует период отделения книжной литературы от народной словености. Затем по мере сближения книжного языка с народным происходила сближенность книжной литературы с народной словеностью.

Содержащиеся в «Мыслях об истории русского языка» Срезневского идеи о сравнительно-историческом изучении русского языка воспроизводились как программа дальнейших исследований. Эта работа distinguished собой один из важнейших этапов в истории русского языковедения: «В ней впервые высказывается убеждение в необходимости исторического изучения языка в связи с историей народа, впервые поднимается вопрос о древности древней русской и времени их образования, разбираются особенности древнего русского языка в его постепенных изменениях, даются указания для работ по подготовке материала для составления истории русского языка при посредстве подробного просмотра древних памятников, изучения народных наречий и современного языка литературы и образованного общества»¹.

Использование сравнительно-исторического метода в исследовании звуковой системы русского языка и его грамматических форм, включение русского языка в круг сравнительного индоевропейского языковедения, привлечение диалектного материала для воссоздания истории языка — все эти вопросы подумали глубоко осознать и решить в дальнейшие дни русский языковед Федор Иванович Буслаев (1818—1897). В петербургской гимназии его первым учителем русского языка был Великовский. В своих воспоминаниях Буслаев писал, что под руководством Великовского он узнал и полюбил русское словенство, который посвятил всю жизнь.

¹ Дух и Письма Писателей Срезневского, II, 1916, кн. 1, с. 43—44.

В Московском университете в 1834—1838 гг. Буслаев слушал лекции профессоров И. И. Давыдова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и др. Большой влияние оказали на него лекции Я. Гримма. Гримм «своими многотомными и разнообразными исследованиями оказывал на меня такую обширную силу, так воодушевляла меня, что я сделался одним из самых ревностных и преданных его последователей» — вспоминал Буслаев¹. Теоретической основой лингвистических взглядов Буслаева в значительной мере послужили труды Гумбольдта, Вопля и Гримма. «Сравнительная грамматика Вонна и исследования Гримма» писал Буслаев, «привели меня к тому убеждению, что каждое слово первоначально выражало наглядные и образительные впечатления и потом уже перешло к условному значению отвлеченного понятия». Под влиянием романтических взглядов Гримма Буслаев преакцентирует старину, создает романтический историческую концепцию языка, которую старается применить к русскому языку. Своеобразие этой концепции заключалось в том, что она была лишена социологических основ. В предисловии к книге «Мысли об истории русского языка» Срезневского Буслаев писал, что история языка не может иметь права вмешиваться в историческое развитие народа, ее дела определять, что таковое слово в своем собственном значении может соответствовать таковому-то изображению на мундире и человека»².

С 1847 по 1881 г. Буслаев читает лекции в Московском университете. Впервые в России он начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка. В 40—60-е годы Буслаев создает свои основные труды: «О преподавании отечественного языка» (1844), «О важности христианства на славянский язык» (1844), «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858, последующие издания выходили под названием «Историческая грамматика русского языка»), а также пишет ряд рецензий на лингвистические работы Пашкевича, Срезневского, Аксакова и др.³

В 1860 г. Буслаев избирается академиком, и с этого времени он всею душой уделяет внимание языковедению, занимается преимущественно древнерусской литературой, редким народным творчеством, изучением памятников и старинных церковных книг. Среди непосредственных работ этого периода следует отметить «Историческую христианскую грамматику славянского и русского языку» (1861). Труды и христианская сопровождается историко-литературными и апологетическими комментариями, которые являлись, по словам автора, «как бы историей языка и письменности в практическом применении».

Идеи Гумбольдта о языке как непрерывном и непрерывном процессе произношения лингвистические взгляды Буслаева. «...Несъ состав

¹ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания, с. 128.

² Там же, с. 242.

³ См. также Ф. И. Миславский об истории русского языка, II, Срезневского [Миславский] Слоб. 1830, с. 49.

⁴ Вильямс-Гриффитс туралы Буслаевтың айтып-көрсөтүүсү жана Ф. И. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка, М., 1959.

русский язык представляем мне трагичным адомом, которое слагалось, переживалось и извращалось разными иррегулярными в течение тысячелетия (...) — пишет он. — Гудим на берегах Байского озера, я любил реконструировать в своем воображении различные древние диалекты и другие языки; теперь с таким же любопытством я реставрировал себе переключенные временные формы русского языка. Современная живая речь была главным предметом моих заблуждений. В ней видел я лишь вытесненное историческое развитие русского народа, а вместе с тем и центральный пункт, окруженный необозримой массой областных говоров¹. Буслев полагает, что крепь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов².

При понимании языка как результата предвещивающего длительного исторического развития Буслев, естественно, не мог не удовлетворить вполне всеобщей, или философской, грамматикой. Он указывал, что философская грамматика «без сравнительного исторического запаса» весьма несостоятельна. Наиболее темные стороны всеобщей грамматики Буслев видит в том, что она определяет язык как органическое, живое произведение человеческого духа, признает теснейшую связь между морфологией («лексикологией») и синтаксисом, точно определяет части речи и систематически разрабатывает синтаксис. Односторонность философской грамматики заключается в том, что она видит в языке только логику, причем не частную логику того или другого языка, а логику всеобщую. Тем самым философская грамматика упускает из виду все многообразие жизни языка. Лишь историческая грамматика, по мнению Буслева, может сознательно исследователя с внутренними силами и богатством языка. Хотя «Опыт исторической грамматики русского языка» не только завершил длительный период господства идей всеобщей грамматики и русского языкознания, но и показал все противоречия в недостатки догматического подхода к языку, тем не менее Буслев не смог до конца избавиться от важной логицизмы, особенно при рассмотрении синтаксических категорий. Он все-таки стремился сравнительное и историческое рассмотрение языковых явлений сочетать с логическим.

Следует широко распространенным романтико-философским построениям истории языка, Буслев, как и Срезневский, выделял два периода в его развитии: древнейший и новейший. В древнейшем периоде «языковые элементы наиболее подчиняются живости впечатлений и свойствам разговорной речи»³. Для этого периода характерна сознательность в употреблении грамматических форм. В новейший период творчество в языке уже завершилось и сам язык оказывается органическим уже умирающим. Если в древнейший период важнейшей частью грамматики является морфология («лексикология»), то в новейший период наступает господство синтаксиса.

¹ Буслев Ф. И. Мел. всеобщая грамматика, с. 262.

² Буслев Ф. И. О грамматике и историческом языке, А. 1941, с. 169.

³ Цит. по кат. Буслев Ф. И. Историческая грамматика русского языка, М., 1919.

Буслев считает, что древний период в жизни языка можно изучать путем генетическим, отсюда — необходимость исторического исследования. А в новейший эпоху, когда язык подчиняется всеобщей логике, преобладают логические принципы и в живом языке. Вот в этом состоянии сравнительно-исторических исследований с логическими началами в изучении языка проявляется двойственность и беспоследовательность апериодического мировоззрения Буслева.

Не свободен Буслев и от метафизического представления об историческом развитии языка. По его мнению, история языка, например русского, преимущественно состоит в постепенном разрушении первоначальных, основных форм, в постепенном удалении народного сознания от смысла, обнаруживается в самом слове.

В рассмотрении общих вопросов языка Буслев, следуя за Гумбольдтом и Бенклером, исходит из того, что язык есть живой организм, Организмом же он называет и индоевропейский праязык. Буслев указывает на то, что живое построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных частей, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих частей. Такое отношение между этими частями он называет организмом языка, но все-таки, что Буслев склонялся к пониманию языка как системы.

Буслев совместно относится к положению Срезневского о том, что в языке находится элемент, образующийся в различные время. Он тоже склонен признать наличие в языке различных явлений. И с этой точки зрения «история языка стоит в теснейшей связи с современными его состоянием, ибо историческое и объясняет то, что теперь употребляется бессознательно»⁴. Так в русском языкознании утвердилось очень важное положение о тесной связи диахронического (диахронического) и синхронного (синхронного) состояний языка. Здесь следует упомянуть, что Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» противопоставлял историческое изучение языка его современному состоянию, считая, что синхронический аспект является диахроническим. И такая точка зрения в отечественной лингвистике была широко распространена вплоть до середины XX в.

Через все творчество Буслева проходит тесно о неразрывной связи языка и духовной жизни народа. Он неоднократно повторял, что язык есть не только выражение мыслительности народной, но и всего бытия, «вспомогательный и опорный стержень истории народа»⁵. Все, что выражается в языке, он рассматривал как выражение народного ума и бытия, Буслев, может быть, не столько призывал анализ грамматических форм, сколько слова языка, выражающие жизнь народа, его мировоззрение и неразрывной связи с условиями жизни и истории.

Изучению истории языка Буслев придавал большое значение не только потому, что она объясняет употребление той или иной

⁴ Буслев Ф. И. Мысли об истории русского языка (И. Срезневский), с. 41.

⁵ Буслев Ф. И. О грамматике и историческом языке, с. 239.

грамматической формы, помогает «распутать» грамматические формы, в которых детально перспутано старое с новым. На уровне современности Буславину сведения о звуках истории позволяла поставить вопрос об изучении законов языка. Понимание истории языка неразрывно связано с пониманием сущности языка. Поскольку язык, по Буславу, есть выражение мысли с помощью членораздельных звуков, то он подчиняется, в одной плоскости, законам логики, с другой — законам самого выражения, т. е. законам сочетания членораздельных звуков (он называл эти законы внутренними законами развития языка).

Буслав нигде не дает определения понятия закона, но нельзя не отметить строгое приращение или понятия звуковых соответствий как необходимой основы для грамматико-исторических исследований. Он писал: «Важнейшим результатом успехов лингвистики для прикладных приемов сравнительной этимологии [морфологии. — Ф. Б.] надобно почесть ту непреложную истину, что родственные языки сближаются между собой не по внешнему созвучию, которое весьма часто бывает случайным, а по внутреннему существованию, по которому звуки одного языка оказываются не тождественными, а соответствующими звукам другого»¹. Именно закономерность звуковых соответствий делает надежным сопоставление фонетических систем родственных языков.

Конечно, Буслав не отрицал важности разработки грамматического строя языка, в том числе и русского. Сравнительно-историческое языковедение сравнение грамматических форм сделало основой нового подхода к языку. Буслав упоминает законы склонения и спряжения, согласования и управления и т. д. В грамматике он предлагает отойти от закона от принципа, усматривая разницу между ними в том, что грамматические правила основываются на современном употреблении живого языка, а законы — на свойствах языка, постоянных и неизменных от употребления. Законы и правила всегда противостоят друг другу. В употреблении языка надо рукам подчиняться правилам, но чтобы понять правила, необходимо знать закон. А узнать закон помогают история и сравнение. Только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка, и только исторические исследования генетически объясняют, почему так, а не иначе мы употребляем ту или иную форму.

Буслав подчеркивает, что для изучения законов русского языка важно принимать во внимание не только книжный язык, но и язык разговорный и его диалектных разновидностях. Поскольку «неподлежащее центральное наречие не могло оставаться чуждым различным областным», то необходимо исследовать «провинциализмы». Областные наречия, по мнению Буславца, отражают историю народа. Диалекты, позволяя глубже изучить историю языка, служат в то же время источником пополнения литературного языка. Понимание их

¹ Буслав Ф. И. Реч. на кл. Сравнительно-русских звуков в индоевропейских, г. Хельсинки. — Финляндия, 1852, т. 102, с. 48—49.

делает возможным функционирование русского языка на всей обширной территории. Как изучение старинного нашего языка роднит нас с великими предками, отмечает Буслав, так и изучение провинциализмов сближает и дружит нас с нашими современниками по всем концам России. Диалекты отражают наиболее древний период в истории русского языка, поэтому они могут оказать большую помощь при изучении русского языка с другими индоевропейскими языками, а также для понимания мировоззрения народа. Благодаря привлечению диалектного материала Буславу удалось объяснить многие формы русского языка, которые до этого считались неправильными. Привлечение Буславом данных разговорного языка в диалектов для научного освещения истории русского литературного языка было, по словам Е. Ф. Будде, «делом приобщения кутбы и глубокого понимания науки с ее перспективами»².

Современный русский язык представляется Буславу совокупностью грамматических форм разных разностей происхождения и состава. Такое разнообразие форм объясняется историей языка, понять которую помогает историческая грамматика русского языка. Буслав следующим образом формулирует ее принципы:

1. Историческая грамматика изучает русский язык в неразрывной связи с церковнославянским. «Эта древняя основа составляет необходимой предмет учебника русской грамматики... во-первых, при объяснении законов языка, дает науке преимущества сравнительно-исторического метода, в сближении форм русского языка с формами одного из славянских наречий, ранее прочих усвоившего себе письменность и потому сохранившего в большей полноте и чистоте первоначальные свойства славянского языка; во-вторых, служат источником для объяснения многих как этимологических, так и синтаксических форм нашей книжной речи, образовавшихся под влиянием первоначальной славянской письменности».

2. Историческая грамматика опирается на данные как литературного, так и разговорного языка. Иначе говоря, «грамматические особенности, замечаемые в сочинениях образцовых писателей, она влагает в обширную раму, которая объемлет всю область языка русского, как разговорного, во всех его подразделениях, так и книжного, в его историческом движении».

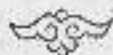
3. Историческая грамматика подробно анализирует морфологические формы, чтобы выявить оттуда грамматические законы. Чтобы объяснить грамматические формы современного русского языка, необходимо исторически рассматривать их первоначальный вид и позднейшие изменения, подводя и то и другое под общие законы.

4. Историческая грамматика объединяет филологический и лингвистический способы изучения языка. Филологический способ прояв-

² Будде Е. Ф. О заслугах Буславца как ученого-лингвиста и преподавателя. — Иск. Общ. архивоведения, который в энциклопедии при Казанском уни-те, 1898, т. 14, вып. 4, с. 412.

Глава 5

Грамматические учения первой половины XIX века

В первой половине XIX в. продолжается начатая М. В. Ломоносовым разработка проблем взаимосвязи лексики и грамматики, определения грамматических категорий, выделения частей речи и основе обобщенного выражения и их лексического содержания. По мере накопления языкового материала углублялась и разработка грамматической теории. В решении синтаксических вопросов ощущается сильное влияние идей всеобщей, или философской, грамматики, согласно которым структура логического суждения, состоящей из субъекта, предиката и связки, отождествлялась со структурой предложения. Однако А. Х. Востоков уже выдвинул идею двучленной структуры предложения. В области морфологии четко определяется логико-семантический подход к выделению корней слов, определению частей речи с учетом специфических особенностей русского языка, изучению грамматических форм, парадигм и склонения и спряжения, описания внутренней структуры таких грамматических категорий, в которых проявляются особенности русского языка. В то же время русские языковеды интенсивно занимаются составлением толковых словарей.

«Русская грамматика, сочиненная Российской Академией» (1802) — один из первых грамматических трудов начала XIX в. Ее главными составителями были Дмитрий и Петр Соколовы. Предисловие к Грамматике начинается такими словами: «Русская Академия при сочинении издаваемого ею словаря¹, вникая в происхождение и разные наименования слов, славяно-русский язык составил собою, и делая грамматические замечания при каждом слове, открыла чрез то путь к составлению «Русской грамматики».

Структура Грамматики традиционна. В книге четыре раздела: о правописании, и словопроизведении (морфологии), и словоупотреблении (синтаксисе), о слогаударении. Авторы Грамматики старались каждое слово сопроводить грамматическими примечаниями. Части речи делились на неизменяемые и изменяемые. Знаменное падение определяется вопросами, которые ставятся при слухе (например

¹ Имеется в виду «Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный» (т. 1—6, 1789—1794).

кто? что? — им. п.; где? когда? чего? — род. п. в т. д.). Установление значения падежа по вопросу предельно является неправильным, так как при этом отождествляется синтаксическое функционирование падежа и его значения. (В середине XIX в. подобную же ошибку допускал Ф. И. Буслась, за что его справедливо критиковал А. А. Потебня.) Словоочетание (синтаксис) рассматривается как часть грамматики, «присущая ей естественному расположению частей речи и взаимному оных соединению».

Искусственность приводимых примеров, их несоответствие нормам живой русской речи того времени, отсутствие определенных грамматических критериев при установлении словообразовательных и словообразовательных критериев — все это не позволило авторам Грамматики теоретически решить грамматические проблемы русского языка. Акад. В. В. Виноградов так оценивал это пособие: «...Грамматика Академии Российской в основном продолжает в разработке форм русского словоочетания ломоносовскую грамматическую традицию, обогащая ее новыми наблюдениями над формами и типами словоочетаний. Однако в Грамматике Академии Российской наблюдается и явный отход от синтаксических принципов Ломоносова в сторону латинки рафического выпирания, в сторону М. Смотрицкого и Н. Курганова».

Ориентация на языковое прошлое, восприятие идей философской грамматики привели к тому, что «Грамматика Российской Академии» была шагом назад по сравнению с «Русской грамматикой» Ломоносова. Два переиздания этой грамматики (в 1809 и 1818 гг.) прошли почти незамеченными. Один из рецензентов Грамматики справедливо недоумевал: «неужли за семнадцать лет со времени первого издания русский язык ни в теории, ни в практике своей не сделал ни малейшего движения?»

Этим рецензентом был Н. И. Греч. Русской грамматике посвящены его «Таблица русских склонений» (1809) и «Таблица русских спряжений» (1814). В 1823 г. он издаст небольшую брошюру «Коррективные листы русской грамматики», а в 1827 г. выйдет «Пространная русская грамматика», которая принесла Гречу довольно громкую известность. В 1827 и 1828 гг. выходят сокращенные варианты этого руководства — «Практическая русская грамматика» и «Начальная правила русской грамматики». Обе книги неоднократно переиздавались под разными названиями и оказали большое влияние на изучение русского языка в 20—30-е годы XIX в.

Мы уже отмечали, что на грамматические воззрения Греча большое влияние оказали идеи всеобщей грамматики, а также французские и немецкие сочинения по языкознанию и филологии. Предметом своего исследования Греч избирает «собрание правил русского языка общенародного и книжного на основании высшею его образования»², т. е. грамматику современного ему русского языка. Следует отметить, что Греч не считает этот язык однородным по составу; он

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 98.

² Греч, по ил.: Греч Н. И. Пространная русская грамматика. 2-е изд. СПб., 1830, т. 1—2.

различает язык разговорный (устный) и книжный (письменный), куда включает язык науки, поэзии, а также язык отдельных писателей и поэтов. Преимущественным его вниманием пользуется книжный язык; язык народный («народный») Греч не рассматривает. Отсутствует в его Грамматике и историческое освещение развития русского языка.

Принципы грамматического описания формулируются Гречем следующим образом: «...свойства языка могут быть изложены двояким образом: первичным, исчисленным всех без исключения слов одного в известном порядке — лексикографически; вторичным, изложившим обоих его свойства с приведением тех только слов, кои служат к объяснению сего изложения или составляют исключения из общих правил, — грамматически. В первом случае рассматриваем материю, в последнем — его форму, или вид».

Недостаток прежних грамматик Греч видит в том, что они были сделаны по образцу латинской грамматики. На самом же деле, «надлежит отыскивать собственные свойства каждого языка в нем самом». В своей Грамматике Греч и фиксирует грамматические особенности русского языка (правила, языка книжного, литературного), признавая, однако, что для его грамматических руководств образцами служили немецкие и французские пособия. По мнению Греча значительную и распределенную грамматические категории русского языка по схеме грамматик западноевропейских языков.

В грамматике Греч выделяет две главные части — теоретическую, включающую в себя морфологию («этимологию») и синтаксис, и практическую, состоящую из орфоэпии (искусство говорить) и правописания (искусство писать).

Этимология частная (морфология) занимается разбором слов, выражающих представлено о волях или чувствах. Эти слова образуют части речи. Обобщая существо предмета, слова входят в ряд существительных; обозначая ощущение, чувства, они относятся к качественным числам, куда Греч включает прилагательные и причастия. Состояние и действие предмета, по Гречу, выражаются глаголами, которые он делит на самостоятельные (быть) и союзные. Под союжными глаголом Греч понимает соединение самостоятельного глагола с причастием или именем прилагательным. Эта категория глаголов выражает действие предмета (ср.: *студя быть летящая — студя летит*). В общем понятии о глаголе у Греча явственно чувствуется влияние логического начала, признание любого предложения трехчленным.

К грамматическим свойствам глагола Греч относит время, вид и наклонение, которые он считает главными, и второстепенные — род, число, лица. Греч же впервые указал на необходимость различения «предлогов» и «прилагательных корней» (т. е. приставок и суффиксов), изменяющих видовой значение глагола. С помощью приставок от простых глаголов образуются глаголы предложные. В простых гла-

¹ Сам термин «вид» употребляется в русской грамматике под влиянием Греча, но противоречивые взгляды Греча на вид не оказали никакого влияния на дальнейшее развитие о виде русского глагола.

голах Греч различает четыре вида: неопределенный (я пишу письмо, он бежал, я буду спать), определенный (к утру теплей и оже, он бежал по дороге, я буду спать), многократный (он елжал верхом), однократный (я тронул ты замкнул) и еще два вида у предложных глаголов — несовершенный и совершенный.

В предшествующей русской грамматической традиции (у Ломоносова, Барсова) виды еще не выделялись, видовые оттенки передавались сложной системой времени. Греч, хотя и выделяет понятие вида, но также смешивает его с понятием грамматического времени. Он ограничивается тремя временами — настоящим, прошедшим и будущим, но говорит, что во временах грамматических могут быть выражены некоторые обстоятельства — неопределенность или определенность, многократность или однократность, длительность — и «формы, служащие к выражению сил обстоятельств действия, имеющихся в языке».

Что же касается наклонения, то Греч придерживается господствующего в русской грамматике учения о трех наклонениях — изъявительном, повелительном и неопределенном («неокончательном»), которое, как «прямая форма глагола», соответствует форме именительного падежа существительных.

Числительные Греч не считает самостоятельной частью речи, но рассматривает особо. Он распределяет их между существительными (сорок, две, миллион) и прилагательными (первый). Такие же промежуточные место занимают у Греча и местоимения, и не только потому, что местоимения тоже распределяются им между существительными и прилагательными, но и как переходное звено от части речи к частице речи. Кроме этих частей речи Греч выделяет частицы, предлоги, союзы. Предлоги выражают отношения предметов между собой, союзы — отношения понятий, суждений.

Таким образом, в морфологическом учении Греча части речи не получили еще четкого определения. Например, к наречиям Греч относит не только собственно наречия, но и деепричастия. Предлоги, союзы и междометия им лишь перечисляются, но не анализируются. Функции частей речи подробно исследуются в синтаксисе.

Центром своего синтаксиса Греч сделал предложение. Предложение рассматривается им как суждение, выраженное словами. Исходя из структуры логического суждения, Греч выделяет в предложении три части — подлежащее, сказуемое и связку. Подлежащее может быть простым (*Роза цветет*) и составным (*Прелестная слава роза цветет*). В составном подлежащем Греч отмечает логическое от грамматического. Логическим подлежащим он называет все слова, составляющие подлежащее (*слава роза*), а грамматическим именует только главное слово (*роза*)¹. Греч впервые рассматривает дополнение как существенную часть структуры предложения. Кроме того, комплексное подлежащее может иметь три себе предлежащие слова.

¹ Понятие о простом подлежащем как о единственном члене предложения и о комплексном подлежащем становится предметом острого диспута в русской грамматике второй половины XIX в.

Греч выделяет несколько типов простого предложения. По характеру сообщения это предложенья повествовательные, вопросительные, определительные; по интонации выражены главные частки — полные, неполные, дажнительные (типа *Пет*). Структура дондальной раскрывается в описании согласования и управления слов. Под согласованием Греч понимает правила сочетания слов для образования предложения или части его (согласование подлежащего, сказуемого или связей, определения в приложении с определяемыми словами). Управление слов объяснено у него востко. Пясено, прежде всего, сами определени управления — «правила, по коим выражаются в предложении различные отношения подлежащего и сказуемого». Кроме того, отношения слов подменяются абстрактно-логическим анализом отношений предметов; эти отношения могут быть «спокойными (*лист дерева*) и действующими» (*связке гречт земли*).

Сложное предложение, по Гречу, есть «словоупявление» двух или более простых предложений. Сколько в сложном предложении главных, причастий и дспричастий, столько и нем и предложений. Он различает грамматический и логический виды составские сложного предложения. С грамматической точки зрения предложения бывают главные, придаточные и вводные. В логическом отношении предложения делятся на независимые и зависимые: первые выражают самостоятельную мысль, а вторые — относительную, служившую для пояснения и дополнения главной мысли. «Грамматическая важность предложения, — отсочает Греч, — должна соответствовать логической, т. е. главный, независимый мысль должна быть выражена предложением главным, подчиненный; мысль второстепенная, второстепенная — предложением придаточным, подчиняемым».

Синтаксис Греч строит на логической основе. Предложение — выражение суждения, по структуре оно трехчленное. Логическое неотделимо от грамматического. Структура сложного предложения рассматривается на фоне простого: некоторые типы придаточного предложения соотносятся с частями простого предложения. Такое положение, построенное на формальной логической основе, применимо для грамматики любого языка. К тому же и логические попытки в работах Греча даются путано. Так, Греч находит в предложении «мысли о предмете», «смысли о принадлежности предмета» и «выражение бытия или отсутствия сего принадлежности в предмете». «Широкая струя абстрактных логико-грамматических установок и акририных обобщений, — по справедливому замечанию акад. Викотрадова, — захватили Греча, невобождая его от необходимости глубокого исследования специфических особенностей русской грамматики. У Греча были и интерес к наблюдениям над языком, и умение описывать и характеризовать конкретные факты речевого употребления. Но он был «цием дара систематизации грамматических явлений. Он был больше похож на коллекционера и формалиста-систематизатора»¹.

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 137—138.

В области морфологии Греч тщательно выискивал формы словосочинения, меньше — словообразования, выис много интересного в отношении грамматических категорий глагола. Синтаксис же у него построен на формальной логической основе, не учитывающей многообразия форм русского языка. Даже иллюстрации для подтверждения своих теоретических положений он черпает либо из произведений Карамзина, Жуковский, Батюшкова, язык которых к 30-м годам XIX в. уже значительно устарел, либо сам придумывает примеры. Стихия живой разговорной речи совершенно не учитывается Гречем. В построении своей грамматической теории Греч шел не от материала русского языка, а этот материал подпидил под определенную логическую схему. Кроме того, Греч не учитывал также и диалектных данных, игнорировал историческую перспективу в развитии языка.

Неудовлетворенность положениями всеобщей грамматики, протест против ее насаждения на русскую почву начинают резко проявляться уже в начале XIX в. Так, В. Калпист в письме, адресованном Обществу любителей российской словесности, писал: «Нужно, кажется, обогнать русскую грамматику на собственных языке, а не какого-либо чужеземного правилат основанную»¹. О подражательности русских грамматик говорил и президент Российской Академии А. С. Шишков: «...лучше было бы, не увлекаться чужими грамматиками, заняться подробными исследованиями языка своего, дабы на них основать и составить тот верный чертсх своего, какой Грамматика представлять должноствует»².

Греч остался глух к этим призывам и брел по пути копирования западноевропейских грамматических теории и пересадки их на русскую почву. Между тем в этот же период последователями остро восозналась необходимость самостоятельной разработки и систематизации специфических национальных свойств и качеств русского грамматического строя. Процесс закрепления нормы национального русского литературного языка сопровождался усиленной научно-общественной работой над созданием и осознанием его живой грамматической системы»³. Расширяется круг научных грамматических проблем. В области морфологии внимание обращается на изучение истории русского глагола, соотношения времени и вида, на изучение предельно-смысловой стороны имени существительного, соотношения имени и глагола, категорий существительного и прилагательного. В области синтаксиса уточняется сущность предложения, расширяется представление о многообразии форм и типов словосочетаний в русском языке и т. д.

Большая заслуга в развитии отечественной науки о грамматическом строе русского языка принадлежит А. X. Востокову, который вошел в историю русского языковедения не только как основоположник сравнительно-исторического метода, но и как блестящий исследова-

¹ Труды Обща любителей российской словесности, 1817, ч. 8, с. 164.

² Изв. Росс. Академ. и, 1822, кн. 11, с. 43.

³ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 163.

ватель русского языка, представлявший все явления русского языка в стройной и целостной системе.

Грамматическая концепция Востокова изложена в двух его пособиях, вышедших в 1831 г., — в «Сокращенной русской грамматике для употребления в низших учебных заведениях» и в «Русской грамматике, по начертанию сокращенной полнее изложенной». Между этими двумя изданиями нет большой разницы. «Сокращенная русская грамматика...» предназначалась для учебных учебных заведений, поэтому в ней нет исторических справок, списков слов с именными, стилистических замечаний. В «Русской грамматике...», составленной как школьный учебник, нет теоретических рассуждений. Но огромный фактический материал, представленный в виде кратких и точных определений выводов и наблюдений Востокова, тщательный анализ фактов русского языка позволяют оценивать ее как лучшую русскую грамматику. Двадцать восемь изданий Грамматики за протяжении полувека свидетельствовали об огромной популярности этого пособия. Изложенная в нем грамматическая система оказала большое влияние на последующую разработку грамматики русского языка. При переизданиях Грамматики Востоков почти каждый раз вносил изменения и дополнения, отражавшие новое решение того или иного грамматического вопроса.

Необходимо отметить, что грамматика привлекала Востокова и раньше, правда, на материал древнеславянского языка. Уже в «Рассуждении о славянском языке...» Востоков выдвинул идею о типах образования полных прилагательных от кратких путем присоединения указательных местоимений, отверг существование депричастий в древнеславянском языке. Он считал, что депричастия вошли в славянские языки в результате постепенно установившегося неправильного употребления разных окончаний причастий, одних вместо других.

Особенностью востоковской грамматики является то, что в основе ее лежит живой разговорный язык, включавший в себя и низкие («площадные», по выражению Греча) формы и слова, и литературный язык, преимущественно язык Пушкина. Ведь издание Грамматики Востокова совпадает с расцветом творческого гения Пушкина, и «практическая деятельность Пушкина, как образцовая, пошедшая в основу «Русской грамматики» Востокова и скорректированная им, именно в трудах филолога закрепились как норма, обязательная для всех». Действительно, мы не знаем, насколько прямыми и непосредственными были бы связи современного русского литературного языка с языком Пушкина, если бы не Востоков, потому что именно Востоков удивительно вовремя оценил язык Пушкина и точно очертил границы его общенационального использования. И Пушкина, и Востоков считали возможным в качестве литературных форм использовать и разговорные русские формы — одни в поэзии, другой и качестве возможных вариантов в грамматике. Но если Пушкина

¹ Колесов В. В. Письма метода. Александр Христофорович Востоков. — В кн.: Русские языковеды. Ташков, 1973, с. 106.

допускает употребление таких форм, как *вблосы* и *олосоы*, *дблы* и *дблы*, то Востоков считает употребительной только форму *дблы*, *вблосы*.

К подробному описанию грамматического строя современного ему русского языка Востоков был подготовлен работой над древними рукописями, обработкой древних письменных памятников, сбором вариантов. Уже кропотливое собирание фактического материала предопределило подход Востокова от априорных схем логической грамматики (которые так охотно воспринимал Греч). Для Востокова важен был сам язык, многообразие его способов и средств выражения, вытекающие из анализа языкового материала закономерности в жизни языка, а не подгонка материала под логические формулы.

И не случайно потому, что именно Востоков нанес крупительный удар логическому учению о трехчленности предложения. Он исключил связку из числа главных членов предложения. Всякое предложение, говорил Востоков, состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым. Эта мысль в эпоху господства формальной логики была настолько смелой, что П. С. Билярский готов был востоковское определение двусоставности предложения поставить наряду с великими открытиями, которыми ознаменовалось сравнительное языковедение. Билярский справедливо отметил, что Востоков предлагает свое открытие без всякой заботы о том, чтобы оно было принято и оценено по достоинству. Новое учение, в виде сухого грамматического определения, излагается у него наряду с сотней других правил и определений¹. Теперь языковедение как новая научная дисциплина получило свой собственный объект исследования, отличающийся от предмета исследования логики.

Признание двусоставных, или двухчленных, предложений в качестве основных в русском языке отразилось и на объяснении Востоковым категории глагола (он стал считать связку есть вспомогательным элементом составного сказуемого), кратких форм имени прилагательного и предикативных варетий (которые Востоков зачислял в ряд разряд прилагательных слов) и многих других вопросов.

Следует указать, что в русской лингвистике Востоков не первым выдвинул мысль о двусоставности предложения. Ланкозов и Барсов также говорили о двух главных частях предложения — подлежащем и сказуемом, хотя и признавали *связку*, или *связывающее*, между ними. У Востокова двучленная структура предложения упорядочивается лишь со второго издания Грамматики, да и в последующих изданиях встречается еще замечание о *связке* как третьем члене предложения.

По структуре Грамматика Востокова традиционно делится на четыре раздела: словоупотребление («этимология», т. е. морфология), словосочетание (синтаксис), правописание (орфография) и словоударение («проподия»). Особого раздела фонетики у него еще нет, и фонетические замечания разбросаны по разным разделам.

Так, Востоков впервые отметил, что переход *е* в *о* не совершается в словах старославянского происхождения, указав на случаи перехода *е* в *о* перед мягкими согласными (*несетс*). Далее он ввел новые

¹ См.: Билярский П. С. Сколько главных частей в предложении. (Опыт критической оценки успехов русской грамматики). — ИМНП, 1837, июль.

термины «подвижное» и «всподвижное» ударение и установил основные закономерности в позиции русского ударения. Востокону удалось доказать, а иногда и исторически обосновать основные типы чередований в русском языке и определить их морфологическую сторону.

В морфологию Востоков, удержав восемь основных рифмидов слов, внес некоторые дополнения. Так, он разделил имена на существительные и прилагательные, из состава частей речи вывел причастия, считая их особой группой в составе имен прилагательных.

Имена существительные как слова предметного названия Востоков противопоставляет именам прилагательным как обозначениям признаков предмета. В анализе грамматических категорий частей речи он привносит ряд новых моментов. Так, классификацию существительных на нарицательные и собственные Востоков дополнил выделением существительных единственного и множественного числа, наряду с мужским, женским и средним родом выделяя общий род (*школа, рана*), определял присоединение разбора рода по окончаниям, все многообразные формы существительных свел к двум типам склонения — женскому и мужскому.

При рассмотрении имен прилагательных Востоков ввел впоследствии закрепившийся в лингвистической литературе термин «относительное» прилагательное, впервые отметил возможность перехода относительных прилагательных в качественные, систематизировал учение о степенях сравнения прилагательных. К прилагательным были отнесены и причастия под названием «действительные прилагательные».

Внес Востоков свой вклад и в разработку сложного вопроса о глагольных временах и видах. В 40—50-е годы в русской грамматической традиции распространялась теория непрерывности русского глагола. М. Н. Катков писал, что русскому языку вовсе не важно различение времен, и от форм будущего времени русский язык «отказался еще в доязычную пору»¹. К. С. Аксаков считал, что настоящее, будущее и прошедшее время — понятия выподные и не имеют своих форм в русском языке. По мнению Аксакова, в русском глаголе морфологически выражены лишь вид, время икс — категория психологическая и синтаксическая². Востоков доказал ошибочность таких взглядов. Прошедшее время в русском языке есть, какой бы формой оно ни было выражено. Использование будущего времени в значении прошедшего, указывая на, не означает, что в русском языке нет будущего времени.

Востоков, хотя и не смог упростить старую систему многочисленных времен, правильно связал различные формы времени с учением о видах. Как и Ломоносов, он признает существование восьми времён в русском языке, что объяснялось его шестичленным видом. Востоков различал три вида: окончательный (несовершенный), у которого три времени (*хотел — хотел, ходил, буду ходить*), совершенный с подвидами — начальными с двумя временами (*сделал — сделал,*

пойду) и окончательным тоном с двумя временами (*похвалить, дойти*) и многократный вид только в прошедшем времени (*хотела, ходила, вола*). Как видно, Востоков дал свод основных правил видовой формообразования. Его учение о видах получило высокую оценку современников, хотя сам Востоков не был до конца им удовлетворен. В его архиве сохранилась неопубликованная статья «О видах русского глагола», в которой он доказывал, что у русского глагола два вида — совершенный и несовершенный («совершенный»); несовершенный вид имеет все три времени, и совершенный — только два. Востоконская теория фактически легла в основу современного понимания видов русского глагола.

В определении наклонов у Востокова ощущается морфологический подход. Наклоны он рассматривал как способ выражения действия. Востоков признавал три наклона: неопределённый, выражающее действие или состояние, не определяя предмета, к кому оно принадлежит (*читаю*), и зъявительное, признающее предмету действие или состояние (*читаю, будешь ходить, был послан*), и повелительное, каким выражается желание, чтобы что-либо приняло себя действие или состояние (*читай, пусть ходят, да будь послан*). У Востокова еще отсутствует сослагательное, или условное, наклонение, поскольку он не ставил вопроса об отражении в глаголах действительности, что позволило бы противопоставить изъявительное наклонение условному.

Востоков детально описал употребление и функции предлога, впервые разграничил понятия предлога и приставки. В его Грамматике содержится также подробная классификация слов по составу, употреблению и анализу. Востоков отметил особое лексико-семантическое содержание таких модальных слов, как *взяв* (ср. *взяла*), *жалея*, *жалею*, *пора*, которые он относит к безличным глаголам и которые в настоящее время выделяются в разряд слов, промежуточных между именами и глаголами, выражающих категорию состояния.

Большое место в Грамматике отводится синтаксису. Вслед за Ломоносовым Востоков определял синтаксис как словосочинение, задача которого — доказать правила, «по которым совокуплять должно слова и речи». Востоков различает речь 1) книжную или благородную (книжный язык), 2) простонародную (просторечие) и 3) обыкновенную, или язык разговорный. В этом выделении типов речи проглядывает стилистическое разграничение синтаксических явлений. Востоков стремится также установить различия в синтаксическом строе словосочетаний и этих типах речи.

Когда речь выражает одну мысль, тогда, по определению Востокова, она является предложением. Востоков вносит уточнения и в определение состава предложения. Наличие глагола считается непременным признаком предложения, поэтому все предложения русского языка, по Востокову, обязательно глагольные. В первом издании Грамматики всякое предложение состояло из двух частей, подлежащего и сказуемого. Во втором издании Грамматики из двух частей состоит уже предложение с личным глаголом и выданы материалы о безличных предложениях. Безличное глагольное предло-

¹ Катков М. Н. Об именах и формах глагола русского языка, с. 7.

² Сд.: Аксаков К. С. Памяти свёр. св., М., 1875, т. 2, с. 1, с. 309—416.

жене панорамно: в нем есть только сказуемое (*Рассветает; Ночь остается*). Ученое о предложении у Востокова изменилось очень кратко, типы предложений не выделяются. Рассмотрев простое предложение, Востоков обращает внимание на различие между простым и составным сказуемым.

Кроме подлежащего и сказуемого главными элементами предложения Востоков считал также определяемые слова (прилагательные, наречия) и дополнительные члены (существительные в косвежных падежах, местоимения). В роли определяемых и дополнительных слов могут употребляться и члены придаточные предложения и члены или вставные слова. В иерархическом предаточном предложении главным с относительным местоимением выступает в виде причастия (который приходил — *приходящий*), а глагол с личным местоимением и союзом — в виде деепричастия (когда смотрю на небо, удивляюсь — *смотря на небо, удивляюсь*). Таким образом Востоков ставит вопрос о наличии в составе предложения синтаксической синонимии, которая наблюдается не только внутри предложения, но и между предложениями. Например, сочетание предложений Чельвек, который вчера приходил, говорил, что он знаком с вами и желает вас видеть равнозначно по смыслу предложению Чельвек, приходивший вчера, говорил в знакомстве с вами и о желаньи вас видеть.

Определяя синтаксис («словоупотребление») как часть грамматики, содержащую правила соединения слов в речи, Востоков полагает, что в задачи синтаксиса должно входить изучение способов согласования и управления слов, составления предложений и периодов, размещения слов. Принципы Востоковым согласования фактически не отличаются от современного, хотя Востоков уделяет на практике его особенности в простом, сложном и предаточном предложениях. Укрепление слов он называет «требуемое каким-либо словом употребление известному [определенного, — Ш. Б.] падежа в другом слове, от него зависящему».

Периоды («словосочетания, заключающие в себе полный смысл») могут быть не только простыми (одночленными), но и двучленными, т. е. сложными. Сложный период у Востокова равнозначен сложному предложению. Востоков впервые обращает внимание на связь интонации и синтаксиса. Один период от другого можно, по его мнению, отделять «должайшими или кратчайшими остановками, также приличными поименными или поименными тиреми». Понимание периода как интонационно-смысловой единицы речи, по мнению Акад. Виноградова, сближает учение Востокова о периоде с учением о синтаксе, подробно развитым уже в советское время А. В. Щербой. По взгляду синтаксической теории Востокова Виноградов писал:

«Несмотря на удивительно развитые возможности, строгой простоты и ясности, Востоков в своем синтаксисе сумел дать точное, глубокое, продуманное, систематизированное и в высшей степени объективное и вместе с тем вполне выразительное описание основных форм словосочетаний в русском языке. Впервые в «Русской грамматике» Лангосова сложность и материалистический обес-

печили синтаксических явлений русского языка, т. е. в ней он наблюдает, по общепринятому для синтаксиса — все эти черты гласителем языка Востокова создадут, признать его главным последователем и продолжателем Лангосова в развитии русской синтаксической науки. Правда, базисные падежные местоименной синтаксической конструкции является созданная разработкой теории простого и сложного предложения, а также отсутствие особого грамматического различия в структуре разных типов предложений русского языка. Следующим грамматическим Востоков склонился к исследованию безродного глагола (эта параллельно была предложена в русской литературной грамматике Сидкинского) направленность восточной грамматики более выражена в учении о суффиксальных, чем в теории предложения. И все же учение Востокова, в связи с учением о деепричастии предложения остро выдвинувшей проблему составного предложения, служит соединительным звеном между «Русской грамматикой» Лангосова и последующим Платоном «Названия на русской грамматике», несмотря на глубокое различие их методологических основ».

Глубокое и всестороннее изучение Востоковым фактов и явлений русского языка, разработка основ русской грамматической науки обратили на себя внимание современников. Высокую оценку Грамматике Востокова дал В. Г. Белинский. Он определял ее как лучшую на всех русских грамматик и достоинство ее видел в том, что Грамматика Востокова «драгоценна по многим важным открытиям и тонким замечаниям касательно свойств и особенностей нашего языка». Однако Белинский отмечает, что Востоков «не обработал своего сочинения ученым образом, т. е. не привнес в него философию человеческого слова»¹.

Не будучи лингвистом по роду своих занятий, Белинский признавал большое значение грамматическим пособиям, закрепляющим практическое употребление языка. Он неоднократно подчеркивал, что грамматика не дает правил языку, она не учит хорошо говорить, она учит говорить правильно, осознанно. «Грамматика не дает таланта, — говорил Белинский, — но дает талант большому силу»²; она есть систематический свод законов языка, выведенных из самого языка. В употреблении языка тем или иным народом должно быть единство. А этого единства, полагает Белинский, можно достичь только строгим исследованием языка, его законов. По мнению Белинского, русская грамматика только тогда будет возможна, когда будет дано филологическое описание русского языка, в котором соединятся практическое знание правил и современными его системный.

Свои взгляды на грамматические особенности русского языка Белинский изложил в «Основаниях русской грамматики для первоначального обучения». Эта Грамматика была, однако, не только учебником, а оригинальным научным трудом. Хотя Белинский и строит свою Грамматику на логических началах языка, исходя из принципов всеобщей грамматики, тем не менее он считает, что законы русской грамматики должны только повторяться всеобщей грамматикой, а выводиться они должны из законов русского языка. Поэтому и грамматику русского языка Белинский определяет как

¹ Виноградов А. В. Из истории русской синтаксиса, с. 195—194.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1, с. 116.

³ Там же, т. 9, с. 332.

¹ Цит. по кн.: Востоков А. К. Русская грамматика. 12-е изд. СПб., 1874.

«науку о законах и свойствах русского слова, или русского языка, т. е. она учит говорить, читать и писать по-русски правильно с общими законами русского языка и общим употреблением или принятым обычаем».

Исходя из того, что всякое научное описание действительности может быть синтетическим и аналитическим, он делит и лингвистику на эти две науки. Аналитическая часть грамматики определяется как этимология (т. е. морфология), или словопроисхождение; в ней рассматриваются слова по их происхождению, изменению и значению. Синтетическая грамматика, или синтаксис («словосочинение»), характеризует правила соединения слов для выражения суждений». Практически синтаксисом Белинский не занимается.

Анализируя общие свойства слов, Белинский выделяет части речи и части речи. Определение частей речи («часть речи есть отдел или район целого рода слов, которые выражают известный круг целого рода понятий») строится на семантической основе, как обобщенное выражение лексического содержания. Хотя Белинский очень подробно анализирует грамматические формы, в данном случае грамматическая форма не учитывается.

Имя определяется как словесное выражение или название «предметов видимого и умственного мира». Местоимение служит для замены имени, а глагол выражает действие, происходящее во времени. Определительное слово в характеристике Белинского выступает как синтетическая часть речи, определяющая понятия по их логическим признакам — свойству, качеству, действию, принадлежности, количеству. Определительные слова включают прилагательные, числительные, причастия (и их сокращенную форму — деепричастия), наречия, определительные, притяжательные и некоторые другие местоимения.

Белинский указывает четыре склонения для имени и два для определительных слов. В склонениях он использует обычную классификацию (берущую начало в ленинградской «Российской грамматике»), хотя у него и есть некоторые отклонения от грамматики Греча и Востокова (у Греча было три склонения существительных, а у Востокова — два, но с пятнадцатью подразделениями). Предложенная Белинским классификация существительных по склонениям приближается к нашей школьной грамматике с той лишь разницей, что существительные на -мя выделяются в самостоятельное склонение. Кроме мужского, женского и среднего рода Белинский выделяет общий род («высочайша, беднота»). Падеж, определяемый как взаимные слов для выражения их взаимных отношений между собой, свойствен имени, местоимению и определительному слову. В русской грамматике, по Белинскому, семь падежей.

Характеризуя части речи с точки зрения выполняемых ими функций в составе предложения, Белинский считает, что главную роль в предложении играет глагол, генетически происходящий из имени. В глаголе он стремится обнаружить связь есть и определительное слово («летает для него то же самое, что есть летящим»). Поскольку

глагол есть выражение действия, развивающегося или происходящего во времени, то Белинский, соотнося это действие с объективным временем, выступает против многообразия времен в русском языке; он признает три главных времени — настоящее, прошедшее и будущее. Глаголом выражаются и различные оттенки времени (его продолжительность, начало, окончание). Под видом Белинский понимает образность действия. Вид выступает у него как соотносительный, но разный три главных слов. Белинский выделяет четыре вида: неокончательный или коренный («летать»), совершенный («лететь»), многократный («летывать») и однократный («случить»). Наличие видов глагола является, по мнению Белинского, положительной принадлежностью и свойством славянских языков. Он правильно указывает, что виды в русском языке заменяют множество приемов, употребляемых в других языках для выражения различных моментов действия.

Кроме вида и времени к грамматическим категориям глагола Белинский относит залог, форму и лицо. Он выделяет два залога — действительный («идеть») и действительный (т. е. оказывающий или испытывающий действие), который, в свою очередь, подразделяет на страдательный, возвратный и взаимный. Под формой глагола Белинский имеет в виду то, что в современной грамматике называется наклонением глагола. В распределении глаголов по двум спряжениям Белинский следует за Ломоносовым.

Выделяя предлоги и самостоятельную часть речи, Белинский употребляет этот термин и для обозначения приставок. Предлоги, говорит он, соединяясь с глаголами, заменяют их вид, залог, а иногда и само значение.

Пытаясь установить связь между частями речи и членами предложения, Белинский высказывает мысль об их параллелизме. Из скольких частей состоит предложенье, столько в языке должно быть и основных, или элементарных, частей речи. Однако конкретный материал русского языка заставляет его признать, что «во всяком языке бывает более трех частей речи, потому что подлежащее и сказуемое, т. е. понятие о предмете и его принадлежности, или атрибуте, выражается, по большей части, более нежели одною частью речи; а притом вторая из этих частей речи, т. е. определительная, подразделяется на несколько отделов или видов, которые принимаются за особые части речи».

Белинский не разрабатывает проблем синтаксиса, поскольку «Основания русской грамматики» представляют собой только первую часть задуманного им «Полного курса словесности для начинающих». Этот труд должен был включать вторую часть, излагающую основы синтаксиса, или теорию различных родов предложений, управления и порядка слов, и третью часть — высший синтаксис, теорию соединения предложений и периодов, порядка предложений и т. д. Четвертую часть курса должна была составить риторика, а приложение — пропедевтика с теорией русского стихосложения. К сожалению, Белинскому не удалось осуществить свое намерение, и только по отдельным замечаниям, высказанным в различных критических

статьях можно судить о спекулятивных взглядах Белинского. Например, в рецензии на Рихтерку Н. Ф. Колчанова Белинский указывает, что «в искусстве писателя есть своя техническая сторона, наука, которой очень нужна... Но эта сторона писателя не подлежит ведению риторики. Ее можно назвать стилистикой, и она должна составить собою дополнительное, окончательную часть грамматики, внешней синтаксиса... Этот внешний синтаксис должен заключать в себе главы: 1) о предложениях и периодах, 2) о триниях и 3) об общих качествах слога — чистоте, ясности, определенности, простоте и проч. в отношении к выражению. В главе о предложениях и периодах должны быть объяснены общие, на логическом-стрессных мыслях основанные формы речи; в периоде должны показаны синтаксис; надобно обратить особенное внимание на то, чтобы отделить внешний форму от внутренней»¹.

Грамматика Белинского — это скорее пособие для учителя, нежели теоретическая прищипка, грамматика философская. Белинский обстоятельно излагает материал, привлекает многочисленные факты русского языка. Естественно, что он не смог избежать в некоторых деталях, свойственных грамматиках того времени. В Грамматике не различаются четко звук и буква, и изложения чувствуются излишней логичностью, отвлеченностью, мешающие явному ощущению грамматических явлений. Но вместе с тем грамматические параграфы Белинского имели большое значение для развития русской науки о языке, способствуя освобождению ее от шаблонных издержек.

Белинский считал, что прежде составления грамматики необходимо аналитическое исследование русского языка, глубокое проникновение в тайну организма языка. Такое аналитическое исследование русского языка, по мнению Белинского, проведено в «Филологических наблюдениях над системой русского языка» (1841—1842) Г. П. Павского. Работа Павского делится на три рассуждения. Первое рассуждение посвящено вопросам фонетики и произношения, «внешней стороне языка». Во втором рассуждении два отделецки: в первом речь идет об именах существительных, во втором (вышедшем во втором издании) рассматриваются имена прилагательные, числительные и местоимения. Третье рассуждение составляет исследование и глагола. Работа Павского интересна прежде всего потому, что в ней содержится тщательный анализ именного и глагольного словообразования и словоизменения русского языка.

Павский указывает на трудную задачу классификации частей речи. Свою классификацию частей речи он строит на логико-семантической основе, приходя к выводу, правда, не всегда последовательному, и грамматические показатели. Он делит все слова на четыре группы: 1) слова-выражения чувственных впечатлений (междометия), 2) образованные понятия (местоимения, имена существительные, прилагательные, числительные), 3) образованные мысли (глагол), 4) частицы (наречия, предлоги, союзы).

¹ Белинский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3, с. 510.

В системе частей речи центральное место Павский отводит глаголу, который выражается приговор ума, принадлежит или не принадлежит такое-то качество известному лицу или вещи»¹. Глагол является такой категорией еще и потому, что в нем выражается представление о времени и пространстве, в котором существуют лица и вещи. Глагол Павский понимает очень широко: к глаголу он относит не только спрягаемые, личные формы (глагол в полном виде), но также инфинитив, причастие, деепричастие. В глаголе представлены и категории предметности (действие), качества (действующий, -ий, -его) и действия (действие). Но у глагола есть свои конструктивные особенности, отличающие его от других частей речи. Так, отличие глагола от имен Павский усматривает в том, что в нем выражено и действие, и действующее лицо, и время, и пространство действия.

Павский подробно развивает учение о видах как о «степенях» глагола (он называет вид степенями по аналогии со степенями сравнения прилагательных). В глаголах степеням, говорит Павский, определяется мера продолжительности и объема действия. К глаголам первой степени относятся глаголы, которые обозначают единичное явление в определенном и тесном пространстве (желать, прочитать, т. е. однократные глаголы). Глаголами средней степени обозначается «неопределенный, однако же обширный круг действия и явления» (желать, читать, т. е. многократные глаголы). Третья, последняя степень представлена глаголами многократными дальними (читать, выдвигать), выражающими неопределенный круг действия. Глаголы разных степеней Павский считал равными словами, полагая, что они имеют только общий корень. В видовых различиях глаголов подчеркивается количественный момент в совершении действия и совершенно упускается из виду понятие сличительности-неопределенности действия.

Анализ видовых и залоговых значений глагола Павский связывает с анализом лексических и грамматических значений «примет» — суффиксов и приставок. Так, примет и служит отличием глаголов действительного залога (благосудить), примет с обозначает глаголы среднего залога (благотворить). Будущее значение в глагольном словообразовании Павский придает предложениям (аффиксам), которые изменяют залог и степень (вид) глагола.

В своем учении о видах глагола Павский упростила сложную систему времен, содержащуюся в грамматиках Ломоносова и Востокова. Он ставит формы времени в полную зависимость от видных различий. В глаголах средней степени (несовершенного вида) Павский находит три времени — настоящее, прошлое и будущее, в глаголах первой степени (однократных и совершенных) — два времени, будущее и прошедшее, а в глаголах третьей степени (многократных дальних) — одно прошедшее.

Учение Павского о видах вызвало критику. Потехин указывал на неполноту деления глаголов на три степени, поскольку в пределах

¹ Цит. по изд. Павский Г. Филологические наблюдения над системой русского языка. Рассуждения 1—3. Сиб., 1842.

одной и той же степени встречаются глаголы разных типов. Так, к первой степени у Павского относятся и непронизованные глаголы (дать), и однократные (мелькнуть), и образованные посредством префиксации. Кроме того, встречаются и противоречия: предлоги (префиксы) то переводят глаголы из одной степени в другую (быть — сметь), то не оказывают никакого влияния на степень длительности (ходить — выходить в отходе от выходить). Несмотря на отдельные недостатки его видовой системы глаголов русского языка, заслуга Павского заключается в том, что он показал различные типы глагольного словообразования, переход одних глаголов в другие и роль префиксации в этом процессе.

В категории залога, связываемого Павским с «различными состояниями существа», выделяются три типа — действительный, страдательный и средний. Основную функцию возвратной формы на -ся Павский видит в том, чтобы сделать глагол дисперсионным. Поэтому действительный залог, принявший частицу «ся», которая не позволяет действию переходить на различные предметы, принимает вид и значение среднего залога; следовательно, все возвратные глаголы можно назвать средними. Павский устанавливает также несколько новых функций формобразующего суффикса -ся, в частности для выражения близости.

Павский приближается к современному пониманию наклонения как отношения говорящего к высказываемому действию. Он выделяет три наклонения — изъявительное, повелительное и условное (смысловое). Павский критикует предложенное Гречем понятие неопределимого наклонения, справедливо полагая, что такое наклонение ничего не говорит об отношении действия к лицу.

Глаголу как средству «изображения мыслей» Павский противопоставляет имена как средства «изображения понятий». Имя (существительное, прилагательное, числительное) указывает на вещь, ее качество или количество, а местоимение «служит только формой для умственного содержания и распределения вещей по категориям». Павский первым выступил против античной грамматической традиции, рассматривавшей местоимения как заместители имен. Местоимения не заменяют имен, а служат только указанием на них или напоминанием о них, вовсе не выражая качества, вида, числа вещей. Как пример или заглавие книги не может заместить место самой книги, убеждает он, так и местоимение не заменяет места имени. (Это мнение в дальнейшем было поддержано И. И. Давыдовым.)

Новым по отношению к грамматической традиции является выделение числительного в самостоятельную часть речи. Числительные, по Павскому, близки прилагательным по своей обобщающей функции, но отличаются от них тем, что обозначают не качество, а количество вещей. С другой стороны, числительные близки к собирательным существительным (пары, хуры) и местоимениям (мы, вы, они). Однако все близкое не делает числительные их грамматической самостоятельности.

Что касается существительных как слов, обозначающих «существа, находящиеся в действительной природе, и понятия, составленные

умом и воображением», то дал им Павский (как и Греч) указывает пять склонений на основе родовых показателей. Главное достижение исследований Пичковского состоит в том, что он дает практически все описания существительных, которые встречаются в русском языке, и указывает их значение.

От существительных происходят имена прилагательные. Прилагательные отличаются от существительного тем, что обозначаемое им качество относится не к какой-нибудь определенной вещи, а ко многим из них. Одним из первых русских грамматистов Павский отмечает закономерности расположения ударения в прилагательных: место ударения меняется при образовании различных степеней сравнения (умный — умнее), при употреблении прилагательных в краткой форме (умный — умён) и т. д. Он подробно разбирает изменение места ударения в различных формах прилагательного, но не объясняет, отчего бы происходило это разнообразие.

Тонкое описание морфологической системы русского языка, подробный анализ парадигм склонения и спряжения вызвали высокую оценку «Филологических наблюдений». Белинский, в частности, говорит, что Павский «одни стоишь целой академией. Его «Филологические наблюдения над составом русского языка» положило прочное основание филологическому изучению русского языка, показав истинный метод для этого изучения. (...) Плоха и ничтожна была бы самая хорошая грамматика, которой автор, при ее составлении, много и крепко не посоветовался бы с «Филологическими наблюдениями над составом русского языка»¹.

Оценка Белинского была, пожалуй, несколько преувеличенной. Работа Павского, действительно, внесла много нового в теорию русского языка, особенно в научение словообразования и словозачинения, свойства глагола. Но вместе с тем это исследование фактически закончало период составления описательных грамматик. Павский недостаточно использовал ценные утверждения к тому времени сравнительного изучения языков, не привлекал данных диалектов и родственных славянских языков. Поэтому его филологические сведения несколько односторонни, менее глубоки, чем, например, выводы Востокова. Тем не менее исследование Павским грамматических категорий глагола оказало влияние на последующих русских грамматистов, например на Давыдова, Ахажкова, Некрасова.

В 1852 г. появилась работа И. И. Давыдова «Опыт общеразительной грамматики русского языка», вызвавшая большой интерес. В этой книге Давыдов подтопил свои наблюдения над строем русского языка в соответствии с логико-грамматической концепцией К. Беккера, согласно которой языковые формы выводятся из логических законов, общих для всех языков. Но следует иметь в виду, что Давыдов те же положения сформулировал гораздо раньше в лекционном курсе «Чтения о словесности», который по запискам его студентов (в том числе и Булаева) был издан в 1837—1838 гг.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 231.

Затем уже в более систематизированном виде обобщаямведческие взгляды Давыдова получили оспедение в его Грамматике.

Законы русского языка, по мнению Давыдова, можно лучше всего познать на сравнении родного языка с родственными языками. Он привлекает данные из самых различных индоевропейских языков, но использует эти данные эпизодически и бессистемно. Поэтому книга Давыдова может быть названа не столько сравнительной, сколько описательной грамматикой русского языка.

В основу своей грамматики Давыдов положил беркеровскую грамматику немецкого языка, построенную на логических началах. По-новому ведется Давыдовым и палеонские материалы: «Части речи начинаются глаголом, потому что из глагола происходит все развитие языка; в нем содержатся и первое предложение. Различные роды [виды — Ф. Б.] предложения пложены при союзах, которые без предложки не могут быть поняты. Виды и все части предложения, во всей их подробности, составляют предмет синтаксиса. Глаголу предшествуют законы фонетические, потому что движениям звуков и переходом их одного к другой объясняются словопроизводственно и словосоставление, спряжения, склонения, перемены прилагательных по степеням сравнения и грамматические изменения»¹. Отсюда ясно, что Давыдов основой грамматики считает синтаксис, «словосочинение», включающее в себя предложкине как выражение суждения и период как выражение умоваключения.

Части речи Давыдов пытается рассматривать с философской точки зрения — через восприятие действительности человеческим духом. Человек не может воспринять бесконечное разнообразие предметов внешнего мира в их множестве; он их классифицирует, обобщает, и этим обобщениям соответствуют определенные системы слов. (Это положение Давыдова удивительно напоминает знаменитое утверждение Н. В. Крушевского о соответствии мира слов миру понятий.)

«В тождестве законов развития мира вещественного и бессодержания сто в духе, — говорит Давыдов, — заключаются возможность слова и языка. Как в мире вещественном мы видим действие в бытие, так и в языке, представляющем духовное высоздание этого мира посредством слова, находим две ступи: глагол и имя; один означает деятельность, другое бытие, т. е. предмет видимый или умственно представляемый. Из этих двух понятий — действия и предмета, приведенных в единство, образуется мысль». Из этих двух частей предложки развиваются прочие части речи. Поскольку подлежащее и сказуемое качественно различаются, то для выражения этого качества используются и другие части речи: качество подлежащего обозначается прилагательным, а качество сказуемого — наречием. «Кроме определения качества, подлежащее и сказуемое имеют надобность в определении количества и в обособлении: подлежащее достигнет этого посредством числительных и место-

¹ Цит. по изд.: Давыдов П. П. Опыт обобщающей грамматики русского языка. 2-е изд. Спб., 1853.

имен и т. д. Эта одна часть достает довольно долго». Влияние отношения предметов и пространств и временная последовательность событий обозначаются соответственно предлогами и союзами.

Определяя таким образом основные части речи, Давыдов делит их на знаменательные и служебные в зависимости от того, выражают они понятие или отношение. К знаменательным частям речи он относит глагол, имя прилагательное, и служебным — местоимение, числительные, предлог, союз. Промежуточное положение между служебными и знаменательными частями речи занимает наречие, поскольку оно иногда выражает то понятие (*хорошо*), то отношение (*здесь*). Между тем Давыдов не относит к частям речи, считая его не естественным членораздельным звуком, общим всем языкам, или неразным предложке.

С логических позиций Давыдов пытается решить вопрос о функционировании в предложении частей речи. Понятия и предложения выражаются частями речи, а отношения этих понятий обозначаются грамматическими формами. К грамматическим формам Давыдов относит измененные слова по родам, числам, лицам, временам, падежам, видам, а также предлоги. Хотя Давыдов и смешивает словоизменительные и формообразовательные категории, тем не менее введенное им понятие грамматической формы было первой в русском языкознании попыткой формального подхода к описанию языка.

Касаясь сложного вопроса о соотношении времени и вида глагола, Давыдов определяет акт с точки зрения протекания действия во времени (для этой цели вводится термин «крат»). Он выделяет три категории глаголов: однократные (*ленился*), многократные (*читал*), неопределенно-кратные. В систему неопределенно-кратных глаголов Давыдов включает глаголы начальные (*краснеть*), длительные (*летать*), окончательные (*вохреснеть*). Давыдов пытается примирить точки зрения Греча, Востокова и Палского. На внутренние противоречия такого сближения указала Потебня. Он отметил, что глаголы неопределенно-кратные вовсе не соотносительны с глаголами многократными и многократными. Кроме того, к этой категории глаголов Давыдовым отнесены глаголы как совершенного, так и несовершенного вида¹. Говоря о временах, Давыдов пишет, что «настоящее время поставляется, когда представляем сказуемое совпадающим с моментом, в который говорится, (...) Прошедшее время употребляется, когда действие представляется свершившимся прежде момента речи, (...) Будущее время употребляется, когда действие представляется имеющим совершиться после речи». Поэтому акад. Виноградов считал, что в понимании времени у Давыдова проявляется субъективно-психологическое представление о формах времени без учета различия в грамматическом выражении каждого из этих трех времен и без учета их синтаксических функций.

¹ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1931, т. 4, с. 19—20.

Логичным скатывался у Давыдова проявляется в близких источниках логических и грамматических категорий. Предложения определяются как выраженные суждения. Подлежащее и сказуемое называются двумя «существенными» членами предложения, связанными между собой логической связью. Грамматическим выражением этой связи является глагол *быть* или окончание сказуемого. Глагол-связка может опускаться, если отклонения предложений ясно из содержания. Хотя Давыдов и отождествляет логические и грамматические категории, все же логика языкового материала заставляет его различать грамматическое и логическое подлежащее. Вслед за Гречем он называет грамматическим подлежащим одно понятие о предмете суждения, а логическим подлежащим — совокупность понятий о предмете. Грамматических членов в предложении может быть много, а логических только два — подлежащее и сказуемое. Кроме подлежащего и сказуемого Давыдов выделяет второстепенные члены предложения — определение, дополнение и обстоятельства (место, время, причины, образа действия).

Придаточные предложения Давыдов делит по принципу выражения в них членов предложения на придаточные предложения существительные, прилагательные и обстоятельственные. По словам акад. Виноградова, «в грамматике Давыдова окончательно устанавливается логико-синтаксический трафарет русской школьной грамматики XIX в.» со всеми присущими этому трафарету недостатками¹. Виноградов полагает также, что, рассматривая предложение в качестве единственного объекта изучения и синтаксиса, Давыдов не смог соединить учение о предложении с теорией словосочетания. Поэтому грамматика Давыдова не дала основания для построения полной синтаксической теории. Сыграв большую роль в определении научных перспектив развития русской грамматики, она тем не менее не была компактной.

Книга ученика Давыдова, Ф. И. Буслаяна, «Опыт исторической грамматики русского языка» в середине XIX в. имела такое же большое значение для установления норм русского литературного языка, какое имела для середины XVIII в. «Российская грамматика» Ломоносова. В грамматике Буслаяна впервые соединены историческое и описательное начала при рассмотрении русского языка. В ней обобщены все достижения русской грамматической мысли первой половины XIX в.

Рассматривая грамматические руководства по русскому языку, вышедшие в первой половине XIX в., Буслаян отмечал, в частности, подражательный характер грамматик Греча, которые не объясняли грамматических особенностей русского языка. Правила Греча Буслаян считает условными, далекими от живой разговорной речи. Логические принципы построения будут сохранены в грамматике русского языка до тех пор, пока «она не обратится к родному языку как к живому слову, вечному и неизменно богатому, и его видоизменениям историческим и местным; и пока не определит при-

знающего отношения некоторых новообразований к особенностям, внесенным в нашу речь творческими образцовыми писателями, в тому живому слову, которое называется языком родным»¹.

В большинстве предшествующих грамматик русского языка, считает Буслаян, обращались вниманием не столько на высказанные действующие в языке законы, сколько на установление правил и исключений. От этих недостатков не была свободна и Грамматика Востокова. Буслаян же полагает, что «во всяком языке должно отличать основные законы, которыми определяются существенные его свойства, от отдельных форм, к которым законы прилагаются».

Происшедшие в результате исторического развития изменения русского языка отнесены к отдельным формам языка, которые постепенно изменяются; действие законов сохраняется в течение длительного времени. Отсюда возникают и противоречия между правилами грамматики и законами языка. Эти противоречия усугубляются тем, что в современной языке, по мнению Буслаяна, мы встречаемся с совокупностью грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава (ср. русск. *прежний* и укр. *прежде*). Поэтому грамматика русского языка должна учитывать разнообразный материал в современном его состоянии, чего не наблюдалось в прежних грамматических руководствах. Заслугой Буслаяна является то, что он привнес для исследования не только церковнославянский материал, но и диалектную лексику («провинциализмы»), служившую источником пополнения литературного языка, а также книжный язык. Под книжным языком Буслаян, в отличие от Греча, понимал «не только язык высокий (чем ограничивалась старинная практическая грамматика), но и речь разговорную, в сочинениях содержания повествовательного, драматического и т. п.».

«Историческая грамматика русского языка» делится на две части — этимологию, или словопроисхождение, и синтаксис, или словосочетание. Буслаян говорит также об орфографии (правописание) и прописки (словоуподобление), но эти проблемы не рассматривает, так как обе эти части грамматики, по его мнению, основываются на этимологии и синтаксисе и должны излагаться в связи с ними.

Морфология, считал Буслаян, изучает изменения слов с помощью склонения и спряжения, а синтаксис «объясняет значение и употребление частей речи и их изменения, состав предложений простых и сочетания их в предложениях сложных и в периодах». Таким образом, содержание морфологии и синтаксиса у Буслаяна тесно переплетается. Хотя Буслаян и считал достоинством своей Грамматики «отрицание отдаленной этимологии от синтаксиса», которое позволяло ему «упростить изучение родного языка и в теоретическом, и в практическом отношении», на самом деле морфологические и синтаксические функционирование слов достаточно четко разграничено не было.

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 218.

¹ Цит. по изд. Буслаян Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1953.

При рассмотрении морфологических и синтаксических категорий, при определении взаимоотношения этих двух частей грамматики у Бусласа наблюдаются и внутренние противоречия. С одной стороны, он стремится отделить морфологию от синтаксиса, с другой стороны, пишет, что «образование как частей речи, так и изменений их основывается на законах синтаксических... следовательно, только в предложениях получают свое значение отдельные слова и их окончания и приставки».

Это противоречие в грамматической концепции Бусласа можно объяснить. Следуя широко распространенному рожнитско-филологическому построению периодизации развития языка, Буслас выделял два периода в истории языка — древнейший и новейший. «В древнейшем периоде мысль находится в теснейшей связи с этимологической формой [под этимологической формой Буслас понимал первоначальную форму слова. — Ф. Б.], и потому синтаксическое употребление слов основывается на этимологической форме». А в новейшем периоде жизни языка этимологические формы теряются, их место занимают формы синтаксические. Но в новейший период, по мнению Бусласа, свойства и качества языка по-разному проявляются в книжной речи и в народном, разговорном языке. В книжном языке «отвлеченное логическое сочетание понятий берет верх над этимологическим», а в народном языке, так же как и в древнем, «этимологическая форма и наглядное представление господствуют над логическим отвлечением». Таким образом, противоречие в концепции морфологии и синтаксиса в концепции Бусласа возникает, если принять во внимание, что это соотношение различно в разные периоды жизни языка.

Критикуя Грета за логизм его грамматики, Буслас пытался отделить логический анализ от грамматического, особенно при рассмотрении синтаксических категорий. Так, он говорил, что в логическом отношении второстепенные члены предложения не отделяются от главных и вместе с ними составляют логическое подлежащее или сказуемое. С грамматической же точки зрения, второстепенные члены строго отделены от главных. В этом Буслас прав. Но что касается основных синтаксических категорий, в частности предложения, то к их определению он подходил логически. «Предмет, о котором мы судим, — говорит он, — называется подлежащим». То, что мы думаем и судим и предмете (о подлежащем), именуется сказуемым... Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением... Суждение, выраженное словами, есть предложение».

Вступая поистине в конфликт, то в союз с логикой, Буслас строится выносить грамматические признаки предложения. Поэтому во всяком предложении он предлагает различать материал или содержание предложения, т. е. название самих понятий и предстателей, входящих в состав предложения и «способ сочетания их в предложении». Содержание предложения — это слова, обозначающие предмет (существительное), действие (глагол) или обстоятельство (прилагательное), а способ сочетания выражается склонениями, спряжениями или служебными словами. Правное грамматическое

момента в трактовку предложения, Буслас все-таки подчиняет грамматике общим законам логики.

Скепсис Бусласовым логического и грамматического в понимании предложения вызвало критику его концепции Потебней. Он заметил, что если придать подлежащий вел. утверждению о том, что в основу определения предложения положено грамматическое начало, тогда, вернее, логическое определение должно быть выкинуто. Из этого, как говорит Потебня, не делают и тем приходящее туман.

Основным членом предложения Буслас считает сказуемое, первоначальной этимологической формой которого был глагол. «Подлежащее и сказуемое именуется главными членами предложения, в отличие от других слов, которые их объясняют и дополняют и называются членами второстепенными».

Второстепенные члены предложения Буслас рассматривает с двух точек зрения: по синтаксическому употреблению и по значению. По синтаксическому употреблению второстепенные члены предложения есть «не что иное, как слова, присоединяемые к главным членам предложения посредством согласования или управления. Присоединяемые посредством согласования именуется словами определительными, посредством управления — дополнителями. (...) ... Должно отличать еще такие члены предложения, которые не состоят в видимой синтаксической связи с словами, в которых присоединяются, т. е. не согласуются и не управляют; например, *очень хороший, идти в город, идти из города*. Такие слова именуется обстоятельными членами». Анализируя второстепенные члены предложения по их значению, Буслас, по мнению Иванд. Виноградова, вступает в противоречие с первым делением, так как он считает, что разряд определительных и обстоятельных слов полагается за счет дополнительных. Слова, употребляющиеся в предложении для обозначения обстоятельств места, времени, образа действия или качества, меры и степени, выражаются то наречиями (т. е. словами управляемыми и неуправляемыми), то косвенными дополнениями. Например, по Бусласу, в выражениях *идти в город, идти из города, через мост* по значению есть обстоятельство места, а по синтаксической связи управления — слова дополнительные.

Потебня справедливо замечал, что противопоставление синтаксического употребления и значения нецелесообразно. У Бусласа, пишет он, «под значением может разумеаться лишь нечто неграмматическое и даже вовсе неязыковое» (т. е. априорное отвлеченное содержание). Значение, определяемое по вопросам, ничего общего не имеет с грамматической функцией слов. Это противопоставление «основано не на наблюдении над языком, а над тем-то не существующим к языку непосредственного отношения, что автору только кажется, будто он различным образом делает одно и то же различие, между тем как он

¹ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 71.

двумя для различных понятий и означает в одно то, что нашел в другом».

Под сложным предложением Буслаян понимает совокупность двух или нескольких предложений, соединенных подчинительной или сочинительной связью. Специфику сложного предложения Буслаян усматривает в возможности его сокращения и простого (например: *Кто осторожен, тот редко ошибается может быть заменено предложением Осторожный редко ошибается*). В сложносочиненных предложениях Буслаян выделял три вида сочинительных отношений — соединительные, противительные, разделительные. При этом он первым обратил внимание на переходные (от сочинения к подчинению и наоборот) конструкции в русском языке.

По мнению Буслаяна, каждый из членов главного предложения может быть заменен придаточным предложением. Не допускает такой замены сказуемое, что и составляет отличие этого члена предложения от других. «...Так как при глаголе (именно при существительном быть) употребляются определительные и обстоятельственные речи [слова. — Ф. В.], состоящие вместе с ним сказуемого составные, то эти речи могут заменяться и объясняться придаточным предложением; например, в предложении *Истинно благоволил великий человек есть тот, который делает добро не на тщеславии, а подражаемому слову человеку при определительном тог, т. е. есть истинно человек, который и т. д.*». При анализе придаточных предложений Буслаян обращает большое внимание на союзы и союзные слова, средства и способы подчинения. И здесь он выходит от логической традиции и становится на чисто грамматическую точку зрения.

Главные и придаточные предложения подвержены именным, из которых существенно являются два: сокращение целого предложения в отдельный член и слияние двух или нескольких предложений в одно. Сокращение предложений объясняется отменением явного фактом сочинительности придаточных предложений, однородных по функции с членами главных предложений (ср.: *Кто много трудится, успевает. — Мало трудящийся не успевает*). Войдя в состав главного предложения, возникшие в результате сокращения члены становятся подлежащим, определением, дополнением, обстоятельством. Как отметил акад. Виноградов, связанное с идеями всеобщей грамматики учение о сокращенных придаточных несостоятельных с исторической точки зрения, так как оно смешивает стилистические варианты выражений, семантически происходящие к разным синтаксическим конструкциям, с последовательными историческими этапами развития строя предложения.

Кроме сокращения предложения у Буслаяна подвергаются слиянию: «При слиянии предложений, соединенных по способу подчинения, одно предложение, слитое с другим, хотя и может быть рассматриваемо как целое предложение, но употребляется в смысле

отдельной части речи». К таким «слитым» предложениям принадлежат союзы (*пусть, пусть, пожалуй, буде*), частицы (*да, дескать, мол, ведь, зато*), безличные глаголы (*бывало, ослоняно, должно быть и др.*), фразеологические обороты (*тоже и там, как реч, чем тут и др.*). Слиянием объясняется включение бывшего выдвинутого предложения в строй другого предложения. Слияние предложений очень употребительно при обозначении обстоятельства времени (*Она шла лет как умерла*). К «слитым» же относятся выражения *жить не знаю, ведаю по ведаю и т. п.* Учение о слиянии предложений опирается на наблюдения исторического развития предложения.

«Историческая грамматика русского языка» Буслаяна положила конец действительному господству в русском языкознании логического направления, характерной чертой которого была логико-семантический подход к частям речи и предложениям. Поэтому не удивительно, что Грамматика Буслаяна была восторженно принята современниками. В рецензиях отмечалось, что книга Буслаяна учила понимать язык и строить грамматику только на основании его же формы, а не на основании предвзятых теорий, указывала русской грамматике новые пути развития. При Буслаяне писали, что он «по своим трудам и вниманию в языкознании для нашего времени может быть назван вторым Ломоносовым»¹.

Но современникам Буслаяна хорошо была видна и двойственность его принципов, соединение логических и грамматических приемов анализа материала. Причину этой двойственности вскрыл Потебня, который отметил, что в Грамматике Буслаяна «спрятано содержание (насколько оно составляет предмет языкознания) и форма слова еще весьма не ясны. В этой неясности иное лицо, но по многим проявлениям такое общее сестринское звание, когда, с одной стороны, еще чувствуется тяготение к старой теории (логико-грамматической), дух которой нет в слове ни собственно язычного содержания, ни формы, а есть только нечто, по другому взгляду, вовсе не включенное в слове, именно понятие, а с другой стороны, имеются уже факты, которые, будучи так следует сведены и направлены, могли бы опровергнуть эту теорию»². Эта задача и была выполнена Потебней, грамматические исследования которого составили уже следующий этап в развитии русской грамматической мысли.

¹ Филал, гл. 1877, том 3, с. 2.

² Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 21.

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 22.

Грамматические системы

К. С. Аксакова
и Н. П. Некрасова

Противоречия в грамматической системе Ф. И. Буслаява, смещение догматских и грамматических функций подвергались резкой критике со стороны Аксакова, который был несогласен с мнением Буслаява и «окраденскими предложениями», о первичности глагола и т. д. Аксаков считал, что Буслаяв стремился вывести все разнообразие грамматической системы русского языка в узкие, искусственно формально-догматские рамки. Между тем «куда важнее (а следовательно, и грамматичнее) признавать здесь предмет своего изучения, как он есть, и из него самого извлечь его разум»¹.

В истории русской общественной мысли середины XIX в. Константин Сергеевич Аксаков (1817—1850) известен как один из ведущих представителей историко-социальной и философской концепции славянофильства. Менее известны имя Аксакова как автора оригинальной грамматической системы, послужившей основой для многих последующих грамматических учений. В ее принципах отражались стремление глубже определить и философски осмыслить особенности русской грамматической системы, обосновать психологическое национальное русское грамматиче-

Как направление грамматической и философской мысли середины XIX в. славянофильство велело заветный след в истории русской культуры. Характеризуя его влияние, А. И. Герцен писал, что «важность их [славянофилов. — Ф. Б.] познания, его истина и существующая часть (...) и тех ступеней русской жизни, которые они открыли под удручением неумолимой цивилизации (...) Никто [русских. — Ф. Б.] надо было противопоставить тому характеру противоположной цивилизации и своим режиссерам. (...) Полезно славянофильство как школа и как особое учение было совершенно на месте»². Примерно так же и в период славянофильства и Н. П. Чернышевский. Он признавал, что есть в славянофильстве «с некоторой стороны и безусловно лирическое» и считал, что убеждения славянофилов «выступили гарантией ревности к просвещению и к разумности

русской жизни»³. Вместе с тем и Герцен, и Чернышевский полагали, что славянофильство и западники представляли собой две «единыя русские дворянские либеральные», у которых было больше общего, чем различия, веро.

Славянофильство нашло выражение не только в контрреволюционных и религиозно-идеалистических учениях, но и в истории русской грамматической мысли, прежде всего в оригиналистических взглядах Аксакова и Некрасова, которые стремились создать стройную концепцию русской грамматики. Аксаков предлагает метод грамматического описания, состоящий не в подведении языкового материала под универсальную схему, а в создании грамматики, целиком построенной на выделении теории из материала русского языка. Он писал: «Для составления русской грамматики всего менее думаем о русском языке: думаем о готовых формулах иностранных грамматик, в данных рамках, в которые складывало втискивать русский язык; вместе с вышестоящим немецким взглядом на язык Россию, на весь ее быт, на все начала и язык наш подвергся тому же: его ищут под формы и правила иностранной грамматики, ему совершенно чуждой, и, как всю жизнь России, ищут сами и его копируют и облепляют на чужой лад. И для языка должно чистить время освобождения от этого теснившего его иностранства. Мы должны теперь обратиться к своему языку, исследовать, сознать его, и из его духа и жизни вывести начала и разум его, его грамматику».

Аксаков считает, что настало время для языка обратиться к своему русскому языку, к своей русской истории и прочим областям языка, и обратиться со взглядом своим, без иностранных очков, с вопросом искренним, без приговоренного заранее ответа, и высказать открытым словом ответ, какой дает русский язык, русская история и пр. Он признавал и необходимость русского языка, языка «гибкого, свежого, энергического», от гнета иностранной грамматики, ибо «каждый язык — язык Европы не так жил, не так способен передавать мысли других народов, как наш».

Первая лингвистическая работа Аксакова — «О грамматике вообще» (1839). Эта статья, вышедшая по иному «Основами русской грамматики» В. Г. Белинского, свидетельствовала о большом интересе Аксакова к проблемам лингвистической теории и самостоятельном подходе к языковым проблемам. Свои взгляды на языковую и лингвистическую проблематику, грамматическую концепцию русского языка Аксаков изложил в таких работах, как «Антинизм в истории русской литературы и русского языка» (1846), «Несколько слов о языке правописания» (1846), «О русских глаголах» (1853), «Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаява» (1859), «Опыты русской грамматики» (1860). Последняя книга осталась незаконченной. Изданный при жизни Аксакова том Грамматики состоял из предисловия, введения и первой части, в которой рассматривалось имя. Остальные главы Грамматики (раздел о прилагательном и предлоге) были подготов-

¹ Цит. по кн. *История К. С. Аксакова*, изд. М., 1975, т. 2, с. 4.

² *Сочинения А. И. Герцена*, изд. в 30-том т. М., 1936, т. 9, с. 134.

³ Чернышевский В. Г. *Сочинения*, изд. в 15-том т. М., 1947, т. 3, с. 85, 86.

лски и изданном филологом П. А. Бессоновым в 1885 г. Вторая часть Грамматикки, в которой должны были, судя по черновикам, рассматриваться глагол и союз, не была закончена Аксаковым даже в первом варианте, не был написан и раздел о синтаксисе.

Приложение принципов славянофильской доктрины к русскому языку было связано у Аксакова с желанием проникнуть в самую сущность духовных стихий русского народа. В основу его взглядов по замечанию Геруцена, легли славянские летописи, греческий канонизм и гегельянский формализм¹. Вместе с тем и его социологических и общелингвистических работ встречается положение о борьбе как форме разрешения противоречий не только в материальном но и в духовной сфере общества, о необходимости исторически рассмотренных явлений природы. Аксаков полагает, что все существует в пространстве и времени. Любое явление природы в форме пространства предстает как предмет, в форме времени — как действие. В применении к языку это означает, что слово как отражение человеческого понятия выступит в виде имени (предмет) и в виде глагола (действие). В этом ощущается влияние пантовской теории общего развития мышления от субъективности (имени) к энергии (глаголу).

Категорию историчности из социологии Аксаков переносит на язык, в частности на трактовку слова. Как бы продолжая мысль А. Н. Радищева о необходимости статического (синхронического) и динамического (исторического) подхода к языку, Аксаков замечает, что «слово может быть рассматриваемо статическое в одной точке времени, как уже нечто образовавшееся, постоянно пребывающее в пространстве, так сказать; тогда оно становится предметом грамматики (...). Потом слово может быть рассматриваемо в отношении историческом, как нечто совершающееся во времени (...). Такого развития слова рассматривает филологическая наука как в приращении, или этимологии».

Характерной особенностью русской лингвистики XIX в. (труды А. Х. Востокова и Ф. И. Буслаева) был исторический подход к фактам языка. Аксаков же основную цель русской филологии видел в том, чтобы проследить мышление самого языка, выражающееся в его различных формах, флекциях, словопомещениях, извлечь из самой сущности языка его внутренние органические законы. Такой подход к определению важнейших сущностных характеристик языка был обусловлен философской концепцией Аксакова, основу которой составляло духовное начало, преувеличенные роли мыслительных процессов. Сила, которая всюду присутствует и движет всем, — это мысль. Она формирует человеческую психологию, формирует убеждения и верования, выражается в языке. Язык, говорит Аксаков, это неподвижная мысль. Среди прочих социальных институтов, объединяющих людей и народ, нацию, важнейшая роль принадлежит языку. Мысль, как и любое другое явление природы, существует

¹ См.: Гумихинцев А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI—XIX вв., с. 246.

в сознании человека в двух формах своего существования — пространстве и времени. Присовокупительно к языку это означает, что слово как отражение понятия выступает в пространстве в виде предмета (имя), а во времени — в виде действия (глагол). Эти две части речи, будучи главными в языке, являются самым общим, и в процессе отвлечения человеческой мысли от общих понятий конкретизируются в качествах предмета или действия, находящихся свое выражение в разных частях речи.

Части речи, по Аксакову, должны определяться на общих основах разума. Эти общие основы разума, мышления изучает логика. Если философская грамматика отождествляла логику и грамматику (отануки чего в русском языкознании встречаются еще у Буслаева), то Аксаков наносит удар по принципам логико-схоластической лингвистики. Хотя в языке и выразилась мысль, считает Аксаков, «только бы очень ошибочно строить и распределять язык по отвлеченным законам логики», ибо в языке находится не все логические понятия, какие есть в языке, непременно логические. По мнению Аксакова, отождествлять логические категории с грамматическими столь же неправильно, как выделять логику от грамматики.

Аксаков признает необходимость изучения человеческого языка в историческом развитии. Этим занимается наука «словопроизведения», которая рассматривает развитие слова во времени. Однако самым важным он считает изучение языка, слова в его современном, или, иначе говоря, синхронном, состоянии. Такое изучение языка позволит лучше понять те связи и отношения, которые составляют систему языка, или, как говорит Аксаков, «весь состав грамматики». Этот новый подход к целям и задачам изучения языка, развивавшийся от господствовавшего в то время исторического его изучения, привел Аксакова к пересмотру структуры грамматики во время.

Граматику Аксаков делит на три части: имя — предмет, глагол — действие, речь — жизнь. Противопоставляя имя глаголу, он хочет не только подчеркнуть центральное положение имени существительного во всем его разномыслии, но и показать выражающуюся в нем динамичность языка, которая заключается в «изображении вещей», в отличие от «изображения понятий», свойственного имени. Первые две части грамматики Аксаков предлагает назвать объективной грамматикой, или аналитикой. Аналитика синтезирует законы закономерности исторического развития слова и его функционирования в современном состоянии. Аналитическая грамматика делится на две части: в первой части рассматриваются имя и определительные его прилагательное и предлог, а во второй части — глагол и определяющие его наречие и союз. Эти части речи Аксаков считал основными в русском языке.

Вражде объективной грамматики («аналитики») Аксаков выделяет грамматику субъективную, или синтаксис. Синтаксис изучает функции, функции форм, жизнь слова в речи. Если аналитика исследует образование форм в слове, то «в области синтаксиса язык

не создаст новых форм: здесь являлись он уже в готовых формах и только приводит их в движение, пользуется всеми формами, флексиями, имен, во внешности выражающихся, — тем делом, которое совершил язык еще в области творения и каменности форм, в области имени и глагола».

Из этих рассуждений о соотношении аналитики (морфологии) и синтаксиса видно, какое большое значение Ахсакин придает форме слова. Для него значение слова не представляется важным, оно может быть каким угодно. (Ахсаков и Волхонского критикует за то, что он пытался части речи на логической основе.) «...Дело не в форме (именно в окончательной), — утверждает Ахсаков, — которая прилагается этому сравнению и указывает ему место в языке». Отнесенная к той или иной части речи, определяется не значением этого слова, а его формой. Проводя аналогию с движением природы, Ахсаков замечает, что подобно тому как в природе черта окружу, чередованием, идея, внутреннее, определяется, становится в порядок явлений, так и в языке значение слова, выражаемое и корню, входит в систему языковых категорий только через форму. Поэтому основная задача грамматики заключается в получении форм слова. Вспомогательными при этом являются формы скращения и сокращения.

Ахсаков до такой степени преувеличивает значение грамматической формы в слове, что передает необходимость изучения в грамматике таких слов, форма в которых не выражена (кофе, ладано и т. п.). Видимо, система словоупотребления, характерная для русского языка, привела Ахсакова к мысли, что и корень слова не может существовать сам по себе, если он не имеет окончательной формы. Любая новая форма, присоединяясь к корню слова, всегда придает ему новое значение. Этих утверждений Ахсаков открывает путь к становлению грамматической омонимии, позднее рождаемой в работах А. А. Потебня и других языковедов.

Обыкновенные «архитектуры языка», «духа его жизни» с помощью форм слова — при весьма больших преувеличениях ее роли — отличает грамматическую концепцию Ахсакова от всех предшествующих грамматических учений и дает основание назвать его основоположником формальной или формальной и русской лингвистики. Понятие формы слова Ахсакин привнес в основу своей классификации частей речи в русском языке. В «Критическом разборе «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Букачина» он формулирует эти принципы следующим образом:

«...в языке для нас видно то, что в языке не имеет понятия форма, форму, а значит и то. На основании этого языка, одной речи довелось бы сказать и одну часть речи. Поэтому, при субъективизме и языке прежде всего делит речь на две половины, как речь различается в смысле форм и в смысле слова. Нам привнесены также обозначения в языке первая часть формы (начало слова) и вторая часть. Показано, что первая часть, независимо, но зато представляется и составляющая часть и выделенный отдел в языке. Слова: эти формы, первая часть, вторая часть, не выражающие значения и не имеющие различия (классики). Ф. Букачина уже отметил такое значение, но показанные в отдельных словах (с. 2). Нам необходимо обратиться к этим формам (классикам)».

«...два, три, четыре... эти формы, еще не имеющие значения и т. д. Мысль первая (с. 2) делится в виде в состав предложения. Это выражение обр. ем с именными (с. 2). Первое же слово первой части речи: это понятие, выделенное, которое может быть выражено двумя предложениями. Так, как думает, что значение, которое имеет речь не может быть этого значения (с. 2) и может в состав предложения, первой речи и должна расширяться в виде вместе (или вместе и в виде предложения); однако, не имея даже грамматической принадлежности форм (с. 2) выражая лишь отношение между речью, должно быть отнесено к синтаксису и тем образом выражено (как выражено и предложением)».

Полемизируя с Букачиным, Ахсакин считает возможным, шутким и незначительным деление частей речи на именные, глагольные и служебные, поскольку это якобы не соответствует фактам языка. Ахсакову кажется вполне возможным существование предложки без служебных слов (*Дереву сосна любил кому человеку и т. п.*). Слова соединятся в предложки и показывают исполнение друг к другу не только и не столько с помощью служебных слов — «вошла в жизнь самого слова, но флексии и вообще в словоупотреблении». Ошибка Ахсакова в том, что он фактически свел в один ряд формы словоупотребления и подчинительные слова, игнорируя синтаксические функции и семантическую структуру служебных слов.

Примерно через двадцать лет после выхода в свет книги Ахсакина выходящая русская лингвистика М. Ф. Фортунатов поднимает и ставит классификацию частей речи в русском языке с точки зрения формальных признаков, выдвинул принцип не только формы слова, но и формы словосочетания и предложения. Фортунатовское определение формы слова тоже опирается на реально существующие в языке отношения. Ни для Фортунатова форма слова предполагала понятие системности, поскольку он выводил ее из сопоставления данной формы с соответствующим рядом других слов, имеющих аналогичную форму.

Ахсаков, как отмечал акад. В. В. Виноградов, был далек от того, чтобы понимать грамматический строй языка как систему грамматических форм, и грамматические формы он рассматривал не в плане системности, а в их отдельных проявлениях как явлений языка. Фортунатовское понимание грамматической формы слова как микро-системы грамматической структуры языка привнесло более плодотворным для дальнейшего развития грамматической теории, чем ахсаковское, не учитывающее взаимосвязанности элементов языка. Кроме того, для Ахсакина форма в слове обязательно должна быть выражена; если ее нет, то нет и грамматической категории. Фортунатов же имел понятие нулевой формы слова, не выраженной никакими формальными принадлежностями.

В оставшемся незаключенным «Опыте русской грамматики» нет раздела синтаксиса. Однако, критически разбирая «Опыт исторической грамматики русского языка» Букачина, Ахсаков выдвигает ряд интересных мыслей и гипотез. Ахсаков придавал большое значение изучению порядка слов, и к этому классификация привнесла сущности речи, сущности языка. Из особенностей порядка слов в русском предложении он заключает, что сущность «духа» русского языка есть «полная, совершенная» свобода. При этом он

принципу выделения формальной принадлежности и структуре слова. На этой основе он пишет о существительной форме глагола (инфинитив), что позволяет рассматривать глагол в связи с другими частями речи, о преемственной форме и о личной форме.

На новом принципе определения форм глагола Некрасов строит теорию общего, «или собственного, или омонимического значения» формы. Он считает, что без обозначения лица, хотя бы самого общего, неопределенного, глагол не может быть глаголом. Таким общим обозначением лица служит в русском языке форма на -и (идти). Если выражение лица является основной формой глагола, то вполне естественно, что Некрасов отрицает существование в русском языке безличных глаголов. Говоря о существительной форме глагола, он еще раз подчеркивает необходимость выделения общего значения формы: «Нам нет дела до тех значений, которые эта [существительная форма. — Ф. Б.] может принимать в живой речи: мы смотрим лишь на общее значение формы и не думаем пускаться в те частности употребления, которых нет возможности уловить науке». Предпосылкой для выделения личностных, или существительных, значений форм глагола для Некрасова является положение о том, что «русский язык осмыслил действие не как отвлеченное движение во времени, а как реальную проявляемость свойства предмета. Действие, выражаемое русским глаголом, имеет, так сказать, плоть и кровь и потому остается равнодушным к развитию таких форм, которыми выражается отвлеченное условие времени. Висюте их он развил формы элементарней [идти. — Ф. Б.], в которых выражается существование его свойства — и продолжительность».

Вывод Некрасова об общем значении форм глагола — результат абстракции, не соответствующий грамматической системе русского языка. Это положение игнорирует реальное многообразие грамматических значений не только глагола, но и других частей речи. Кроме того, общее значение в речевом контексте претерпевает определенное изменение и предстает в виде одного из своих конкретных значений. Поэтому против понятия общего значения речи выступил Потебня: «...Общее значение слов», — говорил он, — как формальное, так и действительное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может. Языкомыслие не нуждается в этих «общих» значениях»¹. Потебня признавал многозначность грамматических форм и слов.

Касаясь вопроса о грамматической форме слова, Некрасов различал этимологические и синтаксические формы. Под этимологическими формами он подразумевал такие, которыми определяется грамматическое значение слова, взятого отделкой, со всеми его плазматическими; под синтаксическими он имел в виду те формы, которыми определяется грамматическое значение слова в связи с другими словами в речи. Иными словами, этимологические формы определяют морфологическую структуру слова, а синтаксические

формы представляют собой сложные, опосредованные формы, состоящие из двух и более слов (типа «ходил бы, буду шутить»). Некрасов отмечал большое различие в употреблении этимологических форм во флексивных и аугментативных языках.

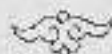
Вслед за Аксаковым Некрасов основной проблемой грамматики считал проблему формы как объекта лингвистического исследования. Однако он указывал, что нельзя строить грамматику конкретного языка вне системы тех грамматических категорий и форм, которые свойственны и другим родственным языкам.

Таким образом, в работах Аксакова и Некрасова была доказана необходимость конкретного преобразования теоретической базы русских грамматических учений. На передний план все более выдвигается проблема общего языкознания.

¹ Потебня А. А. На записках по русской грамматике, т. 1-2, с. 43.

Основные проблемы общего языкознания в конце XIX века

Начиная с 70-х годов XIX в. наряду с продолжающимся бурным развитием сравнительно-исторических исследований происходит постепенное превращение лингвистики в науку, изучающую структуру и основные характеристики языка. Становление в России общего языкознания как самостоятельной науки происходило на фоне острой идейно-политической борьбы, развернувшейся в период перехода от феодально-крепостнических отношений к капитализму. В. И. Ленин следующим образом характеризовал тогдашнюю политическую атмосферу в России: «Оживление демократического движения в Европе, польские брожения, недовольства в Финляндии, требования политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умеренно и подпольно-урными статьями воспитывать настоящих революционеров, призывание прокламаций, возбуждение крестьян, (...) студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы принять революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — неизбежно весьма серьезное»¹. В эти годы, как никогда прежде, четко определяются философские направления. В работах представителей революционно-демократического направления на первое место выдвигается вопрос о материальном единстве мира и человека. В сфере идейных столкновений развиваются психология и физиология, этика и социология, история и языкознание.

В 1860 г. появляется «Антропологический принцип в философии» П. Г. Чернышевского, работа, оказавшая огромное влияние на формирование материалистического мировоззрения передовой части русского общества. В этот же период печатается работа И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1863), в которой обосновывается связь психических процессов с физиологическими отправлениями человеческого организма.

Материалистические положения дидарксовской философии отражены в ее решении психофизической проблем. В психологических

исследованиях утверждается принцип единства индивидуального и национального сознания. В связи с этим встает вопрос о ведущей роли языка в формировании индивидуального сознания. Во второй половине XIX в. идеологией была тем идейным плацдармом, на котором непосредственно соприкасались философия с естествознанием, эволюционная теория с историей и филологией. В успешном развитии русской психологии большую роль сыграло и русское языкознание. Русские революционеры-демократы впервые поставили вопрос о целях и задачах научной психологии, основные категории которой — причинность и закономерность в психической деятельности человека — стали основой для собственно диалектического обоснования теоретических концепций русских лингвистов.

Прогрессивные тенденции русской философии отразились на филологическом осмыслении выдающихся русских языковедов конца XIX в. сущности и задач языкознания, постановке ряда лингвистических проблем и предопределили в ряде случаев материалистические их решение. Величайшая роль в постановке таких общетеоретических проблем, как взаимоотношение языка и мышления, соотношения формы и содержания в языке, знаковый характер языка, система языка, диалектика откопского индивидуального и социального в языке, принадлежит Александру Афанасьевичу Потебня (1835—1891).

Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, Потебня в 1850—1856 гг. учился в Харьковском университете сначала на юридическом, а потом на историко-филологическом факультете. В 1862 г. опубликовал его первый большой труд «Мысль и язык». В этом же году он был командирован за границу. В Берлинском университете Потебня изучал санскрит, слушал лекции в Праге, Вене. В 1863—1891 гг. Потебня — доцент, ординарный профессор, заведующий кафедрой русской словесности Харьковского университета. Его лекции слушали известные впоследствии ученые-языковеды Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Б. М. Алауков и др. За научные труды Академия наук присуждает ему ряд премий, награждает золотыми медалями. В 1877 г. Потебня избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Из работ Потебни наиболее известны «Из записок по русской грамматике» (т. 1-2, 1874; т. 3, 1899; т. 4, 1941), издавшие его учениками книги «Из лекций по теории словесности. Басни. Пословица. Поговорка» (1894), «Из записок по теории словесности» (1909), «Основы поэтики» (1910) и «Психология поэтического и прозаического мышления» (1910).

В общелингвистических работах Потебни, особенно в его лекционных курсах, ощущается сильное влияние материалистических идей русских революционеров-демократов. Так, Чернышевский отстаивал идею единства человеческой природы, указывая, что этому единству не противостоит различие между языками материального (филологического) и психологического порядка. Он пытался доказать единство природы и человека, раскрыть некоторые стороны взаимосвязи между ними. Эта идея единства человека и природы находит сочувственную поддержку Потебни: «...случаек природы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 29—30.

(внешней) противоположно человеку (хотя, конечно, отделив от него), равно как и материя природу не противоположно истории человека»¹.

Н. А. Добролюбов, так же отвергая дуализм, убедительно доказывал полную дисконформность лишь материалистического решения основного вопроса философии. Многие философы-идеалисты, писал он, «неприменно хотят дуализма, хотят делить мир на материю и идею, уверяя, что только чистые идеи имеют настоящую действительность, а все остальное, т. е. видимое, составляет только отражение этих высших идей. Пора бы уже бросить такие платонические мечтания и понять, что хлеб не есть пустой знак, отражение мысли, отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлеб — объект, который можно есть»². Этот материалистический подход к пониманию объективной действительности четко прослеживается в лекционных курсах Потебни. «Весьма распространено, — писал он, — противопоставление человека природе внешней. Уничтожить совсем это сопоставление невозможно, но ослабить противоположность между сопоставляемыми предметами необходимо. То же самое нужно сказать и о противопоставлении образовательной силы человеческого духа и образовательной силы природы, мира идеального и реального»³. Потебни считал, что дуалистический подход к объективной действительности так или иначе связан с религиозным мировоззрением: «О противоположности человека природе можно было говорить разве только тогда, когда, например, так или иначе действовали на мысль теории религиозные и иные — теории дуализма (бога и тваря, духа и материи) и проч.»⁴. Понимая вид познания отображением объективной действительности, Потебни материалистически решает основной вопрос философии. Интересно сопоставить следующие высказывания А. И. Герцена и Потебни. Герцен был глубоко убежден, что природа, являясь первичной, существует вечно и не может быть уничтожена: «...ничего существующего нельзя уничтожить, а можно только изменить. (...) Все, что делается в природе, так же перемена вечная, готового материала»⁵. Потебни, критикуя идеалистические учения, отождествляющие мир из чистого разума, божественного промысла, почти дословно цитирует Герцена: «Мы не можем себе представить создания из ничего. Все то, что человек делает, есть преобразование существующего»⁶.

В философских взглядах Потебни заслуживает внимания его тезис о единстве теории и практики. В этом вопросе Потебни также продолжает традицию русских революционно-демократов. Чернышевский писал: «мысль о том, что практика — главная область деятельности человека и самонаблюдений не только в практических делах,

но также и делая чувства и мысли»¹. Критерий истины, считал Чернышевский, нужно искать в практике. Теория без практики становится мертвой для мысли. Аналогичное положение встречается и у Потебни: «Практика и теория (в широком смысле слова...) — стороны, различимые только мыслью, а в действительности тесно связанные. Первая (практика) сама по себе была бы недостаточна для продолжения деятельности, ибо не давала бы возможности изменить ее при изменившихся условиях. Исключительная практичность, если бы была возможна, была бы смертью человечества. Например, в чему было бы приучение вояки, приготовление клея и заплата сапога, если бы человек не знал и не сообщал другим, что, когда и как с ними делать? То же и на счет исключительной теоретичности»².

На тезисах о единстве теории и практики вытекает широкое соотношение объективной и субъективной истины. Призывая объективность существования внешнего мира, Потебни подлагает, что все существует для нас настолько и в таком виде, насколько и как оно воспринимается нами»³. Считая объектом познания то, что существует и доступно нашим органам чувств, он утверждает, что «истина существует не в воздухе, а для известного круга»⁴, повторяя метафизическую теорию Канта о субъективности наших знаний. Кантовская идея о независимости мысли и действительности встречается и у Потебни: «Мысль, все равно художественная или научная, не может быть тождественна с действительностью, как спирт и сахар с зерном, картошкой и стекловидей»⁵.

Другие истинными философскими взглядами Потебни являются идеи немалого немецкого лингвиста В. Гумбольдта. Потебни придает положениям Гумбольдта иное диалектическое толкование, вкладывает в них другое содержание. Он считал, что различает понимание Гумбольдта не как решения вопроса, а лишь как указания на те препятствия, без устранения которых невозможно решение. Утверждение Гумбольдтом тождества языка и духа природы Потебни считает следствием каких-либо недоразумений. Он соглашается с тем, что дух без языка невозможен, но придает духу иное толкование: «Привычки... дух в смысле созвательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы считаем, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка и язык в нем есть первое по времени событие»⁶.

Потебни поддерживает положение Гумбольдта о языке как вечно изменяющейся деятельности: именно это позволило ему понять сущность языка как беспрерывного переживания и усовершенствования языковых форм. Понятие развития языка рассматривается Потебней как институциональный процесс, как переход от низших форм к высшим.

¹ Потебни А. А. Психология поэтического и драматического мышления. — В кн.: Вопросы теории и методики творчества. Сиб., 1938, к. 2, кн. 2, с. 106.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т. М., 1950, т. 1, с. 279.

³ Потебни А. А. Психология поэтического и драматического мышления, с. 105.

⁴ Там же, с. 106.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 13, с. 55—56.

⁶ Потебни А. А. Из жизни и творчества Потебни. Харьков, 1994, с. 131.

¹ Чернышевский Н. И. Письма, собр. соч. т. 2, с. 302—303.

² Потебни А. А. Из жизни и творчества Потебни. Харьков, 1994, с. 1.

³ Там же, с. 63.

⁴ Потебни А. А. Из жизни и творчества Потебни, с. 30.

⁵ Потебни А. А. Из жизни и творчества Потебни, с. 65.

⁶ Потебни А. А. Мысль и язык, с. 37.

Язык находится в постоянном развитии, и ничто в нем не следует рассматривать как нечто неподвижное. Развитие языка предполагает постоянное появление в нем новых языковых форм. Процесс развития языка, как и процесс познания, Потебня рассматривает как категориальный.

Другие положения Гумбольдта так же получило своеобразное отражение и творчестве Потебни. Речь идет о знаменитом тезисе Гумбольдта «всякое понимание есть непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе несогласие». Потебня разужся под «непониманием» не только обязательные отклоненные мысли, идущей от общинного, а «непонимание по-своему» как то новое, что творчески привносит создающей. Схожее понимание у говорящего и слушающего Потебня считает невозможным потому, что разный возраст, социальное устройство, различный жизненный опыт людей обуславливают индивидуальное восприятие предметов действительности. Возбуждениям языке — лишь повод для познания своего. Потебня особо подчеркивает это положение: «Люди... понимают друг друга не таким образом, что действительность порождает один другому знаки предметов (...) и не тем, что взаимно застаивают себя проводить одно и то же понятие, а тем, что затрагивают друг и друга то же зово речи чувственных представлений и понятий (...), вследствие чего в каждом возникает соответствующее, но не то же понятие»¹. Например, вещь, обозначаемая словом стая, содержит в себе несколько признаков. Эти признаки являются совокупностью тех впечатлений, которые человек получал от столов, виденных раньше. К этим впечатлениям присоединяются также воспоминания, так как значение слова составляет и их них. И объединяющая эти индивидуальные. Все это вызывает известное «непонимание» передаваемой мысли, ибо «говорить, значит, не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли»².

Важные учения Гумбольдта сильнее всего проявилось в психологическом подходе Потебни к анализу языковых явлений. Именно стремлением исследовать факты языка в плане тех психических процессов, которые происходят в сознании говорящего индивида, объясняется решительное выступление Потебни против положений логической грамматики. Подчинение грамматики логике, считает Потебня, ведет к смешению и отождествлению различных явлений языка. Грамматические категории различаются по языкам. Эти различия не могут быть поняты логической грамматикой, потому что «логические категории, связываемые с языком, народным различно не имеют», Потебня приходит к следующему выводу: «языковедение, и в частности грамматика, изучать не ближе и ближе, чем кака-либо из прочих наук». Поэтому в «грамматические предложения вовсе не тождественно и не параллельно логическим суждениям»³.

С именем Потебни в истории русского языковедения связывается ставившее психологическое языковедение. С точки зре-

¹ Потебня А. А. Мысль и язык, с. 110.

² Потебня А. А. Из лекций по теории словосложения, с. 133.

³ Потебня А. А. Из лекций по русской грамматике, т. 1, с. 66—70.

ния психологии он стремился выявить общие законы происхождения и развития человеческого языка, соотношения языка и мышления и др. Для Потебни вопрос о происхождении языка является вопросом об основных душевных жизни, предшествующих языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, т. е. вопросом о психологическом⁴.

Структуру взаимоотношений языка и мышления Потебня определяет через активность субъективного и объективного. Прежде всего существуют объекты мышления — предметы объективной действительности (жизнь, находящаяся передо мной, другая вещь, кроме меня самого, называется объектом, иначе предметом⁵); объекты мышления различают и себя не только предметы объективного мира, но и взаимоотношения между ними, существующие независимо от субъекта и выходящие с ним во взаимодействие. Предметы действительности в отношении между ними важны не только чувств и являются причиной возникновения процесса мышления, а также образов и понятий как продуктов этого мышления. Наряду с объектами мышления Потебня выделяет и субъекты мышления («я сам»), конкретных людей, взаимодействующих не только продуктами природы, но и человека человека. На первоначальном этапе развития человечества объекты и субъекты мышления совпадали. И лишь позднее «человек периода мира» начинает отделять себя от окружающей мира, объективировать через мышление окружающий его мир.

Процесс мышления в толковании Потебни выступает как процесс деятельности субъекта на внешний объект познания, результатом чего является образ познаваемых предметов и понятий о них. «Чувственный образ, — пишет Потебня, — исходная форма мысли, вместе и субъективной, потому что есть результат или посланциально принадлежательной деятельности и в каждой душе складается понятие, и объективной, потому что при всяком, а не других жизненных возбужденных процессуруется душой»⁶. Сочетание в чувственном образе субъективного и объективного моментов делает возможным процесс понимания: «Речь выразившая с пониманием, и говорящий, чувствуя, что слово принадлежит ему, в то же время предполагает, что слово и представляется не составляет исключительной, личной его принадлежности, потому что понятие говорящему принадлежит, следовательно, в этом последнему»⁷.

По мнению Потебни, мысли говорящего и понимающего «сходятся между собой» в слове. Благодаря словесной оболочке мысли перестают быть исключительной принадлежностью одного лица и становятся достоянием многих лиц. Слово выступает в функции посредника между людьми и устанавливает между ними разумную связь. Слово единственно выражает образ или понятие, поскольку по содержанию сама мысль выступает в виде образа или понятия. Потебня полагает, что в фактировании понятия слово выступает не как непосредственный

⁴ Потебня А. А. Мысль и язык, с. 35.

⁵ Потебня А. А. Из лекций по теории словосложения, с. 133.

⁶ Потебня А. А. Мысль и язык, с. 142.

⁷ Там же.

участник его образования, а не средство, орудие мысли. Слово participates рождению понятия и завершает процесс его образования.

В решении вопроса о соотношении слова и понятия Потебня последователен. С одной стороны, он считает, что слово по своему содержанию отличается от понятия и не может быть его выражением хотя бы потому, что в акте развития мысли предшествует понятию. С другой стороны, слово есть акт мысли, завершающий процесс образования понятия. Но в конечном итоге Потебня утверждает тесную взаимосвязь слова и понятия, пролагая, что в процессе совершенствования умственной деятельности огромная роль отводится слову, так как «в слове впервые человек сознает свою мысль»¹.

Поэтому жизнь слова, его структура, изменение его значений становятся объектом исследования Потебни. Он не согласен с определением слова как единицы звука и значения (в частности, в концепции Ф. И. Буслаева). Единство звука и значения, по мнению Потебни, «не более единства дугла и пшца, которые в нем сходятся»². Слово как творческий акт речи и мышления, утверждает Потебня, состоит не из двух элементов (звука и значения), а из трех: звука (или комплекса звуков), звука, или представления, и значения. Звук и слово не есть знак, а лишь оболочки, или форма, знака, т. е. знак знака. Знак в слове присутствует как заместитель соответствующего образа или понятия, их представитель, а потому и называется представляемым. Третий элемент слова — значение — не заключает в себе всего содержания, связанного с соответствующим предметом как понятием. Своим пониманием единства трех элементов слова Потебня иллюстрирует следующим примером. Показывая ребенку круглый матовый калык лампы, у него спрашивают: «Что это такое?» Когда он отвечает арбуз, то подразумевают, что, что он видит, сходно с арбузом. Таким образом, все три структурные элемента — комплекс звуков, знак, или представление (признак шарообразности, подобия арбузу и абжуре), и предметное значение (абжур) — в слове *арбуз* оказываются налицо³.

Эта концепция значения слова имеет индивидуально-психологическую окраску, поскольку все явления языка Потебня в большинстве случаев стремится изучать через индивидуальную психику. Он подчеркивает, что слово в речи всегда соответствует одному акту мысли, т. е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения. Поэтому малейшее изменение в значении слова делает его другим словом. Поскольку любое слово в речи как индивидуально психологическом акте творчества соответствует одному акту мысли, то Потебня отвергает множественность слова и утверждает существование «одноточности различных слов», т. е. омонимию. По словам акад. В. В. Виноградова, «психологическое и, следовательно, генетическое понимание творческого языкового процесса побуждало Потебню истолковать разные значения одного слова как последова-

тельный ряд возникающих друг на друга и сменяющихся один на другой мыслительных-речевых актов, создающих разные слова»⁴.

Индивидуальный человеческий опыт, различные восприятия словной окружающей их мира накладывают свой отпечаток и на значение слова. Потебня считает, что в слове есть два содержания — субъективное и объективное. Слово выражает не всю мысль, которую принимаем за ее содержание, а только один ее признак. Образ стола, например, может иметь много признаков (круглый, прямоугольный, квадратный, шахматный и т. д.), но слово *стол* означает только «выставленное», и все подчеркивает его в этом значении, которое, заключая в себе один признак, и является объективным содержанием, или, как Потебня иначе называл его, ближайшим этимологическим значением слова. Другое содержание, в котором может быть множество признаков (сер. лиси — животное, лиси — «хитрый человек») он называет субъективным. Ближайшее значение слова Потебня считает народным, а дальнейшее значение, у каждого человека различное по качеству и количеству элементов, — личным. Если исключить субъективное значение, то в каждом слове останется только звук, т. е. внешняя форма, и этимологическое значение, которое представляет собой в утратившую форму.

Понятие внутренней формы слова занимает в концепции Потебни очень важное место, хотя единого понимания этого явления у него нет. С одной стороны, внутренняя форма обозначает ближайшее значение слова. Затем внутренняя форма рассматривается как «отношение содержания мысли к сознанию; она показывается, как представляется человеку его собственная мысль»⁵. Потебня рассматривает внутреннюю форму как один из признаков образа, преобладающий над всеми остальными. Например, внутренней формой слова *подснежник* будет зафиксированный в названии основной признак этого растения — появление его из-под снега ранней весной. И наконец, подчеркивает Потебня, внутреннюю форму следует рассматривать не как образ предмета, а как «образ образа», т. е. представление.

Действительная жизнь слова происходит и совершается только в речи. Слово, функционируя в предложении, проявляет свои свойства только в окружении других слов, в отношении к ним. Вырванное из связи слово мертво, не обнаруживает ни лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет. Слово или слитно с другими словами, по Потебне, пустой звук.

Впервые в истории русского языкознания Потебня выделяет принцип системности не только в лексике, но и в грамматике. Он говорит, что язык — это система, всякое явление его издается в связи с другими. Задача языковедения и состоит в улавлении этой связи, которая очевидна лишь в единичных случаях. Потебня отмечает, что в словаре любого языка много слов, а лексика любой речи ограничена. Это возможно потому, что в языке как системе есть определенные порядки и определенные законы.

¹ Потебня А. А. Мысль и язык, с. 134.

² Потебня А. А. Из лекций по русской грамматике, т. 1-2, с. 13.

³ См. там же, с. 17.

⁴ Виноградов В. В. А. А. Потебня. — В его кн.: История русского лингвистического учения. М., 1976, с. 97.

⁵ Потебня А. А. Мысль и язык, с. 83.

тезапти. С точки зрения Сеченова, пассивна не отражается чужими органами зрения, но движется с чувственным восприятием и предельному мышлению. Мысль не может возникнуть сама собой; она определяется механизмом, с помощью которого можно было бы объяснить появление мысли. Такими же Сеченову являются автоматизм и механизм. Сознание объясняется не активностью внутренних воздействий и актуально-рефлекторными сплюсками субстрата. Внешний раздражитель, действуя на рецептор, вызывает ощущение, которое соединяется с другими ощущениями, входя в составной частью в ряд ассоциаций. Ассоциация трактуется Сеченовым не как простая психологическая функция, а как производная от непрерывных статистических изменений во время. Сеченов называл ощущения не образами, а чувственными движениями вещей.

Фортуатов также считал, что все наши представления являются воспроизведенным ощущением — зрительным, слуховым, мускульным. Процесс мышления он рассматривал как чувство соотношения между представляемым как частями одной мысли, а представления — как воспроизведенные ощущения, вызванные внешними причинами. Это воспроизведение (след ощущений) впоследствии может образовываться по действию закона психической ассоциации. Хотя Фортуатов и утверждал, что одинаковость действительности обеспечивает процесс понимания, однако он признавал индивидуальский характер наших ощущений и представлений. Разбирая в качестве примера слово берега, он указывает, что предмет мысли, обозначаемый данным словом, есть конкретная, «индивидуальная» берега и все ее свойства, как и являются у нее общими с другими берегами. Считая представление духовным явлением, обусловленным влиянием психических представлений на функционирование языка, Фортуатов не мог подойти к пониманию обобщенного и абстрактного характера мысленных понятий.

Связь представлений Фортуатов называет суждением. Он выделяет два вида отношений, в которых вступают между собой представления, — объединение и отделение. Объединение двух представлений называется положительным (утвердительным) суждением, а их отделение — отрицательным суждением. Суждение, как и представление, категория психологическая. В психологическом суждении Фортуатов выделяет два элемента: психологическое подлежащее и психологическое сказуемое (предикат). Согласно законам ассоциативной психологии, каждая предыдущая стадия восприятия есть субъект для последующей, являющейся предикатом, т. е. определяющей предшествующей. Таким образом, уже в восприятии различается типичная черта суждения — предшествование субъекта предикату и равенство субъекта посредством предиката. Из этого следует, что субъект психологического суждения — то представление (или комплекс представлений), которое является в сознании говорящего или слушающего первым, а предикат — то, что слушающий или говорящий должен мыслить об этом представлении.

Фортуатов отмечает, что суждения можно назвать предложениями, ибо они тесно связаны с мыслями. В реальном процессе мышления человек не отделяет суждения от предложения, мыслит суждениями-предложениями, которые и являются предложениями и речью. Конечно, здесь имеется в виду не отождествление суждений

и предложениями (это было характерно для логической грамматики), а осмысление грамматических категорий в психологическом плане.

Психология у Фортуатова существует как способ психологического исследования языка, разъяснения лингвистической теории. Рассматривая грамматические категории с помощью психологических, Фортуатов проводил между ними строгое различие, высвоявая определенные отношения¹. (Фортуатовское учение о психологическом подлинном и сказуемом в несколько разном плане было позднее развито Шахматовым.)

С точки зрения соотношения грамматических и психологических категорий Фортуатов по-своему проводит различие между языком и речью. Язык имеет дело с процессом мышления как способом выявления соотношения между представлениями. К нему относятся предложения в мысли (психологические суждения), которые выражаются затем в грамматических предложениях. Речь же выступает как выражение мысли, как обнаружение в звуках речи представлений слов и оформляется речевыми (психологическими) предложениями. Кроме того, речь может выражать чувства говорящего, поэтому в ней могут быть слова, которые не входят в предложения.

Язык состоит из слов. Внешняя сущность слова, Фортуатов не дает, как Потебня, глубокого и всестороннего анализа слова с точки зрения его соотносительности с мыслительными категориями. Слово рассматривается Фортуатовым как такая единица языка, которую необходимо отличать от слоговочетаний и от составных частей слова, т. е. морфем. В основу определения слова кладется только тематический признак. Но Фортуатову, «всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово; например, в русском языке звук речи представляется собою отдельное слово, так как этот звук в извест у нас известное значение (слово и) отдельно от других звуков, являющихся словами». Любое слово состоит из нескольких звуков речи. Однако Фортуатов считает словом такой комплекс звуков, который имеет отдельное значение и не разлагается на несколько самостоятельных слов без утраты или изменения значения. Например, в русском языке такие звуковые комплексы, как *книга* или *неправда*, представляют собой слова, так как отвечают этому требованию; если же разложить слово *неправда* на *не* и *правда*, данное значение слова будет потеряно. По концепции Фортуатова, для существования слова необходимо наличие самостоятельного значения и звукового выражения (например, *неправда* и *дом* — разные слова). Фортуатов признает синонимия.

Потебня склонен был видеть в соединении мысли со звуком влияние социального общения, ибо ассоциация восприятия предмета и звука происходит не в уединении, а в обществе. Язык, подчеркивал Потебня, создается только социальными усилиями людей, и общество предшествует началу языка. Более глубокая интерпретация социального

¹ «Грамматика существует у Фортуатова не в слове, но в характере ее психологическом» (Виноградов В. В. Нужна ли грамматика в русской литературной языке. — В сборнике: История русских лингвистических учений, с. 319).

природы языка содержится у Фортунатова. Фортунатов стремился связать язык с тем обществом, которому он принадлежит и судьбу которого связывал с судьбой языка: «Язык принадлежит обществу, язык принадлежит людям как членом того или другого общества, как и членом других обществ как образуется и поддерживает связь между членами общества... Язык с течением времени изменяется, язык имеет историю, но эту историю язык имеет в обществе, т. е. язык членом общественного слова, и общественный союз с течением времени изменяется сам, имеет свою историю»¹.

Именно с этой точки зрения Фортунатов рассматривает проблему диалектов, сосуществующих в одном языке. Проблему общества и части соответствует дробление языка на отдельные наречия. Когда исчезает связь между раздвинувшимися частями общества, наречия одного и того же языка, продолжая развиваться, превращаются в самостоятельные языки. И наоборот: когда связи, соединявшие различные части общества, тесны, различные наречия постепенно объединяются. Фортунатов планирует, что развитие языка нельзя представить себе только как его дробление, дифференциацию. Оно представляет собой и интеграцию, объединение. Возможны сложные процессы диалекты могут и соединяться и слова распадаться. Это тесно связано с историей общества. Необходимо, указывает Фортунатов, принимать во внимание наречия, которые зависят от уровня общественного развития. Например, чем более первобытным является общество, тем более однородно оно по своему составу, и поэтому в языке такого общества наблюдаются только местные диалектные различия. На слабых связях между частями первобытного общества благоприятствуют быстрому преобразованию местных диалектов в самостоятельные языки. С развитием общества развиваются различия в его структуре, поэтому и в языке увеличивается различие в диалектах. С ростом общественных связей взаимные отношения между различными элементами общества расширяются. Особенно важную связь в объединении народов играет письменный язык.

Вопрос о связи языка и общества рассматривается Фортунатовым в единстве с учением о внешней и внутренней истории языка. Внешняя история языка определяется той тесной связью, которая существует между языком и обществом, а внутренняя история зависит от каждого отдельного индивида.

С тесной другой стороны проблему связи языка и общества разрабатывал в своей исследовательской практике Михаил Михайлович Покровский (1869—1942), занимавшийся как учеником в то время проблемами семантики. В таких своих работах, как «Семасиологические исследования в области древних языков» (1895), «О методах семасиологии» (1896), «Материалы для исторической грамматики датского языка» (1898) и др. на материалах древнерусского, латинского, немецкого, французского и русского языков Покровский ставит проблему для своего времени закономерностей семантических

¹ Фортунатов Ф. Ф. Семантическое языкознание. Ленин, пятитомно в 1895—1896 гг. М., 1896, с. 11.

изменений слов. Он выдвинул положение о социальной обусловленности изменения значений слов. Покровский полагает, что в языке, в профессии являются не только хранителями старины, но и представляют собой большую творческую силу, которая способствует широкому и многообразному развитию языка. Для социологические характеристики подтверждаются значением экспрессивных отглагольных слов (например, глаголы, обозначающих разные категории людей: портной настежился как наутрашник, слопаник настежился, мушкетер наманкофилец, барин наманкофилец, лажей наманкофилец, солдат устрофила). Но объяснения Покровским социальных причин, лежащих в основе изменения значений слов, носят абстрактный характер, не устанавливая закономерных связей между историей общества и историей языка. И положение о том, что первоначальную причину изменений значений слов следует искать в соответствующем изменении условий жизни и в реальном окружении, в котором находятся предметы и люди, носит зачастую декларативный характер.

Выше отмечалось, что петербургская концепция слова, исключавшая принцип многозначности, не позволяла говорить об истории значений одного и того же слова. Петербург считал, что предыдущее значение слова есть для нас значение не того слова, которое рассматриваем, а другого. Покровский же впервые предложил изучать историю значений не отдельных слов, а групп слов, принадлежащих к одной и той же сфере представлений, под которой он понимал сферы общественной жизни, производства и т. д. Изменение значений групп слов, обозначающих общие понятия, Покровский связывает с изменениями в культурной жизни народа, в хозяйстве, быте и т. д. Например, у многих древних народов единицей стоимости вместо металлических денег зачастую выступил скот. Поэтому области понятий «деньги» и «скот» совпадали, а слова, относящиеся к этим областям, были синонимичными (орд. ст.-сл. *skotnica* — «книга», лат. *resca* — «скот» и *rescipia* — «деньги», голл. *loof* — «деньги» и родственное *smuik*, *Uisk* — «скот»). Покровский выделяет группы слов, относящихся по значению к определенной сфере понятий — игра и зрелище, обеды и пиры, меры и веса и т. д. Так он развивает понятие системности в лексике.

Более подробно понятие языковой системы разрабатывался в 70—80-е годы в Казанском университете, где в течение сравнительно недолгого времени протекала творческая деятельность выдающегося лингвиста Ивана Александровича Бодуна де Куртене (1845—1929), создателя Казанской лингвистической школы.

Окончив историко-филологический факультет варшавской Главной школы (Варшавского университета), Бодун де Куртене был командирован за границу: он побывал в Праге, Мюнхене, Берлине. Осенью 1868 г. он вернулся в Россию и в том же году в Петербурге под руководством П. И. Срезневского начал работать над диссертацией «О древнеславянском языке до XIV столетия». После научной поездки по южнославянским землям Бодун де Куртене защищает докторскую диссертацию «Опыт фонетика славянских говоров» (1874, опублик. 1875) и начинает преподавательскую работу в Казанском универси-

тете (1874—1883). Позже он преподавал в Дерптском, Кравковском, Петербургском университетах.

Бодуэн де Куртене воспитал целую плеяду талантливых языковедов; у него учились Н. В. Крушевский и В. А. Богородицкий, А. П. Якубинский, А. В. Щерба, Е. Д. Поливанов и др. После провозглашения Польши самостоятельным государством (1918) Бодуэн де Куртене приглашают в Варшавский университет, где он и работал до конца своей жизни.

Круг научных интересов Бодуэна де Куртене был чрезвычайно широк. Его привлекали общелингвистические проблемы, вопросы смежных с языковедением наук, особенно психологии, диалектологические исследования, полонистика, итералингвистика. Его перу принадлежат свыше 600 книг и статей, написанных на русском, польском, немецком, французском, итальянском и других языках. Работы Бодуэна де Куртене, относящиеся к 70—80-м годам XIX в., были новаторскими не только для своего времени; его идеи предвосхищали многие положения структурного языковедения, становление которого относится к первой половине XX в. Характерная Бодуэна де Куртене, Шахматов писал: «Он был одним из пионеров языковедения как науки в России... Ему принадлежит приоритет и открытия, переведущие ход развития науки о языке, и его имя в иностранных учебниках утвердилось как имя одного из основателей русской школы лингвистов¹. Чем же заслужил Бодуэн де Куртене такую характеристику?»

В философской концепции Бодуэна де Куртене, как и у Потебни, следует отметить его стремление к диалектическому мировоззрению, утверждению материального единства мира. Он отрицал дуализм как философское направление, замечая, что дуализм противоречит монистическому направлению развития естественных наук. Бодуэн де Куртене критиковал субъективный идеализм, утверждающий, будто действительность существует лишь постольку, поскольку мы о ней в данный момент думаем. Монистическое понимание языка как психосоциального явления, имеющего «коллективно-индивидуальное» или «собрательно-психическое» существование, предполагает неразделимость в языке индивидуального и общего; то, что предстает в индивидуе, является одновременно и общечеловеческим.

Сам Бодуэн де Куртене называл свою концепцию языка объективно-психологической, подчеркивая требование доказательств того, что действительно существует в языке путем определения «туфта языка» как категории действительной, положительной, т. е. с помощью анализа лексики. Советский языковед А. А. Леонтьев отмечал, что понимание Бодуэном де Куртене сущности психических процессов очень близко к теории Сеченова. Ассоциативный («соединенный представлений») Бодуэн де Куртене, как и Сеченов, понимал не как изолированные явления сознания, а как нечто вызванное внешними раздражителями. Сеченов утверждал, что психология есть объективная наука и ее методы принципиально не отличаются от методов естество-

знания. Бодуэн де Куртене также признает зависимость психических процессов от психологического субстрата, полагая, что без мозга нет психических явлений. Сеченову и Чернышевскому Бодуэн де Куртене, замечает Леонтьев, обман материалистическим детерминизмом своих взглядов². Но Бодуэн де Куртене, в отличие от Сеченова, не был до конца последовательным материалистом и в ряде вопросов склонен был делать серьезные уступки идеализму.

Бодуэн де Куртене отожествлял речь человеческую вообще как собрание всех языков от отдельных национальных языков, наречий и говоров и от индивидуального языка конкретного человека. Свои исследования он посвящает изучению реализации языковой системы в индивидуальной речи. Для него реально существуют отдельные носители языка, индивидуальная психика, индивидуальной язык как совокупность пропозиционных и логических представлений, соединенных с другими лингвистическими и психологическими представлениями. Первоначально он определял национальный язык как «комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа». Однако позднее Бодуэн де Куртене стал говорить, что национальный язык существует только в идеале, т. е. представляет собой научную фикцию. Этим и объясняется повышенный интерес Бодуэна де Куртене к индивидуальному языку. Но при этом он постоянно подчеркивает социальный характер индивидуального языка, указывая, что «индивид может развиваться в языковом отношении и вообще духовно только в обществе, т. е. в сношении с другими индивидами³. Социальные связи признаются необходимым условием существования языка».

Если Потебня социальный характер языка усматривал в одновременном происхождении языка и общества, а Фортунатов стремился увидеть происхождение отдельных языков, диалектов, наречий с социальной дифференциацией «общественных сложений», то Бодуэн де Куртене вносит новый момент в понимание этой проблемы — момент психический. Поскольку «психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц» и психическое развитие человека возможно только в общении с другими людьми, постольку и языковедение, в его интерпретации, выступает как наука психосоциально-социологическая. Основу языковедения Бодуэн де Куртене видит не только в индивидуальной психологии, но и в социологии. Он неоднократно подчеркивает «социальный аспект индивидов», обладающих речевой способностью и находящихся в определенном лингвистическую общность.

Вот такая установка на социальную природу языка мы находим в работах талантливого ученика Бодуэна де Куртене Николая Васильевича Крушевского (1851—1887), считавшего язык природным явлением, соединением физических (физиологически-акустических) и психических начал. Задача языковедения, по мнению Бодуэна де Куртене,

¹ См. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, с. 193.

² Цит. по кн.: Бодуэн де Куртене И. А. Избр. труды по общей лингвистике. М., 1963, т. 1—2.

³ Архив АН СССР, ф. 134, кн. 1, л. 429, х. 37.

заканчивается в изучении психического механизма функционирования речи индивидуума и человеческого общества. Крушевский же видел задачу лингвистики в раскрытии законов, по которым язык развивается с формальной и функциональной стороны, в изучении законов и условий намеренной различности явлений языка. Правда, Крушевский языковые законы отождествлял с законами природы, действующими без всяких исключений, что объяснялось его увлечением теориями представителей младограмматического направления (С. Пухляк, К. Брулиана, Г. Остхофа и др.), выдвигавших тезис о безысключительности действия звуковых законов.

В отличие от других русских языковедов Крушевский склонялся к тому, чтобы видеть социальную природу языка не во внешней его связи с обществом, а в самом функционировании языка в обществе. Он сформулировал основной закон языка как закон соответствия мира слов миру мыслей. Под миром слов Крушевский понимал все разнообразие — реальное и потенциальное — ресурсы языка. Мир мыслей, понятия включает в себя общие категории предмета, его признаки, действия, обнаруживаемые в результате взаимодействия человека на окружающую его действительность и отражаемые в результате этого взаимодействия в мышлении человека. Многообразие понятий распределяется по определенным системам. Им соответствуют определенные типы слов, выражающие «область называемого», изменение которой находит свое отражение в функционировании любого национального языка.

Вслед за Гумбольдтом Бодуэн де Куртене разрабатывает положение о языке как языковой деятельности, развертывающейся во времени и пространстве. Он также выделяет два аспекта языка — форму и деятельность, подчеркивая этим самым, что сущность языка — в реальной деятельности. Так являет важной для языковедения проблема взаимоотношения языка и речи. Язык и речь, по Бодуэну де Куртене, представляют взаимодействующее единство, обуславливая реальность друг друга. Индивидуальный язык существует не как единое целое, а как видное понятие. Индивидуальная речь представляет собой конкретное проявление языка, в ней некоторые явления можно исследовать «в увеличенном виде или гораздо более непосредственно, чем это имеет место при исследовании такой абстракции, как язык племенной или народный».

Проблема языка и речи подробно рассматривалась знаменитым французским языковедом, основоположником структурализма Ф. де Соссюром. В начале XX в. де Соссюр, признавая единство языка и речи, делает вывод, что «во дни виды совершенно различные». Де Соссюр полагал, что язык не есть функция говорящего субъекта, он «продукт, пассивно регистрируемый индивидуом». Бодуэн де Куртене отличает единство этих понятий, рассматривая индивидуальный язык как одну из функций человеческого организма. Он вводит еще понятие «среднего языка», понимаемого как функция некоего образцового индивида, как определенная абстракция.

К Бодуэну де Куртене восходит современное понимание языка как системы, в чем так или иначе утверждал большинство рус-

ских языковедов (Греч, Буславев, Ахсакин и др.). Впервые о языке как системе (с употреблением этого термина) говорил в конце 80-х годов Потейбин в своих лекционных курсах, рассматривая язык как систему, в которой существует определеннейший порядок и законы, все явления взаимосвязаны. Формулатон отмечал тесную взаимосвязь формы и словообразовательных категорий. Похровский обнаружил системные закономерности в лексике, проявляющиеся в том, что по значению слова разбиваются на определенные группы, объединяемые общностью выражаемых ими понятий.

Особенность бодуэновского понятия системы заключается в том, что она вводит в нее элемент противоположности отношений, которые помогают выяснять особенности одного явления языка по сравнению с другим. Так, в «Подробной программе лекций», составленной в 1876/77 учебном году в Казанском университете, Бодуэн де Куртене указывает, что «физиологически родственные звуки разных языков имеют различное значение, соотносясь со всем звуковым системой, особенно с отношениями к другим звукам». В более поздних работах он писал о звуковой системе болгарского языка, которая отличается от звуковой системы славянских языков. Понятие системности Бодуэн де Куртене рассматривает на разных уровнях языка, разграничивая в языке фонетическую, семантическую (внеязыковую) и морфологическую стороны. Он отмечает, что все элементы языкового мышления, как фонетические, так и морфологические и семасиологические, составляют определенные группы и ряды. Бодуэн де Куртене довольно четко раскрывает соотношение элементов языковой системы на разных уровнях: так, фонемы могут быть рассматриваемы лингвистически только в составе морфем, связанных как с семантическими (семасиологическими), так и с морфологическими категориями.

Система языка — категория историческая, причем в процессе развития языка в нем увеличивается системность, или, как говорит Бодуэн де Куртене, в языке «уменьшается область форм необъединенных, друг с другом не связанных, и это место занимает подведение под известные типы»¹.

Понимание Бодуэном де Куртене языка как системы гораздо плодотворное для современного языковедения, чем понятие системы, предложенное де Соссюром. Его известное положение [«язык есть система знаков, выражающих идеи», «язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку» (ср. эти определения с определением Потейбина), «в языке нет ничего, кроме различий», «в языке имеются только различия без положительных моментов»] делают упор только на различия в системе языка, в то время как Бодуэн де Куртене указывал на важность отношений между элементами языковой системы. (Плодотворность исследования отношений между элементами системы языка особенно проявилась в области фонологии в работах представителей Прагской школы структурализма, возникшей в конце 20-х годов XX в.)

¹ «Этимологический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 61, с. 543.

Бодуэновское понимание системы языка было развито Крушевским. В «Очерках по языковедению» (напечатаны В. А. Богородицким в 1891—1893 гг.), а также в книге «Очерк науки о языке» (1883) Крушевский обобщил свое понимание системы языка на фонетическом и морфологическом материалах. Он говорит, что каждая категория языка имеет отношения сходства и зависимости не с одной какой-нибудь категорией, а со многими. В языке как целом Крушевский выделяет три большие подсистемы, или уровня, и прежде всего фонетическую подсистему, характеризующуюся гармоническими сочетаниями звуков и их разнонаправленностью. В звуковой системе данного языка, отмечает Крушевский, всегда наблюдается определенная закономерность, независимо от того, будем ли мы рассматривать эту систему в плане существующей или в плане последовательности. На семантическом уровне (со стороны значения) слово тоже нельзя рассматривать как нечто исключающее: оно обозначает определенное понятие с различными оттенками. Системность на морфологическом уровне Крушевский усматривает в том, что каждая часть слова связана внешним (т. е. по своей структуре и отчасти и своим звукам) и внутренним (т. е. по своему значению) сходством слов.

С точки зрения связи морфологических элементов между собой, их упорядоченности Крушевский выделяет три типа подсистем на морфологическом уровне: 1) неупорядоченные (например, разное звуковое оформление корня слова: *у́р, моу́н, но́у* и *но́ли*); 2) находящиеся на пути к упорядоченности, где рядом с новыми формами употребляются старые, и 3) вполне упорядоченные системы, как, например, склонение в русском языке. Крушевский выделяет на морфологическом уровне подсистемы более низкого порядка, к которым он относит системы склонения и спряжения, изменение прилагательного по степени сравнения, различные словообразовательные системы. (Такое понимание системы может быть сопоставлено с системностью формо- и словообразовательных категорий у Фортунатова, который тоже рассматривал их как микросистемы грамматической структуры.)

Особенностью отмеченных выше трех типов подсистем, по мнению Крушевского, является то, что неупорядоченные системы включают в себя старое и новое в языке и связи элементов здесь основаны на восприимчивости, или на ассоциации по смежности, в отличие от упорядоченных систем, в которых связи между элементами основываются на производстве, или на ассоциации по сходству. Эти два вида ассоциации определяют положение слов в системе языка, связь между которыми осуществляется либо линейной последовательностью слов, когда слова объединяются в группы на основе общности выражаемых ими значений — ассоциация по смежности (*читать, прочитал, перечитал* и т. д.), либо сходством между словами на основе внешнего признака или акустического образа (*бара́н-А, бара́нд-А; бля́-Аий, пелен-Аий*). Крушевский подлагает эти упорядоченные системы основанию на законе ассоциации по сходству, а то, что основано только на воспроизводстве, т. е. на ассоциации по смежности, по значению, стоит вне языковой системы. Вследствие закона ассоциации по сходству слова должны уклавны-

ваться и в нашем уме и системы или группы, а благодаря закону ассоциации по смежности те же слова должны строиться в ряды.

Два вида ассоциации слов в системе языка, упомянутые Крушевским, интуитивно ассоциативным и лингвистически обоснованным, которые примерно тридцать лет спустя установил де Соссюр. Но в системном отношении обоснование де Соссюра касается отношения, основанного на линейном характере языка, например, на протяженности (*слева-направо, наоборот, жюри и т. д.*). Спиритуалистские тенденции де Соссюра являются основой ассоциации по смежности у Крушевского. Ассоциативные отношения де Соссюр считал основными, основанные на абсолютных величинах (*обратно, наоборот, продвигать*) или на общности звуковых образов (*обратно, назад*). Эти отношения по отношению к ассоциации по сходству у Крушевского.

Взаимодействие двух видов ассоциации Крушевский считает решающим фактором в процессе развития языка, которое представляется ему как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловленной ассоциацией по смежности, и ассоциацией по сходству.

Как и Бодуэн де Куртене, Крушевский также считает систему языка исторической категорией. Однородность данной системы он не считает исключительной и исключенной. Система, которая сейчас представляется стройной и однородной, раньше не всегда была такой. Крушевский приходит к выводу, что «однородность данной системы есть продукт более или менее продолжительной работы языка».

Рассмотрение языка как исторической категории было характерной особенностью русского языковедения. Большинство русских лингвистов рассматривало язык с двух точек зрения — с точки зрения современного его состояния (как «двухмерную связанную систему», по выражению Н. И. Греча) и с точки зрения его образования и постепенного развития. Бодуэн де Куртене указывал, что принятое многими лингвистами мнение о независимости корней, склонений, спряжений во всех родственных языках представляет собой термины для бессодержательных. Он не устал повторять, что в языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все меняется. Спокойствие, остановка, застои — явления кажущиеся. Бодуэн де Куртене выдвигает понятие динамики языка (законы движения языка) и статик (законы равновесия языка в данный момент его существования).

Пятая статья к динамике языка у Бодуэна де Куртене сопоставляет с лингвистикой историческое состояние языка и диалектика (историческое его развитие) у де Соссюра, выдвигающего идею тавтологии. Хотя эти понятия у двух ученых разные и являются общими, по и трактовке их разные.

⁴ В 1839 г. в Петербурге вышла в свет небольшая книга под названием «Опыт грамматики русского языка», составленной домашним учителем С. Алексеевичем Гречем, тогда школьным инспектором фольклористом, историком и естественноведом С. И. Гречем. Автор отмечал, что «классический язык может быть изучен и в существующем его положении и в историческом развитии... современный состав языка может быть изучен только тогда, когда мы знаем ход его исторического развития» (см.: Кошаров В. Р. Сравнение на истории русского языковедения. — В кн.: Вопросы филологии. М., 1974, с. 112).

⁵ В 1870 г. Бодуэн де Куртене начал сотрудничать в одном из ведущих лингвистических журналов заметку об изменчивости основ склонения. Эта статья была посвящена как раз той проблеме, которую мы рассматривали и увидела свет лишь в 1902 г.

существование языков. По де Соссюру, «языковая жизнь лишь одна перспектива, перспектива говорящих субъектов и языков оказывается лишь видом случайным. Бодуэн де Куртене понимает, что современное состояние языка не является окончательным, потому что в нем есть и промежуточные формы, улетающие от анализа, и являясь, представляющие будущее состояние языка. Де Соссюр противопоставлял синхронно диахронно, считая синхронической задачу изучения языка как нечто диахронического. У Бодуэна де Куртене позиция сдвинутой между статикой и динамикой была более детерминистской: статику он рассматривал как частный случай динамики».

Мысль о динамике и статике была воспринята и Крушевским, который, исследуя звуковую сторону языка, говорил, что звуки можно рассматривать независимо от места и времени, т. е. с точки зрения так называемой антропоникистической статики, с точки зрения динамики, т. е. в зависимости от соседних звуков и в историческом развитии.

Современная фонология уходит своими корнями в созданные Бодуэном де Куртене теории фонем. В 1881 г. в работе «Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков» он определял фонему как «сумму обобщенных антропоникистических свойств известной фонетической части слова, неделимой при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентских связей в области нескольких языков», как фонетический тип, как результат обобщения, как отвлеченность. Бодуэн де Куртене понимал фонему как единицу, отличающуюся от звука своими коррелятивными свойствами, т. е. различными оттенками, свойствами (твердость-мягкость и т. п.), проявляющимися в различном фонетическом окружении. Оттенки фонемы могут различаться до такой степени, что каждая из них на определенном этапе языкового развития начинает соответствовать особой фонеме. Понятие фонемы было результатом обобщения, отвлеченным от реально выступающих в речи звуковых проявлений. Бодуэн де Куртене говорит о возможности обобщения определенных свойств фонемы в фонемы более общие, в фонемы высшего порядка. (В середине 30-х годов XX в. эти фонемы общего порядка получили название архифонем.)

Бодуэн де Куртене указывал на функциональную значимость фонем, на связь фонем со значением слова. Кроме того, он впервые отметил тесную связь фонетики и морфологии, особо подчеркивая, что морфологические сопоставления составляют основу для сопоставлений фонетических. Бодуэн де Куртене закладывает основы учения о «морфологизации» и «семасиологизации» фонем, т. е. о функциональном использовании фонем для различения морфем в слов. Фонемы рассматриваются Бодуэном де Куртене как элементы языковой структуры. Он считает, что с диалектической точки зрения фонемы можно рассматривать только тогда, когда они входят в состав каких-либо элементов языка — морфем, ассоциируемых с морфологическими и семасиологическими представлениями, а эти представления определяются альтернативами, или чередованиями¹.

¹ Понимание Бодуэном де Куртене фонем не было вполне окончательным. В начале XX в. он определял фонему как фонетический эквивалент звука, суще-

Теория альтернатив изложена Бодуэном де Куртене в книге «Эссе теории фонетических альтернатив» (1895). Под альтернативами Бодуэн де Куртене понимал относящиеся друг к другу различные фонемы, находящиеся в функционально родственных морфемах, стоящих в фонетической структуре этих морфем на одном месте. Так, если мы возьмем такие морфологические формы, как язык — язык, язык — язык, язык — язык, то фонемы ⟨e⟩, ⟨o⟩, ⟨e⟩, ⟨i⟩, ⟨x⟩, ⟨m⟩ находятся в отношениях альтернативы и являются альтернативами. Бодуэн де Куртене дал подробную классификацию чередований с различными точками зрения (фонетической, психофонетической, традиционной), а также установил хронологию этих чередований. Теория чередований позволила связать фонетику с морфологией и проследить превращение «микроморфических фонетических изменений» в традиционные чередования. Эта теория легла в основу морфологии. Работа Бодуэна де Куртене не привлекла внимания ученых в конце XIX и начале XX в. знаменитый французский языковед А. Мейе объяснял это тем, что в то время почти никто не думал об историческом лингвистике.

Теория чередований языка Крушевский. Он выдвинул понятие фонетической единицы, которая не всегда бывает отдельным звуком. Крушевский отмечал, что хотя мы и воспринимаем звук как одно представление, но вместе с тем мы можем выделить в нем отдельные свойства, качества. В некоторых случаях из одного звука и качества другого звука и состоит фонетическая единица, которую Крушевский предлагает называть фонемой. Он связывал фонему с проблемой чередования звуков, считая чередование звуков результатом комбинации фонетических и бессознательно-психических процессов. Разработанная Крушевским теория основывалась на изучении фонетических чередований, характерных для синхронного состояния русского языка. Крушевский также рассматривал чередования звуков в тесной связи с морфологическими категориями.

Де Соссюр отмечал, что Бодуэн де Куртене и Крушевский на всех лингвистов конца XIX в. ближе всех подошли к теоретическому рассмотрению языка¹. Одно из наиболее развитых направлений языковедения 20—50-х годов XX в. — структурализм — также многие своими взглядами на язык обязан концепциям русских ученых. В статье «Истоки структурализма» (1962) шведский ученый В. Коллингер писал, что молодые казанские лингвисты образовали ядро современного структурализма. Главой Казанской школы структурализма датский ученый А. Бальхусов в 1928 г. в книге «Принципы общей грамматики» указывал, что Фортунатову и его ученикам принадлежит заслуга в постановке проблемы существования чисто формальных категорий и в протесте против смешения грамматики с логикой. Они строго различали синхронно и диахронно. Теория эта

связанная с лингвистикой представлением звуков. Психологическая интерпретация звука была воспринята известными филологами А. В. Щербой и П. С. Трубецким, которые в 30-х годах XX в. исследуют синхронизированную функцию фонем.

¹ См.: Saïd R. Les sources manuscrites du cours de Linguistique générale de F. de Saussure, P. — Gen., 1937.

Русские лингвисты тоже скрупулезно изучали отдельные языковые явления, но они пытались объяснить пути развития соответствующих фактов, проследить историческое становление этих явлений, связанным причинно-следственным отношением. Такой подход к грамматико-исторической проблематике особенно ярко проявился в исследованиях А. А. Потебня, в которых осуществляется стремление обосновать компаративистскую грамматическую терминологию исторического развития языковых явлений. Сравнительно-историческая концепция Потебня окрашена психологизмом.

Основную задачу истории языка Потебня видит в том, чтобы «показать на деле участие слова в образовании последовательных стадий систем, обнимающих отношения личности к природе»¹. Решалась эта задача на примере образования и изменения грамматических категорий как основных категорий мышления.

Нарисованная Потебней картина исторического развития частей речи и соответствующих им типов предложения отражала стремление лингвисту вскрыть исторические закономерности развития предложения на различных этапах его развития. Изменения частей речи происходят в предложении, связаны с изменением самого предложения. В трактовке Потебня части речи выступают как динамические категории, приходящие в своем развитии ряд этапов.

Говоря о первообразном слове, Потебня отмечает, что оно не принадлежит ни к какой части речи. Первообразное слово, по Потебне, это психолингвистическое (а не логическое) суждение при помощи слова. Оно означает, что первообразное имя по способу представления в нем признака ближе всего подходит к причастию. Выше из этого первообразного слова, не относящегося ни к какой грамматической категории («словно вначале лишено еще всяких формальных определений и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глагол»²), выделяются в дальнейшем части речи со свойственными им грамматическими признаками. Компактность первообразного слова Потебня связывает в прямую связь со способом мышления древних людей, характеризовавшимся конкретностью восприятия предметов и явлений объективной действительности.

Из первообразного, причастию по своему характеру слова прежде всего выделялось имя. Это было существительное, грамматическая категория субстантивной или воющей, обозначающей уже предмет (например, старая — старая вода, старая овца). Из существительного выделялись новая грамматическая категория — имя прилагательное. Этому способствовал тот факт, что категория предикативности и существительного постепенно ослабевала и параллельно уходило значение признака, качества (ср.: вода — свет, вода — не свет, вода — светлая). Так возникали отвлеченные существительные (равнозначно в т. п.).

Дальнейшее развитие языка привело к появлению новой категории — глагола. Наиболее ранней формой глагола высту-

¹ Потебня А. А. Мысль и язык, с. 141.
² Там же, с. 120.

пой инфинитив, который ближе всего к существительному и потому не обладает достаточной степенью отвлеченности, свойственной глаголу. Потебня и определяет инфинитив как имя в этимологическом (и в морфологическом) и разнохарактерность глагола в синтаксическом отношении. Затем инфинитив уступает свое место indicative, который выражает все оттенки действия в лице и времени. Развитие глагольности Потебня ставит в прямую связь со связью мировоззрения и мышления людей, начинавших видеть в окружающем их мире не статичность, а процессуальность.

В дальнейшем части речи все больше обогащаются друг от друга и на первом плане выступает глагол как идеальный выразитель предмета и центр предложения. Потебня поддерживает гипотезу о начальной двучленной структуре грамматического предложения, состоящего из существительного и именительном поддеже, обозначающего субъект действия, и сказуемого. (Систему двусоставного предложения выдвинул еще А. Х. Востоков в противовес логической трехчленной структуре, но только применительно к русскому языку.) Двучленную структуру предложения он считает основной не только для русского языка, но и для других индоевропейских языков.

Предложение как синтаксическая единица также исторически изменялось. Проблема историчности предложения интересовала Потебню не сама по себе, а как отражение развития мышления. Потебня выделяет в истории предложения древнюю и современную стадии. На древней стадии предложение было именным. Сравнительно обороты к глаголу, жалоба не моя к оборотам не жажду, не жаждуся. Потебня считает первые более древними. Правда, он сам же указывает, что предложения именного характера не зафиксированы ни в памятниках, ни в живой речи. На древней стадии развития предложения существительное и прилагательное не различались и существительные употреблялись в функции определения (ср. совр. рубаха-парень). В древности для людей была характерна резкость восприятия предметов и явлений объективной действительности без выделения их признаков и качеств. Это восприятие находило свое выражение в именном строе языка, когда за основу наименования брались один какой-нибудь признак. Предметы объективной действительности представлялись ни в каких отношениях друг к другу, воспринимались как бы существовавшие. Сочетания слов на этой стадии развития предложения паратактические, т. е. языковые отношения не указаны (ср. именные и близкие языковые и архаичные к нему рыба и моллюск, золотой и железный, просяное отношение, выражаемое подлинным союзом котла, здесь отсутствует). Описание именных предложений Потебня заключает словами: «Первоначально простое предложение складывается друг из друга так, что формальные отношения между ними вовсе не сознаются и не обозначаются. Ряды их подобны строю без перемешивания. Связь между ними устанавливается посредством исторической объективности и сложения»¹.

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1, с. 128.

При реконструкции исходной стадии развития предложения Потебня допускала наличие исторической перспективности, приходящая ей подтверждением своей гипотезы разновременные исторические памятники. Это приводило к тому, что, по словам Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Потебня «проникал и в самую старину внутрь», а не во вооружил современными ему лингвистическими фактами¹.

По направлению к истинному времени именной характер предложения сменяется глагольным. Успехом глагольности предложения Потебня связывал с изменением восприятия действительности первобытными людьми, которые начинали видеть в окружающей их мире процессуальность, проявление энергии: «...человек переходит от бессвязности, дробности, иррациональности мысли и речи к возможности стройного подчинения многих частных речи целиности природы, многих периодов — цельности сознания; от бессознательной однородности душевного строя — к сознательному единству мира сознания и характера»².

В развитии глагольного предложения он выделяет два периода, два ступенки. Ранняя ступень характеризуется тем, что служебные и значительные глаголы не различаются, господствует согласование (ср., например, конструкцию изборама *Кара царя* с современной изборама *Кара царем*). Типичными для этого этапа были также конструкции синтаксических с предикативным действительным причастием настоящего или прошедшего времени на *-щий, -чий, -оший-ший* (ср.: *И есть дерки на стоящи в Кордуне хроне* — совр. *ураши стому; вельде человек будиши лова* — совр. *будеши ловаго*). Аналогичные конструкции Потебня находит в чешских, литовских, польских памятниках. К этому же периоду он относит употребление прилагательного в предикативной функции.

Успехом глагольности в составном сказуемом явилось лишь частично увеличение глагольности предложения. На поздней ступени развития глагольного предложения составное сказуемое, с одной стороны, превращается в простое, а с другой — членится на сказуемое с придаточным предложением. Эти процессы сопровождаются разграничением функций имени существительного, употребляющегося как субъект, и прилагательного в функции определения. Здесь Потебня склонна видеть стремление сосредоточить предикативность в глаголе за счет предикативности имени и причастия.

Свои наблюдения об исходной и глагольной стадии в развитии предложения Потебня подтверждает многочисленными примерами из древнерусского, литовского, латинского языков. Она сравнивает не отдельные синтаксические явления, а стремится выявить определенные синтаксические тенденции (увеличение иррациональности имени и глагола, дифференциация членов предложения), что позволяет устранить случайности и придает построениям большую доказательную силу. Однако приводимых Потебней материал не является раннорус-

ским: он взят из разновременных памятников, имеет разное конструктивное значение, и это в значительной мере снижает убедительность его доказательства. Стремление Потебни с помощью сконструированной схемы охватить сразу всю историю становления грамматического строя индоевропейских языков привело, как уже отмечалось в советском языкознании, к отрыву творческого вклада теоретической мысли Потебни от изучения лингвистических фактов³. Важно только отметить, что, приняв примеры одновидных синтаксических явлений из родственных языков, Потебня приближалась к идее синтаксической типологии языков.

Учение Потебни об исторической изменчивости синтаксических категорий имеет и философское значение: на материале развития этих категорий он стремился проследить, как развивалась способность человека к абстрактному мышлению. Важность исследований Потебни заключается в том, что он впервые доказал, что исторически изменяемы не только фонетическая и морфологическая стороны языка, но и его синтаксис. Еще в 1892 г. проф. А. С. Будлович писал: «Оказалось, что и синтаксические категории языка, которые прежде считались столь же неизменяемыми, как и законы логики, на деле изменяются, и притом одновременно с изменением этимологических [т. е. морфологических. — *Д. Б.*] форм и во взаимодействии с последними. Это открытие, не только угаданное, но и доказанное Потебней, имеет лингвистическую такую же важность, как учение Дарвина об изменчивости видов в науках биологических»⁴.

В несколько ином плане проблему происхождения и развития предложения решал талантливый ученик Потебни А. В. Попов (1855—1880). Его единственная работа «Синтаксические исследования. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, ведде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречьях» (1879) представляет собой своеобразный опыт сравнительно-типологического исследования падежей в родственных языках. Попов согласен с Потебней в том, что в древнейших одночленных предложениях имя и глагол не различаются. Однако если Потебня исходной точкой исторического развития языка считал двучленное предложение с подлежащим и сказуемым, то Попов, наоборот, полагал, что двучленное и трехчленное предложение с объектом — позднего происхождения. По его мнению, наиболее простой, первоначальной формой предложения было одночленное предложение, состоящее из имени (*Пожар; Время; Хоризго; Убого* и т. п.). Такие предложения указывали на предмет или явление, часто с восклицательным оттенком. Попов считал, что наряду с удачей установить, что при виде горящего предмета люди кричали «кричали *Это есть пожар!*», а потом стали кричать *Пожар! Исходной была именно одичленная восклицательная форма *Пожар!**

¹ См.: Овсяннико-Куликовский Д. Н. А. А. Потебня как лингвистический критик. Киев, 1893.

² Потебня А. А. Из языков для русской грамматики. М., 1968, т. 3, с. 103.

³ См.: Десницкая А. В. Вопросы развития родства индоевропейских языков. М., 1935, с. 69.

⁴ Попов Александр Александрович Потебня. Харьков, 1892, с. 64.

Главный член в таком предложении мог стоять в форме как именительного, так и винительного падежа, о чем свидетельствуют такие конструкции, как *Эк ево!*, *Ну ево!* и т. п.

По мнению Попова, разнообразные типы именных одночленных предложений образуются на той стадии развития языка, когда еще нет различия между именем и глаголом, когда существовало единство (синкретизм) функций именительного и винительного падежей, т. е. когда этих падежей еще не было. Любопытно отметить, что теория Попова о первичности одночленного предложения была позднее воспринята известным австрийским языковедом Г. Шухардтом, тот полагавшим, что двучленные предложения возникли как продукт слияния двух одночленных предложений. Эта же мысль была высказана и Поповым, который, например, предложению *Эк ево берет!* считал состоящим из двух: *Эк ево!* и *Как оно берет!* Таким же путем образовались и трехчленные предложения.

Попов утверждал, что некоторые одночленные предложения сохранились в самостоятельном виде, прикинув к сложным предложениям в других значениях: *вмался в них* или *слился с ним*. Именно так он объяснял образование таких предложений, как *Человек, во паром!*, *Он почел точка и точку!*, *Час от часу не лето* и т. п. К кругу древнейших одночленных предложений относил типа Попов относил наречно-именные предложения типа *Хорошо Строило*.

Высказки Попова не получили дальнейшего развития в истории русского языковедения. Они встретили отрицательную оценку со стороны Потебни, который доказывал, что косвенные падежи не могут быть первоначальными, потому что управляемые падежи должны предшествовать наличию управляющих форм, которыми в индоевропейских языках чаще всего являются глаголы. Ф. Ф. Фортунатов, разбирая работу Попова, упрекал автора за несоблюдение правил относительной хронологии. Попов, например, считал, что индоевропейской формой окончания винительного падежа было *-т*. Фортунатов по этому поводу замечает, что переносить окончание *-т* в индоевропейский язык нельзя уже потому, что оно встречается только в индонезийских языках¹. Историческое значение исследования Попова заключается в том, что он доказал многообразие типов предложений, особенно одночленных и односоставных, привлекая внимание языковедов к анализу этих типов.

Начиная формироваться в русском языковедении после появления работ Потебни сравнительно-типологический подход к изучению грамматических, и в частности синтаксических, явлений был развит профессором Московского университета Федором Евгеньевичем Коршем (1843—1915). В своей работе «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительной синтаксиса» (1877) Корш указывает, что кроме сравнительной морфологии, которой исчерпывалось содержание сравнительной грамматики, должен существовать и сравнительный синтаксис. Он подчеркивает постоянное взаимодействие

этих дисциплин, полагая, что синтаксические средства должны «согласовываться» с морфологическими средствами языка. История языка, по его мнению, состоит в постоянной борьбе между мыслью и словом. Особенно наглядно связь языка и мышления прослеживается в области синтаксиса, который рассматривает язык «со стороны тех логических и психологических законов, на основании которых он становится все более и более покорным орудием мысли»¹.

В области сравнительной морфологии Корш считает плодотворным изучение семей родственных языков как «ростков одного и того же арійского корня». Постепенное сближение сперва с ближайшими языками, а потом с более отдаленными позволяет прийти до первоначального вида той или иной формы. В синтаксисе же наблюдается другое явление. Здесь физиологические законы, считает Корш, отступают перед общими всем народам психологическими законами. Общие языкам разных систем закономерности развития синтаксического строя Корш связывал с законами развития общечеловеческого мышления. «Впрочем,— пишет Корш,— в области ли законов мышления или в общечеловеческом предании следует искать причины многочисленных синтаксических аналогий в чуждых друг другу языках — для сравнительного синтаксиса все равно: здесь важен самый факт существования таких аналогий, заставляющий предполагать общую основу, какова бы она ни была». Этот вывод он иллюстрирует сравнительной конструкцией *Какъ красивее* осле, в которой сравнение выражается отложительным падежом в санскритском, латинском, польском, турецком и арабском (в котором за переносом отложительного падежа употребляется предлог) языках. Корш, таким образом, составляет однородные или соответственные синтаксические явления не только в родственных языках, но и в языках разных систем, разных семей. В развитии синтаксического строя языков он видит «общую почву, общие законы».

С этой точки зрения Корш анализирует способы относительного подчинения в языках разных типов. Относительные предложения, соединяемые с главным с помощью относительных местоимений, авторский, что,— явление позднее. В индоевропейских языках не так, и эти предложения нельзя привести к какому-либо общему источнику. Тем не менее средства выражения относительного подчинения в самых различных языках иногда поразительно сходны, или в милодах. Корш описывает несколько таких средств в разных языках.

Признавая (вслед за Потебней), что сочинение предшествует подчинению, Корш самым древним способом признает присоединение к логически главному предложению другого, логически подчиненного, но грамматически вполне самостоятельного с соединительным союзом или без всякой внешней связи. По его мнению, древним и широко распространенным способом выражения относительной зависимости является употребление антепозиции или указательного местоимения в начале подчиненного предложения (*Исчуротис того столба*

¹ См. Зв. АН, 1884, т. 49, с. 11.

Цит. по кн.: Корш Ф. Е. Способы относительного подчинения. М., 1877.

яма, а в ней камень). Позднее закрепляется способ выражения отрицательных связей с помощью отрицательных местоимений. Но один из этих способов, подчеркивает Корса, не принадлежит исключительно русскому языку, но все они, поодиночке или по несколько вместе, встречаются во многих языках. Он понимает, что бесспорные относительные предложения появляются на более позднем этапе. Кирш признает гипотетичность своих выводов, но в сравнительном синтаксисе, как и Потебня, видит путь к познанию общих закономерностей развития языка и мышления.

В начале 80-х годов профессор Харьковского университета Павел Иванович Шердль (1843—1906) обратился к сравнительно-типологическому анализу в такой трудной и малоизученной области языкознания, как семантика, где труднее всего установить какие-нибудь закономерности. В работе «О словах с противоположными значениями (или о так называемой эантнотомии)» (1884) такой закономерности он усматривает в явлении эантнотомии, т. е. семантической диссимилации, когда одно и то же слово вмещает в себя два прямо противоположных значения. Так, лат. *abyss* означает не только 'глубокий', но также 'глубокий', др.-инд. *alpa* означало 'дневной свет' и 'ночь', др. *karā* значит 'свет' и 'тень'. Причину этого явления Шердль видит в том, что корни и происходящие от них слова в древние эпохи имели общие, крайне неопределенные значения, из которых впоследствии путем дифференциации образовались значения, выражающие противоположные друг другу понятия. Многозначность, по Шердлю, характеризует первобытовое состояние языка. Например, общее представление веса путем противопоставления дифференцировалось в понятия *малый* и *маленький*, представленные количества — в понятия *много* и *мало*.

Шердль исследует случаи эантнотомии в древнекитайском, греческом, латинском, английском, немецком, армянском и других языках и проводит аналогичные параллели с языками других типов — японским, китайским, ивритским. Труд Шердля по семантической типологии был одним из первых, где исследовались вопросы сравнительно-типологической семантики.

В исследованиях Потебни, Понюга, Корса в основном ставился проблема сравнительно-типологического синтаксиса в связи с изучением общезыковых закономерностей и синтаксических структур языков, связанных с развитием мышления. Однако богатый фактический материал из различных индоевропейских языков рассматривался односторонне. Теоретическое осмысление типологического изучения языков на разных уровнях языковой системы было обосновано И. А. Бодуэном де Куртене. В 1870 г. в лекции «Некоторые общие замечания о принадлежности к языку» он выдвигает мысль о том, что метод установления генеалогического родства языков с помощью сравнительно-исторических исследований (на основе фонетических, лексических и морфологических соответствий) следует заменить методом установления общих признаков, или «общих строматем», которые можно признавать характерными и историческими свойствами языков. Эти «общие строматемы», задатки которых были и общие признаки

разных в отдельных группах и языках в соответствии со следственными свойствами этих языков.

Бодуэн де Куртене отрицательно относился к идее восстановления праязыков отдельных групп языков — основной задаче сравнительно-исторического языкознания конца XIX в. Эти праязыки, по его мнению, представляли собой не что иное, как фикции. Скептически оценивая успехи сравнительно-исторического языкознания, Бодуэн де Куртене более перспективным считает тот путь исследования, который помогает выявлять общие исходства в языках, независимо от их исторических или генеалогических связей. Он признает одинаковые исторические процессы и явления в языках, ставленных друг от друга как географически, так и исторически. Считая возможным сравнивать развитие, например, славянских и сарматских языков, англійского с китайским, русского — с корейским и т. д., Бодуэн де Куртене предлагает выделять и сопоставлять в этих языках не отдельные разрозненные явления, а функционально-тождественные общие черты и на этой основе делать «общирные лингвистические обобщения как в области фонетики, так [и] в области морфологии»¹. Именно такой подход получал развитие в современных типологических исследованиях.

Бодуэн де Куртене выдвинул идею о возможности использования типологических (по его терминологии — сравнительных) исследований при изучении родственных языков не только на разных этапах развития, но и в их синхроническом состоянии. В качестве примера интрофонического признака, общего для славянских языков на синхроническом уровне, Бодуэн де Куртене называет относительно большое участие гортани в образовании звуков в сербском языке, меньшее — в русском и еще меньшее — в польском и чешском. Примером из области звуковой динамики (диакронии) может служить сильное влияние ударения на характер русского вокализма по сравнению с польской или чешской акцентуацией.

Сравнение родственных языков в синхроническом и диахроническом аспектах с целью выявления общих признаков в этих языках стало в основу бодуэновского понимания сущности сравнительной грамматики, которая занимается сопоставлением структуры родственных языков. В «Подробной программе лекций в 1877—78 гг. году» (1879) Бодуэн де Куртене дает типологическую характеристику славянских языков по двум структурным признакам: противопоставлению деляты и краткости гласных и ударению. Основываясь на этих признаках, он выделяет пять структурных языковых типов в славянской языковой общности: 1) сербо-хорватские наречия и говоры, характеризующиеся морфологически подвижным ударением; 2) славянские наречия и говоры тоже с подвижным ударением, но с краткой делятой и краткостью гласных выражается только в ударяемых местах; 3) болгарские и русские наречия и говоры, в которых нет

¹ Бодуэн де Куртене И. А. Избр. труды по общему языкознанию, т. 1, с. 371.

противопоставления долгих и кратких гласных; 4) чешско-славянские наречия и говоры, сохранившие такое противопоставление; 5) польские, лужицкие, канубско-польские наречия и говоры, в которых нет противопоставления ни долгих и кратких, ни ударяемых и неударяемых гласных.

При выявлении общих признаков в неродственных языках Бодуэн де Куртене большое внимание обращает на фонетику, так как «фонетический элемент» имеет важное значение. Он отмечал, что в языках различного морфологического строя фонетические законы изменяются в общих направлениях. Например, наиболее характерным фонетическим признаком для романских, германских, финно-угорских, семитских языков является, по его мнению, чередование *k* — *č* (русск. леку — лечась). Этот тип чередования настолько общий, что Бодуэн де Куртене предлагает назвать его «общеславянским языковым явлением», или языковой универсальной. Из других типологических особенностей в области фонетики неродственных языков Бодуэн де Куртене отмечает исчезновение звонких смычных согласных в датском и восточном языках, регрессивное направление ассимиляции в индоевропейских языках и прогрессивное в финно-угорских и урало-алтайских.

Доказав, что при сравнительной характеристике языков следует принимать во внимание и морфологические различия, Бодуэн де Куртене заложил основы морфологической типологии. Основные морфологические различия в неродственных языках он сводит к некоторым частным наблюдениям. Так, в индоевропейских языках преобладает гласный характер, а в урало-алтайских и финно-угорских — именной: существование префиксов в индоевропейских языках находит свою структурную параллель в урало-алтайских языках; в индоевропейских языках корни подвергаются фонетико-морфологическим изменениям, а в урало-алтайских языках — нет; с точки зрения строения слова индоевропейские языки характеризуются замкнутостью, а для урало-алтайских языков характерна агглютинация.

Бодуэну де Куртене принадлежит идея создания статистической типологии звуковых систем славянских языков. Он считал, что использование статистики позволит определить частотность появления тех или других гласных в отдельных славянских языках. Используя статистические данные, Бодуэн де Куртене делает следующие выводы: украинский и чешский языки характеризуются преобладанием в них гласного *i*, польский — гласного *e* и т. д.

Бодуэн де Куртене почти ничего не говорил о синтаксической и семантической типологии, но у него не вызывало никакого сомнения существование тесной связи между «общими стремлениями» в развитии языков и возникающими в результате этого сходствами в различных языках. Поэтому вместо телеэтимической классификации языков, устанавливаемой с помощью сравнительно-исторического метода, он предлагает структурную (морфологическую) классификацию, которая основывается на сходстве языковых построений, являющихся «результатом общечеловеческих условий»¹.

Бодуэн де Куртене выдвигает также мысль о необходимости типологического анализа языков, связанных географически. Территориальная близость языков приводит, по его мнению, к появлению сходных языковых явлений. Например, результатом географической близости латышского (балтийская группа) и эстонского (финно-угорская группа) языков было появление в латышском языке особенностей, свойственных эстонскому (фиксированное ударение на первом слове вместо подвижного, различие долгих и кратких слогов).

Интересуясь проблемами балканского языкового союза, Бодуэн де Куртене отметил факт существования постпозиционного члена в болгарском, румынском и албанском языках, исчезновение инфинитива. Возникновение этих общих черт в языках различных типов, но территориально соприкасающихся друг с другом, происходит в результате смешения языков. Бодуэн де Куртене был одним из первых, кто обратил внимание на проблему языковых союзов. Современное понимание проблемы языкового союза как такового языкового явления, при котором в результате длительного сосуществования различных языков происходит типологическое сближение их структур, идет фактически от Бодуэна де Куртене.

Обосновав необходимость создания структурной (морфологической) классификации, Бодуэн де Куртене и принципы не отрицал генетического родства языков. Он только предложил иные критерии для установления такого родства — не фонетические и морфологические соответствия, а принцип фонетического и морфологического перевода между родственными и неродственными языками. Фонетический перевод определяется им как «передача звуковой формы отдельных слов одного языка звуковой формой другого языка по известным строго определенным звуковым законам и согласно с установленными звуковыми соответствиями»². Бодуэн де Куртене приводит пример фонетического перевода между близкородственными языками: русск. *ли, ти, ли* (ливы, лыц, олецы...) — польск. *li, gi* (liłki, legi), во *chr* (olechy). Не давая определения морфологического перевода, он указывает его образец: например, морфемам польского языка *e to* (я) или *oto* (это); ср.: *gram, bród, broda, ręk...* — *грам, брод, борода, рука*. На основе этих и им подобных соответствий устанавливается, что польский и русский язык родственны.

Бодуэн де Куртене пытался даже увязать генетическое родство языков с типологическим подходом к языку. И если в 70-х годах он осторожно ставил вопрос о том, может ли существовать генетическое родство между языками разных морфологических типов, то в 90-е годы он считает необходимым результаты сравнительно-

¹ Бодуэн де Куртене И. А. Избр. труды по общей лингвистике, т. 1, с. 213.

² Там же, с. 105.

исторического анализа проверять типологическими критериями, упростить и свести воедино типологические и сравнительно-исторические положения. Эта мысль была настолько смелой для своего времени, что не привлекла внимания ученых. Еще в 1925 г. А. Мейе не только противопоставляет эти два вида исследования («чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения») но и делает вывод об их несовместности. И лишь в конце 20-х годов XX в. представители Пражской лингвистической школы, одного из направлений структурализма, вновь выдвинули разработанный Бодуэном де Куртеном положение об объединении сравнительно-исторического языкознания и типологического изучения языков.

Обращая внимание на типологическое изучение языков Бодуэн де Куртене тем не менее не отрицал важности их исторического изучения. Он неоднократно указывал на то, что современные изменения языка станут понятными, лишь будучи перенесены в прошлое время («если спросить историю языка»). В этой связи Бодуэн де Куртене четко сформулировал принципы относительной хронологии, которые не потеряли своего значения и до настоящего времени. Суть этих принципов сводится к следующим положениям:

1. Современное состояние языка представляет собой результат длительного развития. Каждый период развития языка создает что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет основу дальнейшего развития. Эти результаты действия различных периодов называются слоями языка, выделение которых составляет одну из главных задач языкознания. Бодуэн де Куртене не отгораживал эти периоды друг от друга. Выделение периодов в развитии языка помогает ориентироваться в огромной массе следующего друг за другом материала. (Покидание универсальности языковых периодов, возможность их перехода из одного в другой была в дальнейшем развито Фортунатовым, который попытался выделить эпохи в языковом развитии.)

2. Механизм функционирования языка представляет собой результат всей предшествовавшей ему истории, и именно этот механизм обуславливает дальнейшее развитие языка.

3. Задача лингвистики в том, чтобы подробным рассмотрением языка в определенный период определить его состояние и последствием показать, как, каким образом из такого-то строя и состава языка предшествующего периода мог развиться такой-то строй и состав языка последующего периода. (Эти положения Бодуэн де Куртене были в дальнейшем развиты Богородицким.)

Из всех представителей Казанской лингвистической школы Бодуэн де Куртене наиболее интенсивно разрабатывал проблемы типологического изучения языков. Н. В. Крушевский этим вопросом уделял гораздо меньше внимания, но и он не мог не заметить, что некоторые языки, развивавшиеся в течение определенного времени совершенно независимо друг от друга, обнаруживают поразительное

подобие в звуковых системах, в частности отдельных звуков. Так, например [s] > [ʃ], по Крушевскому, свойственно не только латинскому языку, но и германским (ср. *Verbal* и *verbalis*), чувашскому (ср. чув. хорек = тат. казан — котел) и многим другим языкам. Первоначальные звонкие [g] и [d] развиваются в глухие в германских языках и в армянском. В литовском, греческом, санскрите звонкие [ai] переходят в [e]. Крушевский приводит много примеров типологических параллелей звуков, но он не дает теоретического объяснения этим изменениям. Такого рода изменения он считает результатами действия всеобщих звуковых законов, которые должны объяснить параллелизм в развитии фонетических систем родственных языков.

В конце XIX в. Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941), другой представитель Казанской лингвистической школы, мало интересовался проблемами типологии. Он оказался в центре его внимания лишь в середине 20-х годов XX в. Наличие общих признаков в языках различных типов он считал бы объяснением либо как результат взаимодействия этих языков, либо как результат отражения в них основных свойств человеческого мышления.

Богородицкий внес большой вклад в разработку сравнительно-исторического языкознания. В своих первых в России печатных работах по сравнительно-историческому языкознанию («Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков», 1890; «Из чтений по сравнительной грамматике индоевропейских языков», вып. 1—3, 1893—1900, и др.) он выдвинул такие положения, которые, по оценке Бодуэна де Куртене, можно было рекомендовать не только начинающим, но и известным языковедам. В чем же заключалась новизна этих положений?

Продолжая господствовавший в то время антиисторизм в понимании проблемы индоевропейского праязыка, Богородицкий считал, что этот праязык изменялся во времени, причем развитие могло быть различным как по направлению, так и по темпу и разным общезначимым языкам. Индоевропейский праязык, отмечает Богородицкий, распадался на большие диалектные общности — на так называемый иранский праязык и на литво-славянскую языковую общность. Выявившиеся из праязыка диалекты находились между собой в сложных отношениях, которые затуманили первоначальные связи между ними. Богородицкий пытается выявить те связи, в которыхступали между собой выделявшиеся языки. В ранний период славянские племена контактировали с иранскими, позднее славяне вступили в контакт с литовскими племенами. Иранские племена оказывали влияние на финно-угорские языки, в частности на восточные финно-угорские (так, название золота в этих языках иранского происхождения). Западные финно-угорские языки испытывали влияние германской языковой общности. Финские племена соприкасались с иранскими племенами. Как говорит Богородицкий, восточная часть финно-угорских племен (марды, черемисы) входила в соприкосновение с тюркскими народами — волжскими болгарями, язык которых,

¹ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1911, с. 11.

по мнению Богородицкой, являлись близкородственным с чуждым языком.

Богородицкой (в противоположность Фортунатову) выражалось мнение в возможности восстановления звукового состава индоевропейского языка в той конкретной форме, в какой представляла звуковая система какого-либо современного языка. Реконструкция звуковой состав индоевропейского языка наиболее раннего периода, Богородицкой отмечал, что первоначально появились передние (крайние) гласные, а затем средние; глухие согласные возникли раньше звонких; носовые — одновременно с носовыми; слышимые гласные и переднеязычные, а затем и заднеязычные; хлесткие согласные предшествовали по времени появлению твердых; вторично появились ренты спиратов и т. д. Богородицкой (как затем и Фортунатов) отнесла также в языке кратких и долгих согласных слогообразующих. Любопытно отметить, что он использовал термин «фонема» для обозначения восстанавливаемых звуков языка в отличие от конкретных звуков живых языков.

Касаясь вопроса о происхождении отдельных языковых явлений и частности частей речи, Богородицкой полагает, что при исследовании их эволюции следует «стремиться к тому, чтобы каждый шаг в генетическом построении спиралей на факты языка, содержание повываки морфологического развития и том или ином направлении». С этой точки зрения ему представляется «принципиально-ошибочным» подход Потебни, отступающего генетическую точку зрения на эволюцию частей речи. Но хотя Богородицкой и критиковал Потебни, у него обнаруживается много общего со взглядами этого ученого. Как и Потебни, он считает, что части речи развивались в языке не изолированно, а в предложении.

На материале индоевропейских языков Богородицкой выделялись пять периодов, к которым относятся образование определенных частей речи: 1) эпоха имени-глагола с последующей дифференциацией на имя и глагол (у Потебни это эпоха причастного первообразного глагола); 2) эпоха имени и местоимения; 3) эпоха существительности прилагательного с последующей их дифференциацией (Потебни на этом этапе отмечает ослабление предметности и усиление признака качества); 4) эпоха наречий с последующим переходом некоторых наречий в категорию предлогов и союз; 5) эпоха расширения категории прилагательных причастиями. Как и у Потебни, эпоха имени-глагола относится Богородицкой к наиболее раннему периоду развития языка, когда, возможно, каждое слово-корень представляло собой целое предложение. В процессе развития предложения и его члены происходит формирование других частей речи. «...Во времена образования отдельных индоевропейских языков, — пишет Богородицкой, — уже сформировалось в основном то разнообразие частей речи

и их формальными принадлежностями, которое является нам по фактам современных языков»¹.

К концу распада индоевропейского языка в нем успели выделиться разнообразные морфологические категории, в частности вид и время. Богородицкой считал, что вид относится к словообразованию, а время — к области флексии. Поэтому он допускал параллельное развитие обеих категорий, которые уже в обособившихся языках развивались по-разному. Необходимо отметить некоторые различия взглядов Богородицкой и Потебни по данному вопросу. Богородицкой относит возникновение видовых образований к последнему периоду существования индоевропейского языка, к моменту перед его распада, а Потебни полагает, что «виды суть явление позднее, исключительного значения».

Для русского сравнительно-исторического языковедения в конце XIX в. было характерно стремление осветить типологию и хронологию индоевропейских грамматических категорий в индоевропейском языке, ставших основой грамматической системы обособившихся позднейших языков. По мнению Богородицкой, трудно определить тот момент, когда началось образование отдельных языков. Эта трудность не могла не привести к типотетичности, абстрактности восстанавливаемого языка. Все это заставляло Богородицкой отойти от проблемы восстановления языка и заняться определением хронологической последовательности в развитии языковых явлений от первоначального состояния до настоящего времени. Богородицкой видел недостаток временного ему сравнительно-исторического языковедения в том, что исследователи, пытаясь закономерности развития какого-либо языка, игнорировали закономерности развития всей семьи или группы языков, что и приводило к недооценке сравнительного изучения истории родственных языков. Кроме того, границая хронологически несопоставимые древнейшие письменные памятники, ученые пренебрегали всем последующим развитием языков. «...Для сравнения, — пишет Богородицкой, — как бы выкалывается лишь один из моментов истории этих языков. Между тем характер языка определяется не одним каким-либо моментом, но всем ходом его истории. (...) Таким образом, по моему убеждению, в сравнительной лингвистике анализ ограниченного числа древнейших представителей данного языкового союза, взятых в известный момент этой истории, но необходимо вместе с тем следить за всем ходом их развития до настоящего времени»².

Таким образом, старые методы сравнительно-грамматических исследований Богородицкой требовалось изменить: исторически подход к изучению языка следовало дополнить синхроническим. Развитие и отдельных языков (или группы языков) и целью изучения их развития, полагал Богородицкой, должны располагаться таким образом, чтобы можно было увидеть одновременное состояние в какой-нибудь определенной предметной области и изучать синхронически;

¹ Богородицкой В. А. Очерки по языковедению в русском языке. 4-е изд. М., 1939, с. 201.

² Богородицкой В. А. Очерки по языковедению в русском языке. с. 207.
³ Богородицкой В. А. Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков. 2-е изд. Киев, 1890, с. 6-7.

такое синхроническое научное может относиться не только к настоящему моменту, но и к любому моменту в прошлом. Соединение историзма с синхронным научением, во-первых, предоставляет возможность определить сравнительную скорость движения того или иного явления в отдельных языках и, во-вторых, расширяет область сравнительно-исторического языковедения, поскольку сопоставляются аналогичные явления в разных языковых семьях. Предложенный Богородицкий метод можно определить как синхронно-диакронический. Русские языковеды никогда не противопоставляли синхронно-диакронно.

Значение работ Богородицкого для сравнительно-исторической языковедения системы прежде всего в том, что он не только восполнил существенные пробелы в сравнительно-исторических исследованиях, но и внес существенные дополнения в методологию этих исследований. Богородицкий с полным правом говорил, что идея синхронизма в лингвистических исследованиях он нашла у де Мейера в начале двадцатого столетия («Курс общей лингвистики» де Соссюра).

Если, по словам Бодуэна де Куртене, существенным признаком Казанской лингвистической школы было стремление к объективному изложению свое выражение в постановке и разработке вопросов теоретического и доказательного задач сравнительно-исторического языковедения, то исследования Ф. Ф. Фортунатова по сравнительно-исторической грамматике характеризуются классическим младограмматическим подходом. При этом Фортунатов идеала ряд открытий, сделанных, по словам современников, исключительно оказавших большое влияние на европейское сравнительно-историческое языковедение начала XX в.

Наиболее известными работами Фортунатова по сравнительной фонетике и грамматике индоевропейских языков являются «Сравнительное языковедение» (1900), «Сравнительная фонетика индоевропейских языков» (1902) и ряд автографированных лекционных курсов. В своих лекциях Фортунатов привнес в сравнительно-исторических исследований В. К. Погребенский отмечал, что общими свойствами лекционных курсов Фортунатова, как и вообще его научного метода, была поразительная точность в определении языковых фактов, необычайная глубина анализа и острота мысли, позволявшие Фортунатову проникнуть в самую суть явления и не пропустить мельчайших деталей, ускользающих от внимания других исследователей¹.

У Фортунатова встречаются отдельные замечания о возможности типологического изучения языков. Он утверждает, что можно сравнивать языки «и по отклонению в тех же действиях и различиям, которые зависят от сходных и различных физических и духовных условий». Говорит он и об общих закономерностях, характерных для всех языков земного шара, потому что, несмотря на разнообразие языков,

природа их одна и та же. Однако основное внимание он обращал на сравнительно-исторический метод.

Основной недостаток лингвистических исследований Фортунатова видна в том, что преимущественным вниманием языковедов пользовался прием сравнения языков. А мысль об истории самого языка остается исследователям чуждой. Между тем сравнительное изучение языков по отношению к их общему происхождению из единого источника и историческое изучение тех же языков в их раздельном существовании настолько связаны между собой, что научное исследование индоевропейских языков, считал Фортунатов, может быть только сравнительно-историческим. Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков рассматривалась им как часть общего языковедения. Задачу этой грамматики он видел в постепенном выделении человеческого языка. И в лекционных курсах 80-х годов Фортунатов (вслед за своим учителем Бодуэном) выдвинул важное методологическое требование — изучать сравнительную грамматику в неразрывной связи с историей конкретного языка.

В отличие от Бодуэна де Куртене, реальность существования индоевропейского праязыка у Фортунатова не вызвала никаких сомнений, и реконструкция этого праязыка он считал одной из актуальных задач компаративистики своего времени. Однако воссоздание индоевропейского праязыка Фортунатов понимает как один из этапов сравнительно-исторических исследований, а не как их конечную цель. Индоевропейский праязык представляет интерес для языковеда только лишь в исторической связи с теми языками, которые развились из него². Как и у младограмматиков, метод реконструкции у Фортунатова заключался в том, что при установлении и определении каждого звука, каждой формы индоевропейского праязыка проводится сопоставление с показателями всех индоевропейских языков как в прошлом, так и в настоящем.

Еще в 70-х годах XIX в. праязык представлялся исследователям единым, не расчлененным на диалекты. Фортунатов же считал, что лингвист постоянно должен иметь в виду диалектные различия внутри праязыка. Касаясь взаимоотношений отдельных языков внутри праязыка, Фортунатов признает существование индиранского и литво-славянского праязыков. Относительно всегда привлекавшего его внимание литво-славянского праязыка, он замечает, что этот праязык, как и любой другой, должен был иметь свои диалекты, а в них уже в зародыше могли существовать некоторые признаки, отличающие славянские языки от литовского.

По Фортунатову, самый древний этап существования индоевропейского праязыка развился на три периода: 1) сперва простейшим элементом был корень, 2) затем соединение двух или нескольких корней и наконец 3) соединение преобразовалось в одно целое.

¹ Говоря об индоевропейском праязыке, Фортунатов всегда имел в виду период, который предшествовал его распаду. В эту эпоху индоевропейский праязык не был, конечно, представленным языком, в нем было много гомогенности. Поэтому вполне естественно, что черта не могла не проявиться еще на пути взаимодействия и развития отдельных языков.

¹ См.: Богородицкий В. А. Этюды по таварскому и тюркскому языковедению. Казань, 1935, с. 134—135.

² См.: Погребенский В. К. Формы и Фортунатов, с. 17—19.

³ Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды, т. 1, с. 26.

Собственная история индоевропейского праязыка начинается для Фортунатова с того периода праиндоевропейской языковой общности, который непосредственно предшествует ее разделению на группы родственных языков. В индоевропейском праязыке в эпоху его распада Фортунатов выделял 15 гласных звуков, 3 гласных согласных, 4 носовых согласных, 4 заднеязычных согласных, 4 зубных, 3 губных согласных, 2 придыхательных звука ([h] и [γ]), 10 придыхательных согласных, 12 дифтонгов. Предположение существования минимальных фонетических различий в произношении гипотетических звуков индоевропейского праязыка составляло характерную особенность фортунатовского сравнительно-исторического метода. Фортунатов стремился воссоздать такую фонетическую структуру индоевропейского праязыка, которая характеризовалась бы многообразием различительных возможностей и разнообразной функциональной ролью входящих в нее звуков.

Многие ученые не принимали строгости Фортунатова в постановлении до мельчайших деталей звукового состава индоевропейского праязыка. Бодуэн де Куртене, например, считал большой методологической ошибкой желание Фортунатова «говаться за отоскиванием тонкостей произношения, свойственного этому праарийско-европейскому периоду или состоянию»¹ и характеризовал фортунатовские построения паутинкой и букажиной фонетики и и-й ступени. А между тем тщательное рассмотрение звуковой системы праязыка позволило Фортунатову выдвинуть интересные гипотезы в области индоевропейского вокализма.

Происходящие в языке звуковые изменения могли, по словам Фортунатова, зависеть и от ударения. Именно Фортунатову принадлежат классические исследования по индоевропейскому ударению, до него мало изученному. В своем общем виде ударение в индоевропейском праязыке было свободным, т. е. не зависело ни от места слова в данном слове, ни от различия в долготе и краткости отдельных слогов. По своей природе оно было выдыхательно-музыкальным.

Из вопроса индоевропейской фонетики, новое решение которого предложил Фортунатов, остановился лишь на некоторых. Фортунатов создал оригинальную теорию сонантов, которая расходилась с общепринятой в то время. Классическая теория сонантов исходила из того, что в качестве сонантов выступают звуки [i, u, r, l, m, n], они не выполняют слогообразующую функцию, когда стоящие рядом с ними гласные находятся под ударением, т. е. имеют полное образование («сильную ступень»). Когда же гласные, будучи неудареными, подвергаются редукции («слабая ступень»), то сонанты начинают выполнять слогообразующую функцию, приближаясь в этом случае к гласным звукам или совсем превращаясь в них. В последнем случае сонанты выступают и слогообразующей функцией и обозначаются [j, d, g, l, m, n]. Известные индоевропейцы Бругман и де Соссюр все без исключения слоговые сонанты приравнивали к глас-

ным. Фортунатов же полагал, что только сонанты [i] и [u] превращаются в слабой позиции в гласные, поэтому их можно назвать гласными сонантами. Остальные же сонанты, становясь в слабой позиции слогообразующими звуками, приближаясь к гласным, тем не менее не теряют полностью свойства согласных звуков и поэтому могут быть названы согласными сонантами. В соответствии с этим в сильной позиции Фортунатов различал дифтонги [ai] и [au] и дифтонгические сонанты, т. е. сочетания гласных с согласными сонантами. Кроме того, Фортунатов признавал существование в индоевропейском праязыке долгих сонантов безотносительно к их позиции в слове, в то время как, например, де Соссюр признавал наличие долгих сонантов только в слабой позиции. Разными были их взгляды и на причины появления долгих сонантов. Советские исследователи указывали, что фортунатовская теория сонантов поднимала большой вопрос о существовании в индоевропейском праязыке разветвленной системы чередований согласных наряду с чередованием гласных².

В статье «Индоевропейские плавные согласные в древнеиндийском языке» (1881) Фортунатов обратил внимание на изменение «[i] + зубной» в церебральный звук. Это изменение получило название закона Фортунатова. Языковеды (А. Шлейхер, Г. Курциус и др.) считали, что в индоевропейском праязыке звука [i] не было и в ряде индоевропейских языков этот звук появился позднее. Фортунатов же доказал, что церебральный звук образовался из сочетания «[i] + зубной». Например, в древнеиндийском языке есть слово *hī-ṛāḥ* — «золото» (точка под звуком обозначает его церебральное произношение); этому слову в готском языке соответствует слово *gair* в том же значении, т. е. [i] соответствует [i + межзубной r]. Фортунатов приводит большой фактический материал для подтверждения своего положения. Закон Фортунатова признали большинство европейских языковедов, которые говорили, что этот закон позволял объяснить ряд слов с неясной этимологией.

Де Соссюр отмечал, что в 1878 г. Фортунатов выдвинул новую и оригинальную для своего времени идею о том, что между некоторыми явлениями таких индоевропейских языков, как санскрит, греческий, латинский, и исторической литовского языка существуют определенные отношения³. В работах, посвященных вновь созданной им дисциплине исторической акцентологии индоевропейских языков («О сравнительной акцентологии литово-славянских языков» (1880), «Об ударении и долготе в балтийских языках» (1895)), Фортунатов устанавливает закон, согласно которому литовским дифтонгическим сочетаниям [i, u] (с рижумфлакской интонацией) в древнеиндийском соответствует [i], выходящее в праиндоевропейском к кратким слоговым сонантам [i] и [u], а тем же литовским дифтонгическим сочетаниям с акутовой интонацией [i, u] в древнеиндийском соот-

¹ См.: Бодуэн де Куртене И. А. Избр. труды по общему языковедению, т. 1, с. 256—257.

² См.: Калмалесен С. А. Теория сонантов Ф. Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных. — Вестн. ливонского ун-та, 1954, № 6.

³ См.: Saussure F. de. A propos de l'accentuation lituanienne. — Revue de publications scientifiques, Heidelberg, 1922, p. 495.

ветствуют [i, i:] из общендоевропейских долгих слоговых сонантов [i:] и [i:]. Например, лат. *aiāka* — 'волк' соответствует др.-инд. *aiā* с тем же значением, а лат. *aiāla* — 'полюный' соответствует др.-инд. *aiāla*. Из этого закона Фортунатов сделал ряд важных выводов для сравнительно-исторической фонетики: 1) выявилось новое фонетическое соответствие между родственными языками, свидетельствующее об их общем родстве этих языков; 2) установлено существование двух видов долгот (длительной и прерывистой) для индоевропейского праязыка; 3) подтвердилась гипотеза о существовании долгих слоговых сонантов в индоевропейском праязыке; 4) так как в сфере исследования наряду с санскритом, греческим, латинским включился литовский язык, сохранивший древнейшие формы праиндоевропейской языковой общности, определено отношение литовского языка к другим индоевропейским языкам¹.

Фортунатову, наконец, принадлежит формулировка закона о перемещении ударения от начала к концу слова в славянских и балтийских языках. Различные по месту ударения объясняется тем, что: 1) в индоевропейских языках за ударным слогом следовал слог с долгим гласным (ср.: санскр. *bhāyāmi*, греч. *χέρω*, русск. *беру* < общесл. **berō*); 2) долгота гласных различается в зависимости от мелодики, высоты тона: одна из разновидностей долготы — длительная долгота — связана с ровным музыкальным тоном (ср.: общесл. **tonkā* — *gōkām*, русск. *рука* — *рѹка*); 3) в период балто-славянской общности длительная долгота принимала на себя ударение, если предшествовавший слог не имел длительной долготы. Иногда этот закон неправильно называют законом Фортунатова — Соссюра. Закон был почти одновременно открыт двумя выдающимися лингвистами, однако Фортунатов относил его действие к балто-славянской эпохе, а де Соссюр ограничивал действие закона только литовским языком.

Если Бодуэн де Куртене говорил вообще о необходимости установления последовательности в развитии языков и выделения различных эпох, иначе говоря, об установлении относительной хронологии, то Фортунатов конкретно пытался определить также эпохи. Он предлагает следующую хронологию исторического развития: 1) эпоха индоевропейского праязыка; 2) эпоха балто-славянской; 3) эпоха праславянской; 4) эпоха параллельного развития южной, западной и восточнославянских языков; 5) эпоха, непосредственно предшествующая распаду славянских языков на крупные диалектные группы; 6) эпоха обособления отдельных славянских языков; 7) период развития диалектных особенностей в том или ином славянском языке.

Характеризуя особенности сравнительно-исторического метода Фортунатова, Б. М. Личнев писал: «... не ошибусь, если скажу, что существенным в нем [методе Фортунатова. — Ф. Б.] нужно при-

¹ Бороздинский не согласился с выводом Фортунатова о существовании в индоевропейском праязыке долгих сонантов и двух долгот. Однако А. Асхис и другие немецкие лингвисты воспользовались открытиями Фортунатова и разносторонне и в том направлении, в каком указал Фортунатов, применительно к греческому, латинскому и другим языкам.

знать стремление фонетические явления новых наречий объяснить на фонетических вариантах уже праязыка, который искони уже, несомненно, дробился на говоры, и не представлял идеального единства, возможного лишь в языке одного человека; к этому присоединить необходимо, как существенное свойство его метода, также детальное исследование всех условий возникновения каждого фонетического явления». Фортунатовское направление сравнительно-исторических исследований определяло в русском языковедении строго обоснованное, широко поставленное сравнительное изучение языков при глубоком внимании к истории их развития на материале исторически засвидетельствованных памятников.

Если вспомнить, что еще в середине 50-х годов в русской науке была распространена теория о двух периодах в жизни языка, грамматические категории отождествлялись с логическими, то нельзя не поражаться тому, каких колоссальных успехов достигло русское языковедение за 20—30 лет. В центре внимания сравнительно-исторического языковедения в конце XIX в. находится не столько систематика языковых явлений и находки соответствий в различных индоевропейских языках, сколько попытка воссоздать звуковой состав индоевропейского праязыка и его последовательном развитии, стремление выяснить функционирование различных вариантов того или иного звука в разных окружениях. В сферу анализа вовлекается историческое развитие родственных языков с выявлением общих и различных признаков в этих языках. Зарождается совершенно новая отрасль языковедения — типологическое изучение языков, направленное на выявление общих и различных признаков как в родственных, так и в равносистемных языках в области фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики. При всем этом детально полно учитывалась история народов, говоривших на обособившихся индоевропейских языках, сложность и длительность процессов дифференциации и интеграции языков, сложные и многообразные отношения и связи, существовавшие между обособившимися языками.

¹ Личнев Б. М. Реч. на кн.: А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. — Зап. Харьковского ун-та, 1894, т. 4, с. 6.

Грамматические взгляды А. А. Потебни и Ф. Ф. Фортунатова

Вышедший в 1858 г. «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева подводит итог предшествующему развитию русской грамматической мысли. Работа представляла собой не собрание отдельных рубрик со множеством правил и исключений (как обычно строились грамматики), а связный очерк грамматических категорий, форм и конструкций русского языка в их историческом освещении. Основанный на критическом анализе фактов древнерусского языка, авторитетных памятников XVIII—XIX вв., на данных диалектов, эта Грамматика поразила обилием материала, предлагала новые принципы его анализа. Однако в Грамматике были противоречия в определении соотношения логических и грамматических категорий. Поэтому период 60—70-х годов XIX в. характеризуется развитием критического отношения к основным положениям логической грамматики и постановкой основных проблем русской грамматической теории. А. А. Потебня подверг сокрушительной критике логико-грамматические построения Буслаева. Он заявил, что та направление в грамматике, которое произвело такую путаницу и в котором принадлежал труд Буслаева, не может быть названо логико-грамматическим в силу его априорности и нежелания считаться с фактами языка. Потебня постоянно подчеркивает, что грамматическое предположение не тождественно логическому суждению. Хотя термин «подлежащее» и «сказуемое» взяты из логики и одинаковы с названиями членов предложения, но значения этих названий в логике и грамматике различны. Категории предмета и его признака, считает Потебня, не нужны логике, и уж совсем нельзя выводить на логику такие предложения, как определение, дополнение, обстоятельство. Индивидуальные различия языков не могут быть учтены логической грамматикой, потому что логические категории не отражают специфических особенностей конкретного языка. Исходя из этого Потебня приходит к выводу: «Языковедение, и в частности грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какава-либо из прочих наук»¹.

¹ Цит. по изд.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. 1, 2.

Потебня критикует грамматическую концепцию Буслаева за двойственность, за сбивчивость в разграничении второстепенных членов предложения, за нечеткость в определении частей речи. Отрицательно относится к изданной В. Гумбольдтом и переведенной Буслаевым теории о двух периодах в жизни языка — периоде развития форм и периоде их разрушения. Потебня в качестве основного признака принимает непрерывного изменения языков. По его мнению, разделение форм на этимологические (т. е. морфологические) и синтаксические в Грамматике Буслаева выражено ошибочно и показательно ошибочно. Отвергая антиисторическое представление о том, что все языки с течением времени теряют или искажают этимологические формы и что недостаток их восполняется синтаксическими формами, отвлеченно-логическими, что позднейший синтаксис основывается не на первоначальной этимологической форме, а на отвлеченной покаянии, но выражаемой, Потебня выдвигает тезис о том, что этимология и синтаксис относятся друг к другу как история и настоящее современного состояния языка, когда последнее объясняется первым. Потебня, таким образом, исходит из неразделимости этимологии и синтаксиса. Вообще из буслаевского мнения о смене господства этимологии господством синтаксиса, утверждает Потебня, нельзя вывести ничего, кроме сухих фактов, лежащих в его основании, именно что: а) звуковые элементы отдельных форм с течением времени стираются; б) формы, как значения, сменяются другими; в) эти последние могут состоять более чем из одного слова и не составляют звукового единства». «Противоположности этимологии синтаксису, — полагает Потебня, — есть лишь неудачное преобразование другой противоположности создания и падения форм, или создания и употребления форм».

Потебня не разделяет и убеждения Буслаева в том, что на высшей ступени развития синтаксические формы приобретают большую логическую отвлеченность и сложность. Он считает, что в слове и помощью отвлеченного значения можно сознать и сравнительно конкретное значение, а не только наоборот. Сравнение грамматических форм между собой относительно их отвлеченности покажет различие в степени, если еще покажет, а не коренное различие.

Антиисторичной и ошибочной представляется Потебне в теории о падении и ужении форм в языке. Он справедливо утверждает, что число форм в разных периодах развития языка не сбавляется и поэтому трудно говорить об их уменьшении или увеличении. Кроме того, существование описательных (аналитических) языковых форм отнюдь не является признаком уменьшения формальности. Всякая описательная форма, возникшая в языке после простой, предполагает уже сложную, составную структуру. В рассуждениях Потебни по-прежнему ставится вопрос о соотношении этимологических (морфологических) и синтаксических форм, т. е. в соотношении морфологии и синтаксиса, и намечаются задачи описательной грамматики русского языка.

Несогласен Потебня и с некоторыми синтаксическими выводами Буслаева. Так, утверждение о второстепенных членах предложения,

основанное на противопоставлении синтаксического употребления и значения, представляется Потебне неинтуитивным. Определенные Буславским значения по вопросам (ср.: человек *дожилых лет* — какой человек? — *дожилый человек*) ведет к смешению определительных и обстоятельственных слов и, по мнению Потебни, ничего общего не имеет с выявлением грамматической функции слов. Так, определение дополнения «по значению», а не по грамматической функции ведет к смешению дополнения с подлежащим, особенно в страдательных оборотах и безличных предложениях.

Не находила подтверждения в русском языке и буславская система трех второстепенных членов предложения — определения, дополнения и обстоятельства.

Буславское учение о сокращении предложений также, по мнению Потебни, свиряется на ложную гипотезу, будто глагольный строй предложения предшествует иероглифическому — более отвлеченному и полному. В современной лингвистике принята потебнинская концепция, по которой глагольный тип предложения сформировался позднее именного.

Критикуя Буславца как представителя лингвистического догматизма, запутавшегося в противоречиях логико-грамматического подхода к языку, Потебня вместе с тем отрицательно относился и к разпространенному в то время определению предложения как психологического суждения: «Кто определял бы предложение, например русского языка, как словесное выражение психологического суждения, сказал бы так же мало, как тот, который бы определял Сократа как особь зоологического вида *homo sapiens* или выписки государя, церковь и т. п. как человеческое стадо. (...) Внимание останавливается преимущественно на таких чертах предложения, которые в течение веков и тысячелетий кажутся неизменными, и таким образом возникает определение, одинаковое для многих периодов даже не одного языка, а многих».

Психологическое определение предложения представлялось Потебне бесподдержательным, потому что 1) оно мало чем отличается от логического и 2) игнорировало момент исторического развития предложения. Отход от психологизма, равно как и логизма, в определении предложения Потебня видел в поисках чисто грамматического подхода к изучению специфики предложения. Определенное значение грамматических категорий в истории и умственной деятельности народов, Потебня считал, что, «отвечая на вопрос о причинах такой-то формы нашего языка, нельзя миновать указания на образующие и образующие формы языка, каковы слово, предложение, часть речи; ибо эти формы различны, смотря по языку и в порядке, делится и распределяется все мыслящее, входящее до познания сознания»¹.

Именно формы языка — слово, предложение, часть речи — Потебня и делает предметом своих грамматических исследований применительно к русскому языку. Следуя Гумбольдту, Потебня признает предложение основной грамматической и структурно-смы-

словой единицей языка. Предложение представляет собой грамматическую структуру, в которой «кроме формы нет ничего» (содержание предложения не составляет предмета грамматического изучения). Существенный признак предложения Потебня видит в наличии в нем частей речи: если их нет, то нет и предложения. Это обстоятельство является еще одним аргументом в доказательство того, почему нельзя определять предложение с логической точки зрения: ведь на выявляя суждения нельзя вывести части речи. Основным и необходимым элементом предложения является предикативность, под которой Потебня понимает способность сказуемого соединиться с подлежащим для образования предложения. Предложение всегда двучленно: в нем необходимы подлежащее и сказуемое. Главным носителем предикативности на членов предложения является сказуемое, из частей речи — глагол. Потебня утверждает, что во флективных языках, имеющих ярко выраженную формальную структуру, главное, независимое предложение невозможно (...) без *verbum finitum* (т. е. глагола в тесном смысле, без причисления к нему причастных форм); что само по себе *vb. finitum* составляет предложение. Подлежащее в предложении может отсутствовать, сказуемое же — никогда. Ученый Потебни Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал впоследствии, что Потебня считал предложениями без подлежащего не только такие предложения, как *Сестра, Тошнит*, но и такие, как *Я сказал*, потому что я в данном случае — только замена отсутствующего окончания в глаголе (если же ударение падает на я, то местоимение уже не служит заместителем личного окончания, а указывает на действующее лицо). По поводу взаимоотношений личного окончания и личного местоимения Потебня пишет, что они представляют собой «непрерывные составные части личного глагола. Без них нет глагола, стало быть, нет сказуемого».

Из указания на предикативность как на ядро предложения Потебня делает вывод о том, что только сказуемое как член предложения и глагол как часть речи определяются самостоятельно. Остальные части речи определяются по их связи с глаголом, а члены предложения — по связи со сказуемым, т. е. по синтаксической функции. Исходя из этого понятия оцифрованное отношение Потебни к приему выделения членов предложения на основании внутренних смысловых отношений между составными частями предложения. Поэтому Потебня резко высказывается против традиционного деления членов предложения на главные и второстепенные, как объясняющие и дополняющие. Выступая против отождествления подлежащего как формы именительного падежа с «предметом, о котором говорится», Потебня заявляет, что «всякая знаменательная часть речи может быть, смотря по контексту, предметом, о котором говорится в предложении». Рассматривая также второстепенные члены предложения, как дополнение, определение, обстоятельство, Потебня считает, что с синтаксической точки зрения следовало бы точно определить, что значит быть объясняющим, дополняемым и объяснять, дополнять.

Деление второстепенных членов предложения только по значению не основано на наблюдениях над языком. Под значением Потебня

¹ Потебня А. А. Из вступок по русской грамматике, т. 3, с. 543.

понимал нечто неграмматическое и даже вовсе неязыковое, т. е. априори-логическое содержание слова. В самом деле, критикуя Буслаева за ориентацию на значение, определяемое с помощью вопросов (какой? чей? сколько? куда? и т. п.), Потебня подгадет, что это ведет к явному пренебрежению грамматическими формами и к отождествлению самых различных грамматических явлений. Например, какой? есть вопрос о качестве независимо от грамматической формы (мороз *мерз* тридцать *чрезмерный*, король с тележкой — *слезься* и т. д.). Если характеризовать дополнения по значению, то можно дополнение спутать с подлежащим и признать, что подлежащее может быть выражено косвенными падежами. Так, Буслаев считает, что при безличном сказуемом действующее лицо обозначается различными косвенными падежами, а именно: личным предложением именительный подлежащего (мне думается — я думаю, несколько мест — гости наехали). Потебня замечает, что вот никаких оснований думать, будто косвенные падежи имеют какое-то «право наследства на значение подлежащего». Схожим образом сочетаний мне думается и я думаю он объясняет тем, что «они безразличны по отношению к известной абстракции, каково, например, логическое подлежащее». На основе только значения, считает Потебня, столь же трудно отделить дополнение от обстоятельства. Неясно, например, почему форма винительного падежа в сочетании с глаголом *вино* есть дополнение, а в сочетании с глаголом *вино* — обстоятельство меры?

Определение второстепенных членов предложения только по значению представляется Потебне несостоятельным. Также и одно только синтаксическое употребление (в буслаевском понимании) не может привести к точному разграничению второстепенных членов предложения. Например, куда откати определение, которое бывает и при существительном (*бедный человек*), и при глаголе (*остался беден*). Потебня считает, что оно входит в состав сказуемого. В сочетании такой добрый слово текет выступает как определение к определенному. Еще непонятнее с точки зрения синтаксического употребления обстоят дело с обстоятельными словами, которые не находятся ни в какой связи с другими членами предложения. А это, возможно, и слова в сочетании очень добрый находятся в невидимой связи, которую Потебня козано назвал призыванием.

Априори-анализский подход Буслаева при выделении членов предложения, по мнению Потебни, привнес лишь путаницу в синтаксис. Основу для правильного понимания второстепенных членов предложения Потебня видит в синтезе их значения и синтаксического употребления. Он подходит к новому пониманию грамматической природы членов предложения: «Значение слов, как членов предложения, формально и, как таковое, складывается в синтаксическом употреблении, есть само это употребление». И более того, как бы ни определялись второстепенные члены предложения, или связанные с частями речи. Это значит, что невозможно познать грамматическую структуру предложения без понятия второстепенных членов предложения и частей речи, ибо первое предполагает учет синтаксического употребления, а второе — левико-морфологиче-

ские средства выражения. (До Потебни русская грамматическая традиция не рассматривала синтаксические и левико-морфологические средства как эквивалентные друг другу.)

Потебня обращает большое внимание на анализ частей речи, «общих разрядов, называемых грамматическими категориями», связывая части речи с понятием грамматической формы. Он исходит из того, что грамматические категории и части речи следует рассматривать как рубрики, по которым классифицируются мысли представления как раздельные акты мысли. Говорить на формальном языке (формальным Потебня считал флективный язык) означает, по мнению Потебни, систематизировать свои мысли, распределяя их по известным отделам или разрядам слов. Именно отнесенность слова к такому разряду определяет роль слова в речи, его взаимоотношение к другим словам, его грамматическую форму, или формальность. Формальность Потебня определяет как существование в языке общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка, одновременно со своим появлением и мысли. Формальность свойственна всем языкам, независимо от того, имеют ли они грамматическую форму или нет. Эти общие разряды, или формальные категории, языка совсем не совпадают с логическими категориями мышления. Грамматических категорий несравненно больше, чем логических. Грамматические категории, образующие грамматический строй языка, различаются по именам и определяют их национальное своеобразие.

Понятие грамматической формы занимает чрезвычайно важное место в грамматических взглядах Потебни. Оно охватывает не только слово, но и предложение. Уже простейшее предложение, замечает Потебня, включает в себе грамматическую форму. Предложение появляется в языке вместе с грамматической формой, и оно грамматически оформлено. Грамматические формы и категории не только возникают и изменяются в предложении, но организуют и изменяют само предложение. Если предложение представляет собой сложный продукт языкового синтеза, то и грамматические категории, будучи тоже результатом синтеза, в то же время «имеют синтез своей грамматической функцией». Образование и возникновение грамматических форм, составляющих формальное (грамматическое) содержание предложения, есть «другое название для изменения самого предложения, т. е. того ближайшего целого, в коем совершается жизнь этих форм».

Грамматическая форма выступает как элемент значения слова и однородна с его вещественным значением. Потебня свое понимание грамматической формы основывает на семантике, неоднократно подчеркивая, что грамматическая форма со времени своего появления и во все последующие периоды развития языка есть значение, а не звук. Хотя звук и входит составным элементом в понятие грамматической формы, но форму потому уже нельзя смешивать с именным знаком (звуком), что она прежде всего есть значение. Обсуждая вопрос о том, «во чем узнается присутствие грамматической формы в данном слове», Потебня доказывает, что одно наименование звука не может свидетельствовать о появлении новой грамматиче-

ской формы, но это не значит, что грамматическая форма отсутствует. Само отсутствие звукового выражения формы может восприниматься как форма. (Выдвигая это положение, Потебня предвосхищает выводы И. А. Болузна де Куртене, Ф. Ф. Фортунатова, Ф. де Соссюра о существовании в языке нулевой, или отрицательной, формы.)

Потебня объединяет грамматические формы и язык в стройную целостную систему. Он полагает, что решить вопрос о значении данной формы или ее отсутствии можно только тогда, когда возможно связать эту форму с остальными формами данного языкового строя, связать таким образом, чтобы по одной форме можно было заключить о свойстве, если не всех, то многих форм. Раз грамматическая категория с присущими ей грамматическими формами входит в систему форм, составляет элемент этой системы, то «она поддается для распознавания другим, более тонким средством, нежели анализом места [разрядка наша.—Ф. Б.], которое занимает слова в целом, будет ли это целое речью или схемой формы». Понятие системности грамматических форм было тем новым, что внес Потебня в понимание грамматической структуры русского языка.

Грамматические формы и категории, согласно учению Потебни, связаны с грамматическим строем языка, со всей его семантической структурой. «...Нет формы,— утверждает Потебня,— присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке». Он подчеркивает, что слова, которые по внешности, по своему морфологическому составу кажутся бесформенными, в действительности имеют совершенно определенную грамматическую функцию в предложении. Например, в русском языке у слов мужского рода, принадлежащих к категории неодушевленных, формы именительного и винительного падежей совпадают. Но это не значит, что в сознании исчезла разница между падежом субъекта и падежом прямого объекта. Мысль в формальном языке, продолжает развивать свое положение Потебня, никогда не разрывает связи с грамматическими формами: удаляясь от одной, она в то же время создает другую. Грамматическая форма всегда узнается по синтаксическим отношениям.

Таким образом, утверждая, что грамматические формы могут характеризоваться не только формальными (морфологическими) элементами, но и синтаксическими связями, Потебня считает грамматическую форму по крайней мере семантико-синтаксическим. Вместе с тем он подчеркивает структурную спаянность лексических и грамматических форм. Указывая, что связь между отдельными явлениями языка гораздо теснее, чем кажется на первый взгляд, Потебня признает взаимосвязь лексических значений и грамматических форм. При функционировании слова лексическое (вещественное) и формальное значения слова теснейшим образом связаны между собой, поскольку, взятые вместе, они составляют один акт мысли. Эти значения мы разделяем только тогда, когда слово становится предметом исследования. В речи они едины. Стараться понимать форму саму по себе, в отрыве от лексического значения и синтак-

сического употребления значит «создавать невыполнимые в действительности и непреодолимые затруднения». Лексические значения слова, хотя и не находятся в непосредственной зависимости от грамматической формы, но могут влиять на нее.

Необходимо отметить, что Потебня (как позднее Фортунатов) вводит понятие противопоставленности, различия для определения грамматической формы: «Когда говорю я кончал, то совершенность этого глагола сказывается или не непосредственно звуковым его составом, а тем, что в моем языке есть другая подобная форма кончал, имеющая значение несовершенное». (Немного позднее противопоставление для выявления специфических свойств того или иного явления языка на фонетическом уровне было использовано Болузом де Куртене.)

Грамматическая форма, по Потебне, категория историческая. С изменением грамматических категорий меняется и то целое, в котором они возникают и изменяются, а именно предложение; как изменяется предложение, так изменяется и форма. В современных языках изменение грамматической формы идет в двух направлениях: 1) отдельная грамматическая форма может превращаться в другую и 2) «грамматическая форма неизбежно входит в строй языка, делаящий и основывая последующий строй, но сама может исчезать, не оставляя непосредственно остатка в другой форме».

Следует И. И. Срезневскому, Потебня выдвинул идею о том, что в синхронном состоянии язык представляет собой не однородное явление, а совокупность разных по времени появления языковых фактов.

Потебня отрицает многозначность слова, считая, что всякое изменение в значении слова рождает новое слово, т. е. утверждает господство омоимии в языке. И при анализе грамматических форм ни не может избежать субъективизма. Количество форм определяется количеством формальных оттенков значения. Истинное понимание формы — это понимание ее в речи, где она каждый раз имеет одно значение. Поэтому, например, «высшее особое употребление творительного есть новый падеж, так что, собственно, у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного». Таким образом, отрицая многозначность и лексическом плане, Потебня отрицал ее и в грамматическом плане, не отличая многозначности формы от омоимичности грамматических форм. Кроме того, он не различал форм словосложения (или формообразования) и словообразования. Формы словообразования и словосложения для Потебни совпадали, так как всякое видоизменение слова представлялось ему новым словом.

Разработавшее Потебней понятие грамматической формы и грамматической категории позволило ему создать на основе выделяемых им признаков вещественности и формальности оригинальное учение о частях речи. В составе частей речи Потебня выделяет знаменательные и формальные слова. Знаменательные слова он рассматривает как вещественные слова, в которых лексическое содержание осложняется их грамматическим значением. К знамена-

только словая Потебни отныне существительные, глаголы, прилагательные, наречия. Формальные части речи служат только указательными функцией слов и предложения; они являются в себя только предлоги, частицы и многоглагольные глаголы. Потебня обозначает также существование неформальных частей речи, к которым относят вспомогательные и местоимения. Число есть одно из многих отвлечений, но вспомогательное не есть слово формальное. А местоимения обозначают не отношения и связи, а наличие и восприятие, но обозначают их посредством не признака, а отобранных говорящего (т. е. не качественно, а указательно). Что же касается личных местоимений, то они, смотря по отсутствию или наличию в языке грамматических форм, могут быть или только действительно (связательными) словами, или действительно-формальными (как указательные *тот, этот*), или чисто-формальными.

Существительное, будучи результатом сложной работы мысли, абстрагирующей действительность мышления, является высшим проявлением отвлеченности. Вещественное значение существительного началось в процессе исторического развития. Первоначально существительное выражало признак, заключенный, данный в чем-то определенном для мысли. Существительное на более позднем историческом этапе Потебня определяет как грамматическое название вещи — субстанции, субъекта или объекта.

Существительные и прилагательные выделялись из одной и той же категории имени, поэтому между ними много общего; оба они выражают признак. Разницу между определенными существительными и определенными прилагательными (*бой-баба, рубашка-карман* и т. п.) Потебня усматривает в том, что в существительном признаке не прямо приписывается какому-то предмету, а через посредство другого предмета. Прилагательное он определяет как признак, данный в вещи. Когда мы говорим *солнце*, то имеем в виду, что признак находится в предмете. Но прилагательное обозначает не только признак. Если мы будем довольствоваться определенным прилагательным только как признаком, с иронией замечает Потебня, то станем на точку зрения недоросля, согласно которой слово *дурак* прилагательное, потому что прилагается к главному человеку. Кроме признака прилагательное обозначает еще и качество, как относительное (*отдох, отдохский*), так и безотносительное (*белый*).

Потебня различает прилагательные атрибутивные (*белый снег*) и предикативные (*бухта белая*). Для большей наглядности различие между существительным и прилагательным Потебня иллюстрирует различием между предложением, состоящим из подлежащего и сказуемого, и предложением без подлежащего, с одним сказуемым. В последнем случае и сказуемое обозначено отношением к подлежащему, но само подлежащее не мыслится. Так и в прилагательном (*белый, бел*) мыслится то, что признак находится в чем-либо, но само это нечто со своим содержанием не мыслится.

Буслаев считал, что глагол обозначает просто действие. По Потебне, глагол обозначает не действие, а «неразложенное» восприятие, совокупность предмета и действия. Глагол изображает признак

во времени его возникновения от действующего лица и одновременно — отношении к этому лицу. Потебня делает смелую попытку объединить глагол, союз и относительное местоимение по собственной этим частям речи синтаксической функции: «Эти части речи, будучи, подобно всем остальным, следствием синтеза, в то же время в большей мере, чем остальные, имеют синтез своего грамматического функционирования. Глагол создает предложение, союз и местоимение относително связывают предложения в высшие и более сложные единицы». Глагол, таким образом, выступает у Потебни как организационная основа предложения и как главное оружие речевого синтеза¹.

Различие между именем и глаголом Потебня видит не в их формальном выражении, т. е. не в содержании, а в смысле представления этого содержания. С точки зрения своей структуры глагол состоит из вещественной и формальной частей. Как большинство лингвистов того времени, Потебня поддерживает теорию агглютинации петербургского лингвиста Ф. Вольфа, согласно которой глагольные окончания происходят из полновзначных слов. Лирические окончания глаголов, считает Потебня, образовались из указательных слов, имеющих вещественное значение.

Причастие Потебня рассматривает как такую часть речи, в которой наблюдается смешение глагольных категорий вида, времени и форм глагольного управления со свойствами прилагательного. Причастие есть обособленная часть речи, обособившаяся за выделением категорий существительного и прилагательного.

В выделении наречия как обособительства, под которым понимается признак, связанный с другими признаками, проявляется характерное для Потебни стремление выявлять часть речи в связи с другими. С категорией наречия связываются Потебней и формы сравнительной степени. Что касается происхождения наречий, то они образуются из сказуемых, предполагающих сочетание слова (*чуть жив, почти здоров*), либо из имени существительного или местоимения.

В синтаксисе частей речи Потебней включается и инфинитив, который есть не имя (в частности, существительное), а особая часть речи. Специфика инфинитива заключается в том, что он выступает как имя в морфологическом и род глагола в синтаксическом отношении. Выделение инфинитива в самостоятельную часть речи связано с тем, что Потебня, преувеличивая значение омоформ в языке, придала отдельным формам самостоятельное значение.

Давая общую оценку грамматическим взглядам Потебни акад. В. В. Виноградов писал: «Грамматическая система Потебни была обращена, в основном, к прозаичному. Она ярко рисовала ступени развития синтаксического строя славянских (и шире: индоевропейских) языков, изображала гениально и отчасти историко-разные грамматические категории, охватывая, впрочем, главным образом лишь разви-

¹ В советской лингвистике (Н. С. Педерсон) отмечалась важность указания Потебней на функцию союзов и относительных местоимений как средств синтаксической объединения более сложных синтаксических образований — «сферафразных единиц», или «синтаксических единиц».

тие глагольного типа предложения, выделению глагола (преимущественно словных или оксидативных форм времени), и отягости имени существительного и прилагательного... Для создания полноты описательного синтаксиса одновременно русского языка грамматическая концепция Потебни была мало приспособлена¹. Эта «неприспособленность» объясняется тем, что Потебня подходил к рассмотрению частей речи и современной состоянии русского языка с точки зрения их генезиса. Поскольку части речи у Потебни входят в состав предложения и формируют его, то вполне естественно, что историчность частей речи определяет историю предложения, куда они входят. Сравнением грамматических категорий выясняется и предложение. История языка, взятого на значительном протяжении во времени, должна давать ряд определений предложения. Сам Потебня ограничился минимальным определением предложения — обязательное наличие глагола в полном смысле слова, без причисления к нему глагольных форм.

Грамматикты не уставали искать то основное понятие, которое в чисто лингвистическом плане, без ориентации на логику или психологию, позволяло бы установить основную единицу синтаксиса русского языка. В 80—90-х годах XIX в. такую единицу назвал Ф. Ф. Фортунатов; его учение о словосочетании оказало значительное влияние на дальнейшее развитие синтаксической теории.

Понятие грамматической формы привлекало внимание русских языковедов прежде всего потому, что оно дало возможность на чисто грамматической основе определить задачи грамматики и ее объем. Фортунатов рассмотрел грамматическую сторону языка и начал с определения слова — этой важнейшей единицы языка. Язык, говорит Фортунатов, состоит из слов, а словами являются звуки речи как знаки для нашего мышления, используемые для выражения наших мыслей и чувств. Он стремился отграничить слово от его составных частей и от словосочетания.

В основу определения слова как единственного лингвистического понятия, отраженного в языке, Фортунатов кладет единственность значения. Он определяет слово как всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющийся словом. Фортунатов устанавливает три класса слов — полные, частичные и междометия. Полные слова обозначают предметы или и называют либо части предложения, либо целые предложения. Например, док, или, жарко — это полные слова, причем два последних слова могут образовывать целые предложения. Частичные слова подразделяются на слова-названия и слова-местоимения. Полные слова как главы знаменательные противопоставлены частичным словам, к которым относятся предлоги, союзы, связки, указательные слова, отрицания, вопросительные слова, вводные слова и т. п. Частичные слова способны быть частями (членами) предложения. Значения частичных слов, по Фортунатову, не существуют отдельно от значений полных слов. И наконец, междометия «представ-

ляют собой звуки языка, принадлежащие речи не как выражению мысли, но как выражению чувствования, испытываемых говорящим»².

Классификация слов на три большие группы связана с отрицательным отношением Фортунатова к общепринятой теории частей речи, которая, по его мнению, выкатилась и впоследствии была, по-прежнему смешивает грамматические и неграмматические классы слов. Теория частей речи не может иметь научного значения, и Фортунатов противопоставляет ей свою теорию формальных классов слов.

Проблема формы слова занимала Фортунатова на всем протяжении его научной деятельности. Он утверждал, что в индоевропейских языках слово есть форма, которая выражает одно или несколько значений. Слово, док, например, содержит в себе и определенное содержание (лексическое значение), и форму для выражения тех отношений, по которым оно называется и грамматичнее именем существительным и именительном падеже. Форму он устанавливал там, где она формально выражена. Иметь форму могут только полные слова. «Формой отдельных слов в собственном значении этого термина, — пишет Фортунатов, — называется... способность отдельных слов выделиться из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова». Под формальной принадлежностью понимается такая принадлежность звуковой стороны слова, которая индифферентна значению основной принадлежности, т. е. основы слова. Следовательно, формальная принадлежность — это какой-либо аффикс. Отсюда следует другое определение формы: «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой»³.

В учении Фортунатова о форме слова необходимо отметить два момента. Во-первых, в отличие от Потебни, установившего форму слова на историческом плане, Фортунатов всегда подчеркивал, что форма слова — это результат живых соотношений, существующих в данном языке в данную эпоху. Во-вторых, Фортунатов отмечает абстрактный характер и системность форм слова: «...всякая форма в слове является общей для слов с различными основами и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т. е. предполагает существование другой формы, с другой формальной принадлежностью, но с теми же основами слов, т. е. с теми же основными принадлежностями». Это положение одновременно указывает и на путь, по которому устанавливаются формы слова. Например, слово *ветер* в русском языке содержит в себе форму *-р*, общую для основ *вет-р*, *бер-р* и т. п., и одна и та же основа имеет различные формальные принадлежности (*ср.* *вет-р* — *вет-ер* — *вет-ер*).

Кроме того, Фортунатов выдвигает идею последовательного выделения формальных принадлежностей. Например, слова *беленный*, *красильный* имеют формальную принадлежность, общую со словами *белый*, *красный*. Основные принадлежности этих слов *белен-*

¹ Цит. по кат. Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М., 1936—1937, т. 1—2.

² Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции 1899—1900 гг. М., 1900, с. 83.

³ Высокосов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса, с. 354.

краскемь» — в то же время сами представляют собой формы, т. е. выделяются формальными принадлежностями *бел-, краск-*.

Форма слова может быть не только положительной (иметь звуковое выражение), но и отрицательной (не иметь звукового выражения). Фортунатов говорит, что «самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само сознаваться говорящим как формальная принадлежность этого слова (...) по отношению к другой форме или другим формам, где известны положительные формальные принадлежности (...)». Например, в русском языке слова *дом, человек* заключают в себе известную форму, называемую именительным падежом, причем формальной принадлежностью к данной форме является самое отсутствие в них какой-либо положительной формальной принадлежности, которая проявляется в словах *дом-а, человек-а*. Отсутствие формальной принадлежности, по мнению Фортунатова, также выполняет в языке определенную функцию — показывает отношение этого слова к другим словам.

Слово может заключать в себе несколько форм, и в то же время могут быть отдельные полные слова, которые не имеют никаких форм. Фортунатов различает два вида форм отдельных полных слов в зависимости от того, выступают ли они как знаки отдельных предметов или обозначают отношения между предметами. Соответственно с этим устанавливаются формы словообразования («формы предметов мысли») и формы словосочленения («формы слов в предложении»), обозначающие отношения между предметной мыслью.

Формы словообразования, в свою очередь, делятся на две группы. В первую входят формы, обозначающие различие в признаке какого-либо предмета мысли: например, различие в количестве (ср. *волок — волок-и*, т. е. формы числа у существительных), различие в качестве признака (ср.: *белый — бел-енький, дом — дом-их*, т. е. формы уменьшения у прилагательных и существительных). Во вторую группу входят формы, образованные от одной и той же основы, но находящиеся в определенных отношениях к предметам мысли, обозначаемым другими словами (*белый — белос — белить*). В формах словообразования Фортунатов различает, кроме того, формы словосочленения (типа *параша*) и сложные слова, вторая часть которых не употребляется отдельно (*волубольшой* и т. п.).

Формы словоизменения, или формы флексий слов, Фортунатов также делит на две группы. К первой относятся формы времени, наклонения и лица; в индоевропейских языках эти формы указывают на отношения, существующие между подлежащим и сказуемым. Ко второй группе относятся формы падежа у существительных и формы рода у прилагательных, указывающие на отношение данного предмета мысли к другим предметам. Однако трудные формулировки Фортунатова не объясняют фактов русского языка. В самом деле, почему формы *стол — стол-их, волок — волок-и* квалифицируются как разные слова, а формы *стол — стола — столу, читаю — читал* как варианты одного и того же слова?

В зависимости от наличия у полных слов форм словоизменения и словообразования Фортунатов различает грамматические и неграмматические классы слов. Под грамматическими классами слов он понимает группы (группы) слов, которые либо имеют одну общую форму, либо соотносительны между собой по значению. Грамматический класс образуют слова, имеющие общие формы словоизменения. Грамматические классы слов могут быть более общими и менее общими, причем вторые входят в состав первых. Кроме того, слова, принадлежащие к различным грамматическим классам по формам слов, могут принадлежать к одному классу по формам основ. Грамматическим классам противопоставляются неграмматические (семантические) классы слов, основывающиеся на значении. «Грамматические классы отдельных полных слов, — писал Фортунатов, — нельзя смешивать с классами неграмматическими, основывающимися на классах значений слов; например, различие между словами-названиями и словами-местоимениями... как скоро оно основывается только на различии в значении слов, не образует грамматических классов слов». По Фортунатову, различие между существительными и личными местоимениями определяется прежде всего в формальном плане: местоимение и содержит формы лица (*я — ты — он*), а существительное таких форм не содержит.

Так, иста на путь поисков формальных критериев определения лингвистических единиц, путь, необычный для того времени, Фортунатов пренебрегает семантикой, которая необходима учитывалась при определении частей речи. У Фортунатова вместо одной лексико-грамматической теории частей речи фактически предлагаются две — теория грамматических классов и теория неграмматических классов слов.

Согласно теории грамматических классов слов выделяются слова, имеющие формы словоизменения, и слова без форм словоизменения. Слова, имеющие формы словоизменения, подразделяются на: 1) слова спрягаемые (глаголы); 2) слова склоняемые (существительные); 3) прилагательные, которые отличаются от существительных наличием грамматических форм рода. В существительных — склоняемых словах, в свою очередь, различаются: 1) существительные личные (т. е. местоимения 1-го и 2-го лица); 2) существительные неличные, где различаются: существительные имена (т. е. слова-названия) и существительные — местоимения неличные (т. е. местоимения с неличными местоименными основами). В классе склоняемых слов входят также имена существительные, неличные местоимения, количественные числительные. В классе прилагательных — склоняемых слов с согласованием в роде входят собственно прилагательные, притяжательные местоимения, порядковые числительные. В класс слов без форм словоизменения входит инфинитив, деепричастия, наречия, а также слова типа *доло, пальто, кофе*.

Следует отметить, что Фортунатов указанные выше классы слов относит к индоевропейскому языку, но уточняет, что многое из того, что было свойственно языку, перешло и современные индоевропейские языки. По схеме Фортунатова, претендующей на

своеобразный универсализм в предлах индоевропейской семьи языков, получается, что числительные распределяются по двум классам — прилагательных и существительных, причастие как глагольная форма относится к прилагательному (а не к глаголу), деепричастие и инфинитив попадают в особый класс вместе с существительными. С одной стороны, это противоречит фактам русского языка, а с другой стороны, как отмечал акад. Виноградов, попытка классификации частей речи на основе форм словизменения не могла удалиться, так как Fortunatov вкладывал чисто синтаксический смысл в само понятие форм словизменения.

Особенность теории грамматических классов слов у Fortunatova заключается в том, что отличительные признаки слов он сводит к одному формальному критерию — наличию или отсутствию в словах аффиксов. Будучи одной из первых формализованных теорий и языковедения, его теория предваряла некоторые современные структуралистические течения, в частности ряд положений американской дескриптивной лингвистики, которая выделяет формальные классы слов фактически на тех же основаниях, что и Fortunatov.

Теория формальных классов слов предопределила своеобразное понимание задач грамматики. Fortunatov рассматривает грамматику как учение о форме: учение о форме слова составляет морфологию, а учение о форме словосочетания — синтаксис. Поскольку, по Fortunatovu, именно в сочетаниях слов определяются грамматические различия между классами слов и формами слов, то не удивительно, что понятие словосочетания занимает в его грамматической концепции центральное место.

Под словосочетанием Fortunatov понимает «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части». Такое понимание словосочетания целиком основано на психологическом суждении и исходит из него. Здесь особенно ощущается зависимость Fortunatova от психологического синтаксиса Г. Пауля. В «Принципах истории языка» Пауль утверждал, что всякая грамматическая категория возникает на основе психологической. Первая представляет собой внешнее выражение второй. Fortunatov также различает в психологическом суждении две части — психологическое подлежащее, т. е. то представленное, которое является в сознании говорящего или слушающего первым, и психологическое сказуемое, т. е. то, что говорящий или слушающий мыслит или утверждает о первом представленном. Хотя грамматические категории соотносительны с психологическими, прямого тождества между ними не существует. Пауль считает, что надо отличать психологическое подлежащее (или соответственно сказуемое) от грамматического, поскольку они не всегда совпадают. Например, предложение *NN приехал из Москвы* как психологическое подлежащее *NN приехал* (факт, известный говорящему или слушающему) и психологическое сказуемое *из Москвы* (утверждение нового об известном факте). С грамматической же точки зре-

ния мы имеем здесь подлежащее, сказуемое и обстоятельство места, которые не совпадают с психологическими подлежащим и сказуемым.

Применительно к словосочетанию Fortunatov также разрабатывает понятие грамматической формы. Под грамматической формой словосочетания он понимает отношение данного предмета мысли к другому предмету. Из этого определения видно, что словосочетанию, как и слову, Fortunatov приписывал номинативную функцию. Словосочетание у него чаще всего служит простым названием разных предметов, явлений, событий.

Как и слова, словосочетания Fortunatovым делятся на грамматические и неграмматические. Грамматическим называется словосочетание, у которого составляющие его части сами являются грамматическими, и оно в целом носит грамматический характер (птица летит, воспитанник коридор). В грамматическом словосочетании, таким образом, выделяются грамматические части, т. е. формы языка, показывающие отношения. К неграмматическим словосочетаниям относятся такие, в которых не обозначено формами языка отношение одного предмета к другому (*веселая — мороз*, *Пухляк — поэт*, *они не возятся*). Ученик Fortunatova В. К. Порезанский, который очень подробно излагает в своих работах по языковедению fortunatovские теории, отмечает, что концепция грамматической формы словосочетания предполагала наличие противопоставления одной формы грамматического словосочетания другой: «Предложение *Отец добр* является в русском языке потому грамматическим, что само отсутствие обозначения формы времени plurimogalным глаголом при *добр* понимается как и обозначение настоящего времени в соотношении с *Отец был добр*»¹.

По определению Fortunatova, словосочетание — это выражение психологического суждения или части его. Но таким же выражением является и предложение. Вполне естественно поэтому, что Fortunatov приходит к отождествлению словосочетания и предложения: «законченное словосочетание и предложение полное — синонимы в языковедении». Процесс перехода словосочетания в предложение Fortunatov понимает как процесс словесного оформления психологического суждения.

Словосочетания могут быть полными и неполными предложениями. Под неполным предложением Fortunatov понимает выражение такого психологического суждения, в котором только одна часть находит словесное выражение, а другая часть выступает в виде внеязыкового выражения действительности. Например, вид пламени дыма представляет собой субъект (подлежащее) психологического суждения, языковым выражением сказуемого которого будет *Пожар*, следовательно, неполное предложение. Полное предложение Fortunatov определяет как такое выражение психологического суждения, которое в обеих своих частях имеет представление слов, причем такое предложение может состоять не только из словосочетания, но и из одного слова. Подобные предложения он называет словами-

¹ Порезанский В. К. Введение в языковедение. М., 1916, с. 153.

факультет с присвоением Шахматову степени доктора наук (малая степень магистра), поскольку его фонетические исследования «открывали новую эпоху в истории истории звуков русского языка».

С 1894 г. Шахматов — академик. В 1906 г. он становится председателем Отделения русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС). По инициативе Шахматова был возобновлен выпуск периодических изданий ОРЯС; он стал первым редактором «Известий ОРЯС»; после смерти Я. К. Грота Шахматовым был преобразован «Словарь современного русского литературного языка», издававшийся Академией наук. В Комиссии по выработке проекта реформы орфографии Шахматов трудился вместе с Фортунатовым. Созданный под их руководством проект реформы орфографии утвержден декретом Советского правительства в 1917—1918 гг.

Академическую деятельность Шахматов совмещал с активной преподавательской работой. С 1908 г. в Петербургском университете он читает курсы введени и истории русского языка, исторической фонетики, исторической морфологии, грамматики современного русского литературного языка, сравнительной грамматики славянских языков, великорусской диалектологии, белорусского языка. В последние годы своей жизни Шахматов читал в университете курсы синтаксису русского языка.

В научных исследованиях Шахматов использовал методы Московской лингвистической школы, развивал и уточнял многие положения своих учителей (Фортунатова, Миллера, Корша). Шахматов сохранил в себе богатое воображение, страсть филолога-исследователя, восприимчивые к от Ф. И. Буслаева, со строгой точностью лингвиста, характерной для Фортунатова.

Следуя учению Фортунатова о внешней истории языка и ее идеальной обусловленности его дифференциацией и интеграцией, Шахматов пытается связать историю русского языка с историческим процессом образования русской нации и культуры. Развивая традиционную для русского языковедения тему о связи истории языка с историей народа, он изучает доисторическую эпоху в жизни русских племен, этапы образования русского народа. В таких работах, как «К вопросу об образовании русских наречий» (1894), «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (1899), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), «Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий» (1916), «Древнейшие судьбы русского племени» (1919), Шахматов выдвигает теорию образования современных восточнославянских языков.

При изучении происхождения и развития восточнославянских народностей и языков Шахматов не ограничивается данными памятников русского, украинского или белорусского языков, а воссоздает прарусскую и праславянскую формы, выявляет аналогии в индоевропейском языке. Большое значение придает Шахматов тем языковым фактам, возникновение которых «возможно перенести в эпоху доисторическую... в историческую эпоху русский язык раздробился

ли в эпоху доисторическую эпоху, представлял племенные единства»¹. При сопоставлении фактов различных языков представляется возможным вскрыть общие элементы, имеющиеся в родственных языках, найти истинные корни общности, выяснить дальнейшее развитие и изменение общих форм, грамматических категорий, слов, звуков. Шахматова привлекают факты, которые характеризуют родство языков, а не просто констатируют их близость или взаимоподобие.

Процесс образования восточнославянских языков в концепции Шахматова выглядит следующим образом. Прародины русских (т. е. восточных славян) были земли, расположенные между низовьями Прута и Днестра. В этих местах примерно в конце V в. — в VI в. происходит разделение юго-восточной ветви славянства на восточную (прарусы) и южную. С этого времени начинается самостоятельная история восточных славян и общерусского языка. Реконструкцию общерусского языка, не имевшего письменности, Шахматов проводит на фонетическом уровне. Из крупных фонетических изменений он выделяет следующие: 1) языческие носовые гласные ъ и ы в гласные чистого образования у и и; 2) падежные *i* и *i* и *u* и *u* (**avetja* > *sveta*, **bnaj* > *чужой*); 3) сращение согласных перед гласными переднего ряда (*с* *э* *стра*, *н* *з* *ь* *ь* *ь*); 4) образование полногласия

и др. В IX—X вв. восточнославянские племена занимали территорию от Черного моря до озера Ильмень, от Карпат до Дона. Обширность этой территории неминуемо должна была привести к распаду общерусского этноязычного единства. Шахматов предполагал, что еще до начала IX в. общерусский язык распался на южный и северное наречия. С этого же времени начинается новый период в истории восточнославянских племен — древнерусский. Шахматов отмечает условность границ между общерусским языком и древнерусским языком.

Впоследствии Шахматов отказался от деления общерусского языка на два наречия: в 1899 г. он выделяет уже три наречия (основываясь на состоянии современных восточнославянских языков и диалектов) — севернорусское, южнорусское и восточнорусское (среднерусское). Эти наречия обособились с того времени, когда прарусские племена начали свое движение из среднего Поднепровья в основном на север и восток. Часть племен осела в верховьях Днестра, Волги и Западной Двины, затем в бассейне озера Ильмень и Чудского. В IX в. эти племена заняли земли между Волгой и Окой. Севернорусы представляли собой политический племенной союз, в который входили, по Шахматову, и финно-угорские племена мери, весь, чудь, курюма. Господствующим и этим племенным союзом Шахматов первоначально предполагал кривичей, заселивших Суздальскую землю. Однако позже таким основным племенем он считал славян,

¹ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. П., 1916, ч. 1, с. 16.

живших там ранее. Эти слова различные гипотезы объясняются тем, что у Шахматова не было фактического языкового материала.

Севернорусское наречие унаследовало от общерусского правящую оканье, взрывной *r*. При продвижении на север севернорусы сталкивались с лишескими племенами (которые продвигались далеко на юг от района современной Польши). От них севернорусы заимствовали некоторые языковые особенности: цоканье, отчасти смешение свистящих и шипящих (*с* и *ш*, *з* и *ж*), *л* и *л'* на месте общеклависских *ll* и *ll'*, сохранившиеся в польских и некоторых других северных говорах. Позднее границы распространения древнего севернорусского наречия несколько изменились.

В Поозье формируется южнорусское наречие. Современное состояние украинского языка и его говоров Шахматов механически переносит в глубь времен. Древние южнорусы, по его мнению, располагались на южные племена (удичи, тиверцы и воляныне) и северные (дралебы, поляне и древалыне). Под натиском кочевников южные племена отступают на север, тесня северные племена. После разгрома татар южнорусы покинули среднее Поднепренье, отступили на север. Но в XIV в. южнорусы переходят через Днепр, продвигаются на Полтавщину. В XV в. киевское княжество простирается до Дона и Черного моря; южнорусы (украинцы) представляют собой тесное этническое единство. Современные диалектные группы Шахматов объясняет делением древних южнорусских племен. Он говорит, что прямыми потомками полян, древалей, северян можно признать в населении северных уездов Киевской губернии и современной Волыни, южных уездов Черниговщины и северной Полтавщины.

Южнорусское наречие существовало до середины XIII в. В XIII в. восточнорусы, двигавшиеся от кочевников на запад, занимают все северное Поднепренье и современную Белоруссию. Специфические южнорусские языковые явления сохраняются в XII в. 1) на месте группы «согласный + *j*» образуются удвоенные согласные (свинок); 2) *кы*, *гы*, *хы* переходят в *ка*, *га*, *ха* с мягкими заднеязычными, которые позже в украинском языке отвердевают; 3) *а* в конце слова изменяется в *ѡ* и др. С середины XIII в. наблюдаются также явления, как отвердение согласных перед гласными переднего ряда *и*, *е*, переход сочетания «мягкий губной + *с*» в «мягкий губной + *жа*» (мясо, плоть) и т. д. Начинает формироваться белорусское наречие (украинский язык).

Сложнее судьба восточнорусского (среднерусского) наречия. Уж само колебание в употреблении терминов показывает, что для Шахматова весьма было происхождение этого наречия — восточнорусское наречие должно было бы занимать восточную окраину древнерусской земли, а среднерусское — промежуточное положение между севернорусами и южнорусами. В первом случае территория современной Белоруссии исключается, во втором случае, наоборот, входит. Первоначально Шахматов считал, что из южнорусского праязыка выделились среднерусы — дреговичи, радимичи, вятичи и северяне. Потом среднерусы распались (Шахматов не уточняет, когда и каким образом) на две ветви: западную (дреговичи, радимичи, вятичи) и

восточную (северяне). Двигаясь на восток, радимичи и вятичи увлекли за собой балтийское племя голяды, жившее по реке Протве. Позднее Шахматов объявляет радимичей и вятичей лядскими племенами. С одной стороны, он утверждает, что северяне (восточная часть среднерусов) под защитой хазар продвигаются на юго-восток, колонизируют Подолию и северное побережье Азовского моря, основывают Тмутаракань. С другой стороны, Шахматов относит северян к южнорусам, заселив на место северян вятичей. В этом случае остается неясным, кто же заселил Подолию и Тмутаракань. В связи с принципиальностью определения передвижений восточно(средне)русей Шахматов неоднократно решает вопрос о происхождении белорусской народности и белорусского языка. Первоначально он предполагал, что основу белорусской народности составляли западные среднерусы (дреговичи и радимичи).

С переходом же к гипотезе о восточнорусском наречии происхождение белорусов Шахматов объясняет совершенно иначе. Сначала на территории Белоруссии проживали ляхи (дреговичи и радимичи), которые в X—XI вв. ассимилируются южнорусами. В XIII в. вятичи приходят в Белорусию аканье и другие восточнорусские языковые особенности. Таким образом, белорусы образовались из древнепольских, южнорусских и восточнорусских племен, и белорусский язык в основе своей имеет древнее южнорусское наречие (с лишеским субстратом), испытывавшим сильное влияние древнего восточнорусского наречия. Однако в последние годы своей научной деятельности Шахматов уже полагал, что белыминские юго-восточные племена Дона и Приазовья, продвигаясь в северо-западном направлении, достигают современной Белоруссии, где смешиваются с ляхами-радимичами, южнорусами-дреговичами (дреговичи здесь уже не ляхи) и севернорусами-кривичами. В результате этого смешения возникает белорусы.

Из краткого изложения гипотезы Шахматова о происхождении восточнославянских языков видно, что он придает слишком большое значение фактам непрерывной дифференциации, которая вызывалась расселением одноязычного населения, утратой контактов между разделившимися племенами. В то же время Шахматов допускал и интеграцию, смешение близкородственных диалектов. В построении этой гипотезы у него явно ощущается влияние теории «родословного древа» А. Шлейхера, хотя ему не чужда была и «теория плем» И. Шюгата (например, в трактате происхождения белорусского языка). Основной недостаток гипотезы заключался в том, что Шахматов переносил систему сниженных диалектных отклонений в глубокое прошлое, не обосновывая хронологию исследовавшихся изменений, не учитывал сложности исторического процесса образования русского языка в эпоху позднего феодализма. Поэтому его догматическая гипотеза образования восточнославянских языков оказалась в значительной степени схематичной, но не лишеной рациональности и творческой инициативы. Известный советский языковед С. П. Оберский писал о своем учителе: «...Шахматов шел за собой способность к гипотетическим построениям и, видимо, дорожил этой

способностью. И действительно, гипотеза, даже неверная, была мысль, которая и исправит в конце концов ее, если она неверна. И сам Шахматов не любил типа ученых, корчащихся над одними фактами и не решившихся из-за них к выводам, и, напротив, из малого количества данных требовал выводов, искал предположений, пусть даже предвзятых, но все же раздвигающих путь и абсолютной истине»¹.

Шахматов был первым ученым, который, следуя заветам Буазьева и Срезневского, проследил «историю» происхождения и развития восточнославянских языков и народностей, начиная от их индоевропейских предков и кончая современностью. Эта «история», естественно, не лишенная недостатков, вызвала оживленную полемику.

В 1921 г. с критикой в происхождении восточнославянских языков выступил польский ученый Т. Аер-Сладковский, который, кратко Шахматова, сам изложил ушел от его схемы. В 1925 г. к этой проблеме обратился Н. С. Трубников, который вместе лингвистического деления общерусского диалектного единства на первоначальных древнерусских наречиях предложил деление на юго-западный и север-восточный диалекты. Над проблемой происхождения восточнославянских языков работала замечательный русский славист В. М. Алаузов. Он признавал, что диалектов общерусского языка было много (за не два и не три). Этой же теме предки придерживается и советский ученый Р. И. Авдусов, который в работе «Вопросы образования русского языка в его истории» статистически пишет о возможности реконструкции восточнославянских диалектов древнейшей поры². Не считает Авдусов, в языке племенной стад в восточных славян должно быть много диалектов. Племена были неустойчивыми этническими единицами, уходило в постоянных передвижениях. Возникновение предельных и стеновых территориальных диалектов привели к полному разрушению старых племенных диалектов.

Восточнославянским языкам посвящены монографии известного советского лингвиста Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян» (1962) и «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972), сочетающие в себе шахматовские размышления и охватывая мысли по старому диалекту языковому материалу и хронологию его развития. Филин считает, что древний общеславянский язык распался на ряд племенных диалектов. Общеславянские реконструируемые племенные языки в эпоху распада родного общества и расселения селились на обширных территориях. Все предположающие деления общерусского единства на диалекты обладают, по мнению Филина, двумя недостатками: 1) опираются лишь на некоторые признаки фонетических различий, не имея исчерпывающего диалектного разнообразия древнерусского языка, и 2) исходит из намерения языка, что предполагает наличие диалектов или диалектных групп с более или менее четкими границами между ними. На самом деле, таких монолитных диалектных единиц в древнерусском языке не существовало. Существовал единый язык восточнославянской (древнерусской) народности, который в разных местностях имел диалектные разновидности. В эпоху восточнославянских племен и образований древнерусского государства не было еще диалектов русского, украинского и белорусского языков, потому что основный говорный и племенной древнерусского языка на два или три четко противопоставленных диалектных языка.

Большая заслуга Шахматова — историка русского языка заключается в том, что он предложил комплексный метод изучения народного языка, заключающийся в том, что собственно лингвистический

его изучение он стремился связать с социальными причинами перемены племени, с их историей, культурой. Конечной целью исторических исследований Шахматова, по словам акад. Виноградова, было воссоздание общерусского языка — подробно и точно, как живой, и сделать таким весь процесс его диалектических дроблений и сращиваний во всех частях и во все эпохи»³.

Другой областью научных исследований, которой Шахматов уделял много внимания, была синтаксис русского языка. В центре синтаксических исследований Шахматова («Синтаксис русского языка», вып. 1—2, 1925—1927) стоит предложение как словесное выражение единицы мышления. Именно через предложение реализуется связь языка и мышления; ведь язык в своих элементах зародился и развивался в составе предложения, ибо предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове»⁴. Шахматов поддерживает мысль А. А. Потебни о первичности предложения: «...и языке бытие получило сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и выделении, из них выделялись словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания выделяются в составе предложения)».

Особенностью лингвистической концепции Шахматова является то, что он не рассматривает важнейший методологический вопрос о связи языка и мышления отдельно (связь языка и мышления он, конечно, признает). Язык неотделим от мысли и не может поэтому быть предметом, объектом мысли. Это происходит в силу того, что язык является орудием мысли: человек мыслит словами, т. е. элементами языка. Шахматов считает, что вне связи с мышлением могут изучаться только звуки, поэтому фонетика не требует психологического обоснования. Однако позже он делает оговорку, что звуковые наименования должны быть поставлены в связь с психологическими явлениями. Следует сказать, что установка Шахматова психологическому направлению в фонетике навряд ли составляет сильную сторону его системы взглядов. Однако в большей мере этот психологический взаимосвязь языка и мышления сказался в синтаксических построениях Шахматова.

Пытаясь установить логико-психологическую природу той единицы мышления, словесным выражением которой является предложение, Шахматов выдвигает понятие психологической коммуникативной единицы, он говорит, что психологической основой нашего мышления является тот класс представлений, который дал нам предшествующий быт в который увеличивается текущими новыми переживаниями; психологической же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который (...), мы называем коммуникативной. Поэтому Шахматов определяет коммуникативно как сочетание двух представлений, приведенных

¹ Обгорский С. П. Письма акад. А. А. Шахматова. — Изв. ОЯС, (1930) 1922, т. 23, с. 463.

² Вестник МГУ, 1947, № 9.

³ Виноградов В. И. Алексей Александрович Шахматов, с. 42.

⁴ Цит. по изд. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, Л., 1941.

движением воли в предплативную (т. е. определяющую), в частности зависимую, приданную генетическую связь.

В самом начале XX в. учение Шахматова о коммуникации было крупным вкладом в развитие идей синтаксической теории, так как объединил Г. Паулем теория о психологическом субъекте (подлежащем) и предикате (сказуемом) потеряла крах. По Шахматову, субъект в предикат имеются не только в психологическом суждении, но и в других психологических коммуникациях. Шахматов пытался найти понятие, которое обобщило бы не только типы словесных предложений, соответствующие суждениям, но и другие единицы мышления. Таким всеобъемлющим понятием и явилась коммуникация. Коммуникация шире, чем суждение, поскольку суждение содержит лишь утверждение или отрицание чего-нибудь, а к коммуникации относятся и другие виды сочетания представлений, приведенных в зависимость или причинную связь. Под понятие коммуникации, таким образом, Шахматов подводит самые разнообразные предложения, в том числе и предложения с сильной эмоциональной нагрузкой (*Уходите! Посидел бы ты с нами!* и т. п.). Само понятие предложения становится очень широким, охватывает почти все существующее в русском — да и не только в русском — языке виды предложений.

Обычным посредником между коммуникацией и предложением, в широком смысле коммуникация находит свое выражение, Шахматов считает внутреннюю речь. Внутренняя речь — это «облаченная в слуховые, частью зрительные знаки мысль». Внутренняя речь конкретизирует сложные и расплывчатые образы, которые сочетались в коммуникации. «...Внутренняя речь, — пишет Шахматов, — главный материал свой заимствует из звуковых представлений о словах, оперирует, следовательно, слуховыми знаками; но вызвавший ее психический акт (коммуникация) может сообщить ей не только эти слуховые знаки (...), но также и ряд других элементов, в виде представлений об отношениях и чувствах, вызываемых таким сочетанием». Сложный физиолого-психологический процесс, происходящий в голове человека, характеризуется как процесс преобразования разложения сочетавшихся образов на соответствующие элементы вследствие чего в процессе мышления сама коммуникация приобретает определенность и возможность обнаружения. Этот процесс происходит постепенно: психологические моменты выступают в связь со звуковыми образами внутренней речи, отчего под влиянием внутреннего побуждения, обусловленные нервной деятельностью, обнаруживаются в речи. Свое начало «коммуникация получает за пределами внутренней речи, но завершается она в процессе внутренней речи, откуда уже переходит во внешнюю речь». Таким образом Шахматов пытается раскрыть сложный процесс зарождения и последовательного формирования речи-мысли, предвосхищая современные исследования характера мыслительных процессов и структуры, которые они образуют и которыми они функционируют.

Коммуникация, тесно связанная с внутренней речью, представляет собой категорию речевого мышления, и в этом ее особенность. Шахматовская коммуникация свидетельствует о взаимосвязи языка

и мышления, потому что, с одной стороны, она «отражает на себе... глубочайшие недра человеческой психики, а с другой — те внешние средства, которыми она обнаруживается, т. е. звуковые представления о словах».

Вместе с тем в учении Шахматова о коммуникации наблюдаются и внутренние противоречия, и неясности. Прежде всего неясна связь между представляемыми психологической коммуникации. Шахматов определяет ее то как причинную или зависимую, то как генетическую, то как вообще определяющую. Такое широкое понимание связи позволяет подводить под понятие коммуникации самые разнообразные предложения. В силу этого понятие предложения принимает настолько всеобъемлющий характер, что оно может быть приложено к языкам разных систем на разных этапах исторического развития. За этой глобальностью определения коммуникации теряется ее специфика. Шахматов на основе психологической коммуникации анализирует только двусоставные предложения, упуская тем самым синтаксический строй русского языка. Кроме того, как отмечал акад. Виноградов, шахматовское учение о коммуникации совсем не принимает во внимание категорию модальности, т. е. отношения высказывания к действительности. Неясно у Шахматова представление о соотношении между коммуникацией и предложением, между членами коммуникации и членами предложения¹.

С одной стороны, Шахматов пишет: «Предложение соответствует коммуникации, и в любом случае, впрочем, не воспроизводит ее сколько-нибудь точно; это даст основание думать, что по существу не может быть противоречия между природой предложения и коммуникации, но, конечно, не в относительных материальной природы первого и психологической природе второй, а в отношении смысла, значения предложения и психологической природы коммуникации». С другой стороны, в черновых набросках он отмечает отсутствие соответствия между формой предложения и внутренним составом вызвавшей его коммуникации. Такое соответствие достигается только между результатом всего предложения и совокупностью содержания коммуникации.

Поскольку не раскрытым оставалось содержание коммуникации, то неясно было и то, в чем должно состоять соответствие значения предложения психологической природе коммуникации. Шахматов утверждает, что можно настаивать на прямом соответствии целого состава предложения внутреннему единству коммуникации, но нельзя говорить о прямом параллелизме между членами предложения и членами коммуникации (части предложения не могут быть отвлечены от членов коммуникации, но и прямого соответствия между ними нет). Существенное различие между членами предложения и членами коммуникации Шахматов видит в «конкретизме членов коммуникации и расплывчатости предложения». Например, предложение *Полушанная ланка ворона полетела на высокую дугу* соответствует

¹ См.: Виноградов В. В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1974, с. 363.

разнообразные синтаксические конструкции современного русского языка, особенно в кругу разных типов предложения. Шахматовым впервые была сделана попытка найти в языке равноправия стилистическому, эстетическому значению и охарактеризовать разные виды предложения. Многие конкретные наблюдения и соображения Шахматова в области современного русского синтаксиса предложения и синтаксиса словосочетания сохранили свою ценность, свое значение для нас¹.

Одним из вопросов, привлечших внимание Шахматова, был вопрос о классификации частей речи в русском языке («Курс истории русского языка», т. 1—3, 1910; «Очерк современного русского литературного языка», 1913). Начиная с 80-х годов XIX в. в русском языкознании сложились два подхода к пониманию задач морфологии русского языка. Согласно первому из них (представленному в трудах Грета, Востокова, Буслаева, Давыдова, Погобина и др.) морфология понималась как такой раздел языкознания, в котором описывались структурные особенности разных частей речи как в их формировании (включая словоизменение каждой части речи), так и в словообразовании. Другой подход был предложен Фортунатовым, который стремился построить морфологию на понятии «формы слова» как внешнего выражения грамматического значения в строе отдельного слова. Ученые Фортунатова (В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков и др.) при морфологической классификации слов исходили из признания в русском языке слов склоняемых, слов склоняемых с форхой согласования в роде, слов спрягаемых, т. е. основывались на различных формах словоизменения, на распределении этих форм русского языка по системам склонения и спряжения, на наличии или отсутствии в слове форм.

Шахматову предстояло решить, какое из этих двух направлений развивать. Первоначально Шахматов склонялся к морфологическому принципу классификации частей речи, давая свое определение понятию грамматической формы, под которой он понимал «разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами)»². Формальные значения как более абстрактные противопоставлялись реальным (т. е. лексическим) значениям, возникающим в мышлении в результате знакомства с внешним миром. Три главные категории реальных значений, связанные со словами русского языка, объединяются терминами — имя существительное, имя прилагательное и глагол. Книгой Шахматов присоединил и четвертую категорию — местоимение. Таким образом Шахматов отходит от фортунатовской классификации слов, основанной на форме слова, и привносит новый момент — семантический признак (реальное, лексическое значение слова). В «Синтаксисе русского языка», выдвигая семантический критерий, он отмечает, что семасиологическое основание для классификации частей речи является более важным, поскольку разграничение частей речи соответствует различной природе наших представлений о предметах

¹ Виноградов В. В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике, с. 373—419.

² Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку, М., 1957, с. 267.

и явлениях внешнего мира, их качествах, свойствах, действиях или состояниях.

По Шахматову, в русском языке 14 частей речи. Он выделяет знаменательные (существительные, глаголы, прилагательные, наречие) и незначащие (местоимение, местоименное наречие, местоименное прилагательное, местоименное наречие) части речи. Широко представлены в его концепции служебные слова — предлог, союз, связка, частицы и даже префикс. Местоимение Шахматов считает заместителем предмета или лица. Поэтому местоимение воспринимается им не как одна часть речи, а как сочетание частей речи. Отдельные места у Шахматова занимают междометия.

Морфологию Шахматов определяет как учение о грамматических категориях частей речи вообще и о грамматических формах изменяемых частей речи в частности. Изменяемость-неизменяемость, по Шахматову, — вторичные свойства, обусловленные реальным (лексическим) значением слов. Признавая морфологические отличия одной части речи от другой, Шахматов в то же время выступил против деления слов на грамматические классы на основе морфологического принципа, поскольку в языке существуют отклонения от этого принципа (так, в русском языке наряду со склоняемыми именами и несклоняемыми существительными). Значит, невозможно определять существительное как часть речи, изменяющуюся по падежам. Кроме того, в составе глагольных форм имеются формы спрягаемые, неспрягаемые (инфинитив, деепричастие) и склоняемые (причастия). Следовательно, глагол нельзя определять как часть речи, изменяющуюся по лицам и числам. Наконец, по родам изменяются не только прилагательные, но и глаголы прошедшего времени на -л. Поэтому и прилагательное нельзя определять как часть речи, изменяющуюся по родам. Так Шахматов приходит к выводу, что морфологический принцип негоден для классификации частей речи, и утверждает, что классификацию частей речи следует обосновывать синтаксическими условиями.

В «Очерке современного русского литературного языка» по поводу объема и содержания морфологии Шахматов замечает, что значение частей речи определяется синтаксически, в зависимости от выполняемой ими функции. Одно и то же слово, выполняя различную синтаксическую роль, может быть различной частью речи. Наречие, например, становится существительным, когда получает в предложении значение обстоятельства (*пару лет* *летать*, *шутка* *сказать*). Если наречие сочетается с косвенным именем существительного для выражения тех или иных отношений, оно становится предлогом; употребление для выражения отношений между двумя словами, наречие становится союзом. Прилагательное переходит в существительное, как только оказывается вне сочетания с существительным.

В приложениях Шахматова проводится сужение понятий — вместо грамматических классов слов с определенными грамматическими формами речь идет о членах предложения, части речи приравниваются к членам предложения. Когда Шахматов утверждает, что каждая часть речи в функции подлежащего может перейти и

существительное (ср.: Это *глаз* «верстать» меня раздражает; Должна *гранула* «уря»), то он снимает всякое функциональное и грамматическое различие между частями речи как морфологическими категориями и членами предложения как синтаксическими единицами. Определяя структуру учения о языке, Шахматов пишет: «...учение о языке могло бы, начинаясь с синтаксиса предложения, переходить последовательно к синтаксису словосочетаний, синтаксису частей речи, учению о грамматических формах, учению о звуках, учению о словообразовании и учению о словарном составе. Первые три дисциплины объединяются термином — синтаксис, за ним следует морфология, далее фонетика, учение о словообразовании и лексикология». Таким образом, учение о частях речи, по Шахматову, отходит к синтаксису, а морфология определяется как учение о грамматических формах, превращаясь во вспомогательную дисциплину для синтаксиса.

Пытаясь преодолеть схематизм Фортунатовского учения о форме слова, Шахматов не хочет ограничивать морфологию изучением только форм склонения и спряжения. Но расширение границ морфологии привело к ее поглощению синтаксисом, к выделению словообразования в самостоятельный раздел грамматики, тесно связанный с описанием грамматического строя языка. Последовательности в выделении морфологических критериев при классификации частей речи, необъяснимое расширение сферы синтаксиса объясняется неудовлетворенностью Шахматова предшествующими грамматическими традициями. Тонкий анализ грамматических категорий натолкнул его на мысль о тесном взаимодействии морфологии с синтаксисом, словообразованием, семантикой и лексикологией. Фактически от Шахматова идет свойственная советскому языковедению традиция классифицировать части речи с учетом морфологического, семантического и синтаксического принципов.

Но все положения грамматической концепции Шахматова приемлемы для советских лингвистов. Но, как справедливо указывал акад. Виноградов, поразительное богатство собранного Шахматовым материала, строгая систематизация грамматических явлений и глубина анализа грамматических категорий делают работы Шахматова живыми и ценными для советских филологов. Ученики Шахматова — С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, Д. С. Анчабадзе, Д. К. Зеленин, Е. С. Истрин — и их ученики продолжили шахматовские традиции в советском языковедении.

Влияние грамматической концепции Шахматова ощущалось в разработке проблем русской грамматики в работах Александра Матвеевича Пешковского (1878—1933), особенно в книге «Русский синтаксис в научном освещении» (1914). Лингвистические взгляды Пешковского формировались под воздействием взглядов Потебни, Фортунатова, Шахматова. Как Потебня и Шахматов, Пешковский считал синтаксис основным разделом грамматики, потому что, по его мнению, всякая грамматическая форма определяется лишь в синтаксисе, т. е. в структурной связи слов — в предложении. Заимствовав у Фортунатова понятие грамматической формы слова, словоо-

четания и предложения, Пешковский в то же время отмечает недооценку или собственно синтаксической точки зрения на язык.

Если первоначально Пешковский принимает фортунатовское определение формы слова как его способности выделять из себя для сознания голый формальный и особый принадлежности, то в дальнейшем он выступает против разрыва формы и значения и принимает точку зрения Потебни, утверждавшего, что форма есть функция значения. Пешковский вносит семантический аспект в определение формы слова, которую он понимает как «особое свойство слога, в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основу и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть и нулевой»¹. Анализируя различные ряды слов (например: *разлоаорчиной, сло-озрчиной, провор* и т. д.), Пешковский приходит к идее о существовании скрытых в словах формальных значений, которых может быть несколько. Так, *-о* в слове *стелю* обозначает и падеж, и число, и род, и часть речи, т. е. имеет четыре значения; *-у* в слове *веду* обозначает и лицо, и число, и время, и наклонение, и часть речи, т. е. имеет пять значений.

Кроме формы отдельного слова, Пешковский, подобно Фортунатову, выделяет форму словосочетаний. Словосочетание он определяет как два или несколько слов, объединенных в речь и мысли, а форму словосочетания — как его определенное внешнее и внутреннее строение. Поскольку в языке существуют формы слова и словосочетания, то грамматику Пешковский считает разделом языковедения, в котором изучаются формы языка: морфология изучает формы отдельных слов, синтаксис — формы словосочетаний. Говоря о соотношении этих двух разделов, Пешковский подчеркивает приоритет синтаксического начала. В понятие формы словосочетания он включает и порядок слов, и интонация, и ритм. Шахматов, как известно, считал синтаксической формой всякую грамматическую форму, рассматриваемую со стороны значения, а морфологию понимал как подобную дисциплину синтаксиса. Пешковский тоже пришел к убеждению, что абсолютно несинтаксических категорий в языке не существует. Однако совпадение точек зрения Шахматова и Пешковского только кажущееся. Пешковский исходит из того, что лишь приоритет синтаксических категорий над морфологическими обеспечивает связность речи и предложения. В этом сказывается влияние Потебни, который указывал, что грамматическая и лексическая реальность отдельного слова познается только в предложении.

Пешковский считал, что фортунатовское учение о форме отдельных полных слов не позволяет раскрыть систему грамматических отношений между словами и группами слов в русском языке. Поэтому он выдвинул понятие грамматической (формальной) категории как центральное грамматическое понятие своей системы. Так, глагольные формы *нес-и, вед-а* имеют и формальной части *-и,*

¹ Цит. по кн.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд., М., 1956.

значение повелительности (так же, как и в глаголах *чисти-й, зли-й*). Эти формы по значению повеления можно объединить в один ряд — «вот такой-то ряд форм, различных по своим формальным частям, но совершенно одинаковых по одному какому-нибудь значению, мы и будем называть одной формальной категорией слов, в данном случае категорией повелительного наклонения глагола». Важно отметить, что (в отличие от Фортунатовской концепции) у Пешковского в основе понятия формальной категории лежит не только значение составляющих категорию форм, но и то, что наличие собственной звуковой характеристики считается для языковой формы не обязательным. Кроме того, если Фортунатов вводит понятие «нулевой» формы, то Пешковский вводит понятие «нулевого» значения, утверждая, что «отсутствие значения создает здесь своего рода значение». Это «отсутствие» значения признака наблюдается в словах *красивый — красиво, умный — умно* и т. п. (по сравнению с формами сравнительной и превосходной степеней).

Так как всякая грамматическая форма, по Пешковскому, есть форма синтаксическая, то он и делит все грамматические категории на синтаксические и несинтаксические (словообразовательные). Категории, обозначающие зависимость одних слов от других, Пешковский называет синтаксическими и относит к ним категории падежа существительного, падежа, числа, рода и краткости прилагательного, анца, числа, рода, времени и наклонения у глаголов. Синтаксические категории не меняют лексического значения слов. Напротив, несинтаксические категории вносят новый оттенок и лексическое значение (ср.: *стол — столы — столов, ходит — полагивает*).

Решение проблемы грамматических категорий и связи с общей семантической стороной языка — это то новое, что внос Пешковский в понимание грамматической системы русского языка. Грамматические формы и категории у Пешковского связаны с семантикой языка, объединяя конкретное грамматическое и лексическое значения слов.

Слово и словосочетание выступают у Пешковского как две первичные основные единицы грамматики. Причем словосочетание понимается им настолько широко, что даже понятие предложения выступает вторичным, производным по отношению к словосочетанию. Отсюда и синтаксис определяется Пешковским как такой раздел грамматики, в котором изучаются формы словосочетания. Однако хотя словосочетанию и придается большое значение, весь свой синтаксис Пешковский строит как учение о предложении. Фортунатов тоже считал, что предмет синтаксиса является не предложением, а учение о формах словосочетания. Пешковский критиковал такую точку зрения за ее формальность, справедливо полагая, что синтаксические отношения нельзя рассматривать вне смысла и значения. Вот почему, утверждая взаимодействие логики и грамматики, он определял предложение как слово или сочетание слов, выражающее мысль. Это не было возвратом к старому логическому определению предложения прежде всего потому, что 1) для Пешковского слово «мысль» — синоним термина «психологическое суждение»

и 2) полагая, что целью грамматического анализа предложения является нахождение грамматических подлежащего и второстепенного члена, Пешковский основывает определение предложения на грамматических признаках, «выражающих категории мысли».

Таким главным грамматическим признаком Пешковский считает понятие сказуемости (предикативности). «...Оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе сказуемостью. Сказуемость — это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сплетаются речь с мыслью». Язык служит, по мнению Пешковского, для выражения мысли, или сказуемости. Учение о сказуемости сближает концепции Пешковского и Потебни.

Говорить о типах сказуемости, по Пешковскому, значит говорить о «способах выражать человеческую мысль». Способы эти различные. В категорию сказуемости Пешковский включает: 1) собственно глаголы; 2) сочетания глагола-связки с целым рядом форм и бесформенных слов, а в некоторых случаях и одни эти формы и бесформенные слова без глагола-связки; 3) несколько бесформенных слов, стоящих по значению в связи с глаголами (*есть, нет, на*); 4) формы именительного падежа существительных в бытийном, указательном и назывном значениях и в сочетании с соответствующими интонациями (например, *Москва; Посильщики, возмальная суетня...*); 5) инфинитив в целом ряде значений и в сочетании с соответствующими интонациями (*Возбуждают любопытство сильно обстидло его сожалению*). Пешковский не сводит категорию сказуемости к категории глагольности. Он замечает, что категория сказуемости, не совпадая с категорией глагольности, тесно с ней связана, так как глагольность лежит в основе сказуемости.

Учение о сказуемости становится у Пешковского исходным моментом в понимании грамматической и семантической природы предложения. Предложение как бы вырастает из формы отдельного слова (прежде всего из глагола) и из формы словосочетания. Ведь даже простое нераспространенное предложение Пешковский рассматривает как обычное словосочетание, стирая тем самым различие между логико-семантическим и грамматическим разрядами речи, принадлежащих к различным семантическим и стилистическим плоскостям.

Гиперболизация роли сказуемости в предложении выпала возращению современников. Шахматов, например, отмечал, что сказуемость как выражение мысли в языке наблюдается только в двусоставных предложениях. Кроме того, выразителем сказуемости может быть не только глагол-сказуемое, но и прилагательное-сказуемое, имя-сказуемое и т. д. Поэтому Шахматов и приходит к выводу, что ни о какой особой морфологической категории сказуемого не может быть и речи.

Важнейшим вкладом Пешковского в изучение предложения является учение об интонации как важнейшем факторе образования предложения, его ритмико-мелодического строя. (О влиянии интона-

ции на формировании предложения говорили и Шахматов, и Добняц.) Интонация входит у Пешковского в понятие сказуемости, хотя она не является единственным средством ее выражения. Тем не менее Пешковский утверждает, что интонационный способ выражения сказуемости всегда присутствует в речи. Вопросительность предложения выражается, например, не только вопросительными частицами (*ли, разве, неужели*), вопросительными членами (что, кто, когда, где и др.), или порядком слов, но и «особой вопросительной интонацией, характеризующейся особо высоким произношением того слова, к которому преимущественно относится вопрос» (ср. *Ты вчера был с ним в театре?* — *Ты вчера был с ним в театре?* — *Ты вчера с ним был в театре?* — *Ты вчера был с ним в театре?* — *Ты вчера был с ним в театре или она?*). Интонация выступает как один из способов выражения синтаксических отношений в составе словосочетания и как средство членения предложения на синтагмы. Интонационный признак Пешковский считает нужным ввести и в определение сложного предложения. Интонация помогает различить обращение и обособленный второстепенный член предложения (ср. различное произношение пушкинской фразы *Призветную тебя, душечный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновения*). В бессоюзных предложениях интонация является средством выражения предикативности существительного (*Стишки для нас одна забава*), полного и краткого прилагательного (*Какая ты нынче странная!*, *Мавела мрачен*) и т. д.

По Пешковскому, в контексте любое слово, любое словосочетание интонация может превратить в предложение. Обратив внимание на важность научения интонации и признав ее огромную роль в выражении синтаксических отношений в предложении, Пешковский указывает, что интонационные средства остаются «при всей их важности все же в огромном большинстве случаев только вспомогательными синтаксическими средствами». Поэтому он выступает против концепции Шахматова, приравнивавшего синтаксические признаки интонации и порядка слов к морфологическим признакам. Определение интонации как фонетического признака оформления предложения (свидетельство связи фонетики и грамматики) заставило Пешковского изучать грамматические функции интонации как особую область явлений, со своими законами, со своей природой. В статье «Интонация и грамматика» (1928) Пешковский писал, что интонационная грамматика — это почти особая наука, во всяком случае, особый отдел грамматики, нуждающийся в дальнейшей разработке.

Наконец, Пешковскому принадлежит определение важного понятия, привлекающего внимание современных лингвистов, — понятия сложного целого. Сложное целое — это сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами или синтаксическими средствами и не разведенных раздельными синтаксическими паузами. Особенность интерпретации предложения Пешковским заключается в том, что он рассматривал смысловую и формально-грамматический аспекты предложения в их неразрывном единстве. Слы-

шав предложение с ритмикой и интонацией, Пешковский разнил учение об обособлении второстепенных членов предложения.

Учение Пешковского о принципах классификации частей речи, если и не решило окончательно эту сложную проблему в грамматике русского языка, то, во всяком случае, способствовало более глубокому пониманию этой проблемы. Пешковский выступает против чисто морфологического принципа деления слов по классам (по окончаниям склонений и спряжений). Он считает части речи такими категориями, которые существуют в языке объективно, а не являются научной фикцией: «Мы не делим слова по разрядам, а выделяем на языке группы слов и форм с одинаковым формальным значением». Понятие частей речи Пешковский связывает с понятием грамматической категории, так как от принадлежности слова к той или иной грамматической категории зависит способность слова к склонению или спряжению. Поэтому Пешковский и подходит к определению частей речи на основе соединения данных морфологии и синтаксиса, включая сюда и лексико-семантический компонент — «значение предметности». Он выделяет части речи «основными категориями мышления и их примитивной общенародной стадии развития».

Концепция частей речи, изложенная Пешковским в первом издании «Русского синтаксиса...», претерпела значительные изменения к 1928 г., когда вышло второе издание этой книги. В 1914 г. он признавал в русском языке семь частей речи (глагол, существительное, прилагательное, причастие, наречие, деясное, инфинитив), исходя из фортунагического деления слов на «форменные» и «бесформенные». В 1928 г. на основе единства значения слова и его грамматической формы он выделяет только четыре части речи (существительное, прилагательное, глагол и наречие). Существительное для него является носителем предметности. Прилагательное и глагол обозначают присущие предмету признаки. Это и есть самое общее значение этих частей речи. В глаголе признак изображается как деятельность предмета, а в прилагательном же дается признак, заложенный в природе предмета. Это, по мнению Пешковского, наиболее точное определение категорий глагола и прилагательного. В наречиях же изображаются признаки признаков.

Именно единство семантического и грамматического значений в слове делает существительное, прилагательное, глагол и наречие основными частями речи в языке. Эти категории в известной степени, считает Пешковский, являются универсальными: они существуют во всех языках, независимо от языковых средств, которыми они выражаются. Эти категории обуславливают все другие категории (причастие, деясное, герундий и т. д.), которые являются по значению смешанными категориями. К категориям, не входящим ни в основные части речи, ни в смешанные, Пешковский относит местоимение, числительное, предлог, союз и междометие. Предлог и союз — это бесформенные, «бесформенные» слова, обнаруживающие свое значение лишь в словосочетаниях, поэтому Пешковский не ставил их в один ряд с частями речи. Числительные он не считает

отдельной частью речи потому, что численные представления в нем не отпадают от количественных представлений (на этом основании он обобщает слова сто и сотня, пять и пяток, третий и тройкой). Местоимение тоже не часть речи, так как в нем нет лексического значения, а грамматическое значение выражается аффиксами. Междометия не относятся к частям речи по той простой причине, что это звуки чувствования, а не представления. В целом при рассмотрении принципов классификации частей речи для Пешковского важно указание именно на взаимодействие грамматических и лексических форм и структуре слова или словосочетания. В концепции Пешковского значение слова и его грамматическая форма — величины, рассматриваемые в плане их соотносительности друг с другом и в их единстве.

Пешковский выступал против тех исследователей, которые размещали все слова языка по установленным данной классификацией рубрикам. Он предложил не делить слова на разряды, а выделять из языка группы слов и форм с одинаковым формальным значением. Понимая грамматический строй языка как подавляющую систему, Пешковский говорит о том, что отдельные слова языка, изменяя свое значение и звуковой состав, могут постепенно переходить в новую категорию. На определенных этапах развития языка может оказаться, что некоторые слова будут никакими частями речи, аморфными. К таким словам Пешковский относит слова есть, нет, надо, можно, нельзя, жаль, стыдно, больно, жалко. Фактически он выделял такие слова, которые позднее А. В. Щерба назвал категорией состояния, а В. В. Виноградов ввел категорию состояния в разряд частей речи. Хотя этот вопрос остается спорным до настоящего времени, заслуга Пешковского заключается в том, что он обособил слова, выступающие в безмякно-предикативной функции, и определенную категорию и придал ей должное внимание языковедов. Плодотворной представляется и его идея о разделении слов по основным и смешанным категориям.

Характеризуя книгу Пешковского, Шахматов писал о ней как о «ценнейшем научном пособии», в котором автор «с удивительным талантом развел основные положения, добытые преимущественно исследователями, и прежде всего Потебней, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного»¹. Как о мастерице написанной и увлекательно изложенной о работе Пешковского отзывался один из крупнейших русских лингвистов начала XX в. Д. Н. Кудрявский. Он писал, что своей книгой Пешковский оказал большую услугу в деле выяснения многих неясных вопросов нашего синтаксиса. Кудрявский отмечает также новые и интересные наблюдения Пешковского в области интонации².

Труды Дмитрия Николаевича Кудрявского (1867—1920) сыграли большую роль в развитии русского языкознания. Выпуски Петер-

бургского университета, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, он изучает труды К. Маркса, становится убежденным марксистом и принимает активное участие в марксистских кружках Петербурга, где знакомится с В. И. Лениным. В этот же период Кудрявский много переводит с немецкого языка. Так, он перепел работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и на ее основе написал несколько популярных лекций, в которых излагал вопросы происхождения мира и человека, историю первобытной культуры, возникновения капитализма и классовой борьбы. Эти лекции пользовались большим успехом у пропагандистов и передовых рабочих. Кудрявский принимал активное участие в работе социал-демократических кружков.

Наиболее интересны работы Кудрявского «Психология и языкознание» (1905) и «Введение в языкознание» (1910), в которых он с материалистических позиций решил некоторые фундаментальные вопросы языкознания. Одним из таких вопросов был вопрос о происхождении языка («О происхождении языка», 1912). На протяжении всего XIX в. достаточно широко были распространены теории звукоподражательного, или междометного, характера происхождения языка. В работах А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртэна вопрос о происхождении языка решался на психологической основе, вне связи с возникновением человека и выявлением его общественной сущности; проблема сводилась к выработке языковых понятий у отдельного индивида. По мнению Кудрявского, все вопросы общего языкознания сводятся как к центру к вопросу о происхождении языка.

Кудрявский считает прежде всего, что говорить следует не о происхождении какого-нибудь конкретного языка, а о возникновении у человека способности выражать свои мысли при помощи звуков, о способности человека к речи. На формировании этой способности у человека влияет ряд условий. К их числу Кудрявский относит определенный уровень развития головного мозга, особенно тех центров, которые управляют сложным процессом речи. Далее речь появляется при определенном развитии органов речи. Кудрявский подчеркивает, что если происхождение языка требовало известного развития органов речи, то и их современное строение не могло сложиться без языка. И наконец, для возникновения языка необходимо вертикальное положение тела. (Бодуэн де Куртэн также подчеркивал роль выпрямления человеческого тела в возникновении речи, так как прямая походка человека привела к более совершенному состоянию человеческого организма.) Особенность решения вопроса о происхождении языка Кудрявским заключается в том, что он одним из первых связал этот вопрос с общими условиями становления человеческого рода. Хотя в ряде его работ чувствуется сильное влияние идей Энгельса, однако Кудрявский не учитывает высказанное Энгельсом положение о том, что в возникновении языка большую роль сыграл труд, ибо именно в процессе труда у людей возникла потребность сказать что-то друг другу. Эта потребность и сформировала себе свой орган в виде искусственно нажимающейся гортани,

¹ Учебные пособия по синтаксису и темат. для семинарских занятий, рекомендованные акад. А. А. Шахматовым. — Вестр. языковедения, 1973, № 6, с. 116.

² См.: Самарин С. В. Пешковский и его ученики. — Учен. зап. Казанского ун-та, 1959, вып. 78, с. 303.

и органы речи постепенно стали воспроизводить один членоразделный звук за другим.

Кудрявский приходит к выводу, что язык возникает в процессе анализа представлений при помощи звуковых символов, которые постепенно превращаются в слова. В этом процессе выделяются следующие этапы: «1) звуки являются непосредственным отражением впечатлений внешнего мира, 2) звуки становятся символами воспринимаемых впечатлений и 3) сопоставление звуковых символов и соответствующих сложных представлений ведет к обобщенному анализу и вырабатывает слово с его значением»¹.

Необходимо отметить, что Кудрявский постоянно подчеркивает социальный характер происхождения языка. Язык, по его мнению, «есть деятельность, проявляющаяся только в обществе, в его возникновении может быть объяснено только на почве взаимодействия многих лиц. Появление языка предполагает, что до него доросла не какая-либо гениальная личность, а все общество людей». Понимание общественного характера языка, указание на связь языка и мышления проявляется и в определении сущности языка: «язык служит выражению наших мыслей и является средством общения людей между собой». Этим определением Кудрявский отвергает широко распространенную в то время индивидуально-психологическую точку зрения на язык и утверждает материалистическую концепцию языка как общественного явления.

Язык и мышление, по Кудрявскому, не только тесно связаны между собой, но и взаимодействуют. Язык помогает формировать мысль, но «язык как орудие нашей мысли оказывает обратное влияние на мысль, увеличивает ее силы, расширяет ее». Мышление всегда выражается в слове, всегда сопровождается словом, всегда опирается на него.

Через призму связи языка и мышления Кудрявский рассматривает соотношение логических и грамматических категорий. Он убежден, что язык есть форма нашей мысли, но она не совпадает с логической формой мысли. Кудрявский доказывает, что слово и понятие, предложение и суждение не совпадают. Это видно из того, что если бы понятие совпадало со словом, то каждому понятию соответствовало бы только одно слово, а это делало бы невозможным существование синонимов. Логика различает в суждении субъект, предикат и связку, а грамматика в предложении — подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство. Последним трем категориям в логике нет соответствий. Чем подробнее мы рассматриваем логику и грамматику, говорит Кудрявский, тем больше несоответствий находим между ними — значит, логика для объяснения грамматики непригодна. Из этого не следует, что Кудрявский полностью отрицает связь логических и грамматических категорий. Признавая эту связь, он делает основной упор на их различие, выступает про-

тив их отождествления и против логического объяснения грамматических категорий.

Критикуя логико-грамматическое направление, Кудрявский со своей грамматической концепцией примыкает к теории Потебни, которого он высоко ценит. Кудрявский, как и Потебня, считает, что единственным объектом научной грамматики должна быть живая речь. Поэтому он основной единицей языка считает предложение, а не слово. Стремясь разграничить морфологию и синтаксис в определении слова и предложения, Кудрявский полагает, что анализ слова входит в задачу трех разделов — морфологии, словообразования и фонетики. Синтаксис же он определяет как учение о предложении и его частях; в синтаксис же он включает изучение функций отдельных грамматических категорий (рода, числа, падежа, залогов, склонения, времени, вида и т. д.). Кудрявский признает тесную взаимосвязь морфологии и синтаксиса и считает, что четкую границу между ними провести нельзя, так как морфология рассматривает различные формы грамматических категорий, которые создаются в живой речи, в предложении.

Подобно Потебне, Кудрявский определяет части речи на основе их лексико-грамматического значения. Он понимает части речи как «более общие грамматические категории, выходящие за пределы одного предложения и составляющие материал, из которого складывается предложение». Из этого определения следует вывод о параллелизме между частями речи и членами предложения (т. е. существительное должно быть подлежащим, прилагательное определением и т. д.). В этом заключается одно из внутренних противоречий грамматической системы Кудрявского, так как такой параллелизм, естественно, наблюдается не всегда (глаголу, например, соответствует не только простое, но и составное сказуемое).

К частям речи Кудрявский относит существительное, прилагательное, глагол, наречие и союз. Вслед за Потебней и Пешковским основными частями речи он считает существительное, глагол, прилагательное и наречие. В этой системе отсутствуют числительные и местоимения. По мнению Кудрявского, они выделяются в особые категории, поскольку на основе значения (указательность местоимения и обозначение числа числительным) эти части речи совпадают с другими частями речи. Союз не функционирует как самостоятельное слово, а имеет лишь грамматическое значение. Но исходя из положения о соответствии членов предложения какой-либо части речи Кудрявский включает союз в состав частей речи, тем более что их форма и значение одинаковы в морфологии и синтаксисе.

Влияние Потебни чувствуется и в том, как Кудрявский рассматривает предложение. Потебня во всяком предложении предлагал отмечать форму, без которой нет предложения, но крайней мере во флективных языках. Другим существенным признаком предложения Потебня считал наличие в нем частей речи. Основную ошибку в определении предложения, которое давали представители логического и психологического направлений, Кудрявский видит в том, что они забывали, что предложение есть форма выражения нашей мысли.

¹ Цит. по кн.: Кудрявский Д. П. Введение в языковедение. 2-е изд. Юрьев, 1913.

Определение предложения, по Кудрявскому, должно быть формальным, т. е. должно включать в себя описание его частей. А части речи, как историческая категория, постоянно меняются. Поэтому Кудрявский присоединяется к выводам Потебни и считает невозможным дать общее определение предложения. Он возражает против широко распространенного в начале XX в. учения о глагольности как основе предложения. Как и Шахматов, Кудрявский признает существование в русском языке безличных и назывных предложений, которые, хотя и имеют сравнительно узкую сферу употребления, тем не менее в языке существуют и вторично их нельзя.

Недостаток грамматической системы Кудрявского заключается в том, что она описывается только на грамматической форме; лексика совершенно не учитывается, хотя, как известно, некоторые грамматические формы выражаются лексически. Но пропущенный Кудрявским тонкий анализ грамматических явлений способствовал решению многих неясных вопросов русской грамматической системы.

В первые десятилетия XX в. в ряду с именами Шахматова, Пешковского, Бодуэна де Куртене по праву стоит имя В. А. Богородицкого, который внес значительный вклад в решение проблем общего языкознания, грамматики современного русского языка, сравнительной грамматики индоевропейских языков, фонетики. Основные идеи ученого в области теоретического языкознания нашли свое выражение в таких работах, как «Очерки по языкознанию и русскому языку» (1901), «Общий курс русской грамматики» (1904), «Лекции по общему языкознанию» (1911, 1915) и др.

Язык, по мнению Богородицкого, не только служит для выражения мысли, он в значительной степени является и орудием мышления в том смысле, что элементы языка воплощают успехи его познавательной деятельности и оказывают, в свою очередь, влияние на развитие мышления. Язык выступает показателем успехов классифицирующей деятельности ума. Позднее, в 1935 г., рассматривая связь языка и мышления, Богородицкий писал, что вся работа мысли и речи, классифицируя наши представления, протекает по законам диалектики. Он отмечает, что развитие мысли и выражение ее в слове обусловлены окружающей нас действительностью.

Элементы диалектики Богородицкий подчеркивает и во взаимосвязи грамматики и логики. Он указывает, что грамматика никоим образом не может игнорировать логического момента и речи, разумая под ним элементы естественной логики. Это не означает, что в начале XX в. Богородицкий возвращается к положениям логической грамматики. Он считает необходимым различать «науку формальной логики» и «естественнологический момент мысли», или «естественную логику ума». Наука логики, указывая условия получения правильных выводов, признает только два члена в суждении — субъект и предикат, не совпадающие с одноименными грамматическими членами предложения. А естественная логика является необходимым элементом мыслительной деятельности человека и проявляется в том, что мы ставим вопросы к главным и второстепенным членам пред-

ложения, которые расчлениают нашу мысль на части, находящиеся в определенных отношениях.

Возникновение и первоначальное развитие языка Богородицкий всегда связывал с его общественной сущностью, с трудовой деятельностью человека. Возникновение языка было возможно «только на почве общности, так как в этом смысле случае могла представляться необходимость обращения к другим»¹. Именно эта общия практическая необходимость становится «социологическим фактором первичней важности». Материалистическая трактовка сущности языка к 1935 г. приобретает более законченную форму, когда ученый говорит, что язык — это «продукт деятельности социальной среды, (...) он становится естественно-необходимой нормой общения членов коллектива данного времени и частных в нем объединений по труду, классовости и др. (...)»; в своем развитии он отражает хозяйственно-экономические, социально-политические и умственные переживания общества»².

Многие положения Богородицкого напоминают взгляды Потебни. Зарождением языка, по мнению Богородицкого, были инстинктивные крики, вызываемые различными аффектами. Эти крики постепенно превращались в артикуляционно-слуховые символы для обозначения тех или иных предметов или явлений действительности. К восклицаниям как аффективным реакциям присоединялись и звукоподражания. Все это могло сопровождаться жестами и мимическими движениями. Жесты по мере развития звуковой речи все более и более отступали на задний план. «Что касается самой мысли, выражающейся звуками, то она в первые времена была настолько несложна, что даже представления предмета и действия смешивались в ней в одно неопределенное целое». Богородицкий (как и Потебня) считает, что имя и глагол в первобытном языке не различались, и лишь постепенно мысль усложнилась и расчленилась, приобретая большую отчетливость. Этот процесс сопровождался развитием звуковых символов.

При анализе природы языка Богородицкий обращает внимание на такую его специфическую особенность, как изменчивость во времени и пространстве. Призванию этой изменчивости Богородицкий видит в смене генераций, или поколений. Смена генераций является важнейшим культурно-социальным фактором, вызывающим изменение языка. Теория генераций Богородицкого примечательна в том плане, что и ней ученый стремится найти психологические и социальные причины возникновения и развития языковых изменений. Сущность смены генераций Богородицкий видит в следующем:

«Дети, встретив в речи взрослых звуки в различных вариациях в зависимости от положения в слове, могут подметить эти или другие нюансы и облечь его, т. е. употребить различительно перед другими, причем слегка помеченный нюанс может быть и преувеличен; если же такой нюанс гармонирует с делом звуко-

¹ Цит. по кн.: Богородицкий В. А. Лекции по общему языкознанию. 2-е изд. Кауна, 1915.

² Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 3-е изд. М., 1935, с. 1.

вой системой звуков и удобен для произношения в большей части звукосоочетаний, то при подражании со стороны других индивидов он легко может утвердиться и в целом языке, особенно среди молодого поколения. Отсюда и получается отмеченные отдаленными исследователями некоторые звуковые различия у старших и младших представителей того или другого сословия, причем старшие кажутся, что издали генерации индивидов. Указанными путем и создается в ходе времени, т. е. при последовательной смене генераций, более или менее значительные изменения в языке».

Вообще Богородицкий впервые в русском языкознании обратил внимание на ряд интересных явлений. Так, при решении вопроса о возникновении и постепенном формировании человеческого языка он изучает детскую речь, справедливо полагая, что развитие отдельной особи может помочь понять развитие вида. Анализ эволюции детской речи, наблюдения над жизнью народностей и племен, стоящих на высшей ступени развития, имеют большое значение для воссоздания картины первоначального языкового строя в силу возможности непосредственного наблюдения этих фактов. Так языкознание в лингвистической концепции Богородицкого сближается с этнографией и этнологией.

Богородицкому же принадлежат тщательные описание случаев патологического нарушения речевой деятельности, различных форм афазии. Он утверждал, что изучение таких явлений имеет большое значение не только для исследования индивидуальной речи, но и для понимания жизни языка вообще.

Впервые в русской науке Богородицкий выдвинул вопрос о значении для языкознания малограмотных написаний. Он считал их ценным источником для пополнения наших сведений о диалектных особенностях среды. Кроме того, изучение ненормальных написаний может помочь лингвистической критике текстов древних памятников письменности, в которых встречаются аналогичные написания. И наконец, малограмотные написания представляют интерес и в педагогическом отношении, так как показывают, какие особенности приписания труднее всего усваиваются учащимися.

Для начала XX в. новаторской была мысль Богородицкого о различии языкового восприятия говорящим и слушающим: «...у говорящего речь есть функция мысли, так как у него мысль идет соответствующего словесного выражения из запаса слов и оборотов, хранимых его памятью; у слушающего же, наоборот, мысль есть функция речи или, точнее, слуховых представлений, возбужденных у него слышимой речью; короче: в процессе речи у говорящего мысль как бы ведет за собой слова, у слушающего же, наоборот, под влиянием слов складывается мысль». Процесс мыслительной деятельности у говорящего и слушающего рассматривается Богородицким в психологическом плане и объясняется «творческой силой фантазии», «сильным подъемом душевной энергии». Такие объяснения, конечно, не раскрывают специфических особенностей языковой структуры у говорящего и слушающего, но эти идеи Богородицкого предваряют позднее развившиеся в зарубежном языко-

знании положения о «лингвистике говорящего» и о «лингвистике слушающего».

Когда говорят о Казанской лингвистической школе, представителем которой был Богородицкий, ее определяют иногда как экспериментально-фонетическую. Эта сторона деятельности Казанской школы непосредственно связана с именем Богородицкого. Бодуэн де Куртене называл его «тихим и основательным фонетиком», ценя его тонкие наблюдения над звучащей речью. Богородицкий был убежденным сторонником так называемой «звуковой филологии». Он говорил о необходимости составить взгляд на язык, как на сочетание букв, из которых складывается письменность, и видеть в виду живую речь. Поэтому он призывал внимательно наблюдать живые языки и диалекты для понимания различных процессов, совершающихся в звуках, формах и лексике языка и позволяющих судить о направлении языковых изменений.

Если большинство языковедов начала XX в. считали возможным ограничиваться только физиологией звуков речи, то Богородицкий предлагает дополнить физиологию звуков речи характеристикой звуков речи в условиях их действия на слух, т. е. изучением их внешних параметров: темпа речи, ее тона, тона голоса, его усиления или ослабления, пауз и т. д. Объединение этих двух аспектов позволит исследовать отношение между физиологической и акустической сторонами речи. Акустическая сторона речи исследуется с помощью разнообразных приборов. Эти исследования, углубляя и расширяя сведения по физиологии звуков, составляют сутьность экспериментальной фонетики. В Казани Богородицкий создал первый в России кабинет экспериментальной фонетики. (Позднее подобные кабинеты были созданы в Одессе, Петербурге и Москве.)

Оригинальность фонетических исследований Богородицкого заключается также в том, что он сопоставлял особенности физиологии произношения звуков и их акустических свойств в различных языках. Богородицкий считал, что фонетические сопоставления, основанные на фактах различных языков, позволяют установить акцентно-фонетические соотношения между ними.

В работе «Опыт физиологии общерусского произношения и связи с экспериментально-фонетическими данными» (1909) Богородицкий исследует фонетику русского языка со строгим учетом его фонологической структуры. Он не употребляет термин «фонема», предпочитая термин «речевой звук». Он, например, различает такие моменты, как фонологическое различие твердых и мягких согласных и изменения внутри фонемы (ср. шест и шесть). Богородицкий определял основное различие между гласными и согласными, отмечая его относительный (а не абсолютный) характер. Это различие он выразил в образной форме: гласные — ртотраскрытатели (т. е. для них характерно увеличение раствора рта), согласные — ртотсмыкатели (т. е. для них характерно усиление смыкания органов речи). Богородицкий впервые вычислил относительную (в процентах)

Дифференциация заключается в том, что возникающий новый оттенок значения требует своего особого звукового выражения. Пример дифференциации мы встречаем в склонении существительных мужского рода при различении по оттенку значения окончаний родительного падежа единственного числа *-а* и *-у* (ср. *дверь снала, но много снагу*). Другим примером дифференциации может служить различение нарочия *бетом* от формы творительного падежа существительного *бетом* при помощи ударения.

При изложении грамматических взглядов Богородицких ориентируется на строй индоевропейских языков (указанные выше морфологические процессы он склонен видеть почти во всех индоевропейских языках). В анализе морфологии проявилось также стремление Богородицкого, как и других представителей Казанской, и также Московской лингвистической школ, разграничивать синхронный и исторический подходы к языку.

В грамматической концепции Богородицкого морфология находится в тесной связи с синтаксисом, так как «морфологии представляет... инвентар отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает, как этими словами и формами пользуются для препарации их в члены высказываемых предложений». Предмет синтаксиса Богородицкий видит в рассмотрении отношений между членами предложения и в изучении типов сочетаний предложений. Предложение, по Богородицкому, — это сочетание слов (а иногда и одно слово), служащее для выражения цельной мысли и известным образом грамматически оформленное. Богородицкий отходит от психологической интерпретации предложения, свойственной Шахматову, и обращает внимание на его грамматическую оформленность.

При классификации предложений Богородицкий учитывает объективный (с точки зрения соответствия миру действительности) и субъективный моменты. С объективной точки зрения простое предложение делится на предложения, отражающие факт (*Лошадь идет*), классифицирующие предложения (*Лошадь — животное*) и предложения, обозначающие качество предмета (*Лошадь пушистая*). С точки зрения субъективной предложения делятся на повествовательные, восклицательные и желательные (повелительные), в зависимости от отношения говорящего к высказываемому факту.

В учении о предложении у Богородицкого можно отметить ряд оригинальных положений. Мы уже говорили о том, что в характеристике предложения Богородицкий вносит момент интонации, подробно разбирая интонационный рисунок предложений с помощью нотной записи. Кроме того, он высказал интересное предположение о связи разных типов предложений с различными жанрами художественных произведений (по его наблюдениям, в рассказах преобладают повествовательные предложения, в одах — повествовательные в сочетании с восклицательными и т. д.). Богородицкий говорит о необходимости изучения частотности употребления различных типов предложений в художественных произведениях. (Более детальные исследования на эту тему проводились в советском языковедении в 50—60-е годы.) И наконец, в 30-х годах Богородицкий высказывал

замечания об объеме предложения, утверждая, что нормальное по объему предложение выражает мысль не слишком обширную¹. В общетеоретической и грамматической концепциях Богородицкого содержалось много интересного и полезного для современного советского языковедения.

В предреволюционной России фонетическими исследованиями много занимался Лев Владимирович Щерба (1880—1944), будущий советский академик, ученик Бодуэна де Куртене. В реорганизованной Щербой в 1909 г. лаборатории экспериментальной фонетики при Петербургском университете (позже лаборатории такого рода в России) проводились исследования, посвященные фонетике и фонетическим системам различных языков нашей родины.

Вопросы фонетики интересовали Щербу на протяжении всей его научной деятельности. Наиболее значительными работами Щербы (дореволюционного периода) по фонетике были «Субъективный и объективный метод в фонетике» (1909) и «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912). Щерба поддерживает мысль Бодуэна де Куртене о существовании в языке таких фонетических единиц, которые не совпадают с акустическими или физиологическими единицами. Эти единицы, по мнению Щербы, являются результатом психической деятельности. Придерживаясь на разных этапах своей деятельности психического объяснения сущности фонетических единиц, Щерба и задачу фонетики как науки видит в исследовании звуковых представлений речи. Но в отличие от Бодуэна де Куртене Щерба привносит смысловой момент в определение фонемы. Он определяет фонему как кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, слогобное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, причем фонема может выделяться в речи без искажения фонетического состава слова.

Основой лингвистического мировоззрения Щербы в дореволюционный период был субъективный психологизм. Он считал язык психическим явлением, одним из продуктов деятельности нашей психики. Единственным фонетическим методом он признавал субъективный метод, поскольку мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида. Позднее, уже в советское время, Щерба стал все больше склоняться к материалистической философии языка, к диалектическому материализму. Это произошло и в трактовке фонемы, которую в 1937 г. Щерба рассматривал как диалектическое единство общего и частного. В этот период он понимал фонему как звуковой тип, способный дифференцировать слова и их формы, а оттенки фонемы — как реально произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется фонема.

Одним из первых в европейской лингвистике начала XX в. Щерба обратил внимание на изучение интонации как одного из

¹ В начале 60-х годов американской ученый В. Инге экспериментально доказал, что предложение состоит из 7±2 слогов; именно этот объем предложения обеспечивает его единство для говорящего и слушающего.

существеннейших признаков «сказуемости» в предложении. В своей докторской диссертации «Восточнославянское наречие» (1915) он отмечал, что в европейских языках могучим средством выражения связи между словами и группами слов является интонация. Под группой слов Щерба понимал «простейшие синтаксические единицы речи», которые позднее он назвал синтагмами. Выделяя эти группы слов, Щерба проявила известную самостоятельность и в разработке синтаксических проблем, отвергая традиционные схемы формально-логического синтаксиса.

Щерба не создал единой разработанной синтаксической концепции, но в работе о восточнославянском наречии он высказал несколько интересных мыслей. Так, в основу синтаксиса он положил понятие группы слов, соответствующих одному сложному перасчлененному повествованию как представлению. Щерба выдвинул учение об одночленных и двучленных предложениях, различие между которыми определяется интонацией сказуемости. При выделении этих типов предложений Щерба исходил из логико-психологического понимания предложения как двучленного речевого выражения суждения. В дальнейшем грамматические исследования Щербы сосредоточились на теории синтаксиса, активном и пассивном синтаксисе, принципах классификации частей речи в русском языке, выделении особой категории состояния и т. д.

Творческий путь Щербы характерен для тех русских языковедов, мировоззрение которых сформировалось до Великой Октябрьской социалистической революции. Перед самой революцией и сразу после нее начинаются научная деятельность молодых языковедов В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, С. И. Ожегова и многих других, которые учились у выдающихся русских лингвистов. Именно их труды, продолжавшими богатые традиции русского языковедения, сразу после Великой Октябрьской социалистической революции закладывались основы нового советского языковедения.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

- Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском алфавите XVII в. М., 1968.
- Ахирова Т. А., Олшанков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Ашман Д. П. О людях русской науки и культуры. 2-е изд. М., 1952.
- Базилевич А. И. Ф. И. Буланов. — Русский язык, 1968, № 6.
- Бархударов С. Г. О «Мыслих об истории русского языка» Н. И. Срезневского. — В кн.: Срезневский Н. И. Мысли об истории русского языка. М., 1939.
- Белов А. И. А. М. Пешковский как лингвист и методист. М., 1958.
- Белов А. И. Грамматическая система академика А. А. Шахматова (1864—1920). — Уч. зап. Орехово-Зуевского пед. ин-та, 1956, т. 3, вып. 2.
- Бернштейн С. И. Грамматическая система А. М. Пешковского. — Русский язык в школе, 1939, № 2.
- Бернштейн С. И. Грамматическая система А. А. Шахматова. — Русский язык в школе, 1940, № 5.
- Бернштейн С. И. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. — Изв. ОРЯС, (1920). 1922, т. 25.
- Бернштейн С. И. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского. — В кн.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Битов Ю. Ю. Редкие русские книги и летучие плакаты XVIII в. М., 1950.
- Ботвородский В. А. Казанская лингвистическая школа. — Труды МИФЛИ, 1930, т. 5.
- И. А. Боздорж де Куртень. (К 30-летию со дня смерти). М., 1969.
- Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Минск, 1976, т. 1.
- Буловичевский А. А. Александр Афанасьевич Потебня. Киев, 1952.
- Булик С. К. Очерк истории языковедения в России. Спб., 1904, т. 1 (XIII в. — 1825 г.).
- Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Виноградов В. В. На истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Fortunatova). М., 1958.
- Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
- Виноградов В. В. Учение А. А. Потебни о стилистичности развития синтаксического строя в славянских языках. Вестник МГУ, 1946, № 3—4.
- Валлерский В. П. В. К. Тредиаковский. — Русский язык, 1969, № 4.
- Валлерский В. П. Неизвестная грамматика русского языка П. С. Горлицкого 1730 г. — Вopr. языковедения, 1969, № 3.
- Валлерский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теории трех стилей. М., 1970.
- Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, последиженное историк отечественной науки, 5—11 января 1949 г. М.—Л., 1949.
- Григорский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Юрьев, 1910—1911, вып. 1—3.
- Демисов А. П. Н. Г. Куртания — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961.

¹ Предлагаемая библиография использованных работ по истории русского языковедения является далеко не полной. Она включает работы: 1) написанные на русском языке; 2) опубликованные преимущественно в советское время; 3) посвященные проблемам, рассматриваемым в настоящей книге.

Дерягина И. С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии. — Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 107.

Дзидридзе Н. К. Федор Евгеньевич Корш. М., 1962.

Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. (1711—1961). М., 1962.

Документы к истории славяноведения в России. (1850—1912). М.—Л., 1940.

Дьяков С. П. Грамматические категории времени в языке в речи К. С. Аксакова. — Наук. зап. Одесск. ун-та. Сер. К. Д. Ушинского, 1947, т. 8.

Зелский Е. А. «Киевская лингвистическая школа» профессора И. А. Бодуана де Куртоне. Русский язык в школе, 1951, № 6.

Зингер А. Р. К истории фонетики в России. — Уч. зап. АГУ, 1960, вып. 40, № 237.

Зингер А. Р. А. В. Щерба и фонология. — В кн.: Памяти академика Аполл. Павловича Щербы. Л., 1954.

Златогорова А. В. Научная деятельность В. А. Богородицкого. — Уч. зап. Казанского ун-та, 1961, т. 119, кн. 5.

Ефимов А. П. М. В. Ломоносов и русский язык. (К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова). М., 1961.

Иванов А. И. Литературные наработки Максима Грека. — Труды Отдела древнерусской литературы, 1968, т. 23.

Ильинские А. А. Шахматов и Ф. Ф. Фортунатов. — Вопр. языкознания, 1958, № 3.

Корсаков Е. Ф. Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР. Л., 1926.

Каздальский С. Д. К вопросу о славянизмах в учении Потебни. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, т. 7, вып. 7.

Каздальский С. Д. Краевый слог истории языкознания. Л., 1941.

Каздальский С. Д. Теория союзов Ф. Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных. — Вопр. языкознания, 1954, № 6.

Килеич А. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975.

Крижицкий П. С. Ветрарь Ивана Федоровича. — Вопр. языкознания, 1956, № 2.

Крандлер П. С. О труде М. В. Ломоносова в области исторического и критического языкознания. — Уч. зап. МГУ, 1950, вып. 150.

Крандлер П. С. Старинные восточнославянские грамматич. церковнославянского языка как источник сведений о грамматической строе живого языка в языке. — Филол. науки, 1958, № 1.

Крижицкий П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.

Кудряков Н. К. Из истории русской грамматики. Пг., 1917.

Ларин В. А. Русская грамматика Дедушера. 1696 г. М., 1937.

Ломоносов А. А. Болуни де Куртоне и его учение о языке. — Русский язык в школе, 1963, № 2.

Ломоносов А. А. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуана де Куртоне (К 30-летию со дня смерти). — Вопр. языкознания, 1959, № 6.

Лох В. В. Жизнь и деятельность А. Н. Кудряковского. (1867—1924). — Уч. зап. Липецк. пол. ин-та, 1958, вып. 1.

Лох В. В. История лингвистических учений. М., 1963.

Лихачев В. В. Азбука Ивана Федоровича. — Труды Отдела древнерусской литературы, 1960, т. 16.

Махрина В. П. Алфавит Абламенит язык П. К. Адамура. — Вестник АН СССР, 1974, № 1.

Махрина В. Н. Имяри «славянские» «Русской грамматике» М. В. Ломоносова. М., 1961.

Мельничук И. М. Сравнительная история русского языкознания. (О П. И. Савицком). — Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, 1962, т. 30.

Марков В. М. «Пятиязычные» Курдара и Дедушера. — В кн.: Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. Казань, 1969, вып. 2—3.

Масальский В. П. Русские образованные демократы и К. Д. Ушинский о языке и его изучении. Киев, 1926.

Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963.

Мещеряков И. И. К истории отечественного языкознания. М., 1949.

Михалев А. В. Богородицкий В. А. 1837—1941. (К 25-летию со дня смерти). — Русский язык в школе, 1966, № 6.

Морозов А. А. М. В. Ломоносов. (1711—1765). М.—Л., 1965.

Нелин В. А. Богородицкого. Казань, 1961.

Павлов Д. А. Лингвистические взгляды П. Г. Беллинского. Саратов, 1939.

Петерсон М. Н. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М., 1954.

Петерсон М. Н. Ф. Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа. — Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 107, т. 3, кн. 2.

Письма И. В. Ягича к русским ученым. (1865—1886). М.—Л., 1963.

Пронин Б. Русская филология в Тартуском университете. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Таллин, 1954, вып. 35.

Прохоркина Е. С. Малейт Сметракки. Минск, 1966.

Радов Г. И. Из истории русской грамматики. Грамматическая концепция К. С. Аксакова. — В кн.: Языковая практика и теория языка. М., 1974, вып. 1.

Радов Г. И. Сравнение принципов построения грамматической системы Н. И. Греча и К. С. Аксакова. — В кн.: Алфавит лингвистического анализа (на материалах языков разных сфер). М., 1974.

Русские грамматико-словесники в сопоставлении. М., 1969.

Русские языковеды. Таллин, 1975.

Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете. Под ред. Н. А. Метерского. Л., 1971.

Сайкин Х. М. К истории грамматических учений русских лингвистов. — Изв. АН Казах. ССР, серия филология и лингвистика, 1959, вып. 3—4.

Славянские языковеды. Л., 1962.

Савицкий М. И. Из истории лингвистической культуры России. Старорусская книга «международных культурных связей». М., 1964.

Савицкий С. В. Ф. И. Буслев и русское языкознание первой половины XIX века. — Уч. зап. Тартуского ун-та, 1971, вып. 279.

Савицкий С. В. Профессор Тартуского (Юрьевского) университета Д. Н. Кудряковский. — Уч. зап. Тартуского ун-та, 1970, вып. 247.

Соловьев Р. В. А. А. Потебня и анализ слова. — Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, 1962, т. 30.

Соловьев Р. В. Слова как речевая единица в учении В. А. Богородицкого. — Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, 1959, т. 25.

Соловьев Р. В. Слова как речевая единица в учении Д. Н. Кудряковского. — Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, 1958, т. 21.

Спектор М. М. Радиция и языкознание языка и мышления. — Вопр. языкознания, 1955, № 4.

Сидячек А. Я. Примеры сравнительно-исторического метода в лингвистических исследованиях А. А. Потебни. (К 25-летию со дня рождения А. А. Потебни). — Филол. науки, 1962, № 4.

Сидячек А. Я. Синтаксические воззрения Ф. Ф. Фортунатова и его школы. — Филол. науки, 1960, № 3.

Степанов Ю. С. Цели и средства (некоторые традиционные черты русской науки о языке). — В кн.: Проблемы современной лингвистики. М., 1968.

Тоболов М. П. А. А. Барсова и его рукописный «Русский грамматика». — Русский язык, 1968, № 1.

Тоболов М. П. Галланине времена и язык «Русской грамматике» профессора А. А. Барсова. — Уч. зап. МПИ им. В. И. Ленина, 1968, № 292.

Тоболов М. П. Из истории русской грамматики. — Уч. зап. МПИ им. В. И. Ленина, 1968, № 292.

Талкачев А. Я. Ф. Ф. Фортунатов. (1846—1914). — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1964, т. 23, вып. 5.

Успенский Б. А. Перелом русской грамматики на родном языке. М., 1975.

Филин Ф. П. Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1964, т. 23, вып. 3.

Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955.

Цейлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

- Челомов И. С. Сравнительное языковедение в России. М., 1956.
- Челомов М. В. Вопросы фразеологии в трудах Н. В. Крушевского. (Из истории Казанской лингвистической школы). — Учен. зап. Казанского ун-та, 1958, кн. 7.
- Челомов М. В. Из истории Казанской лингвистической школы. (К 30-летию со дня смерти И. А. Водуна де Курмена). — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1960.
- Черепанов М. В. Казанская лингвистическая школа. — Учен. зап. Казанского ун-та, 1967, т. 354.
- Черепанов М. В. Отражение принципов Казанской лингвистической школы в исследованиях И. В. Крушевского. Саратов, 1969.
- Черепанов М. В. Язык как система в понимании Н. В. Крушевского. (Из истории Казанской лингвистической школы). — Учен. зап. Казанского ун-та, 1958, кн. 7.
- Чернов В. В. Проблемы языкового вида и способов действия в трудах Г. П. Павского. — В кн.: Филол. сборник. Азия-Аста, 1962, вып. 4.
- А. А. Шахматов. (1864—1920). Сб. статей и материалов под ред. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947.
- Шерба А. В. И. А. Водуна де Курмена и его значение в науке о языке. — Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Шерба А. В. Фиртулатов в истории науки о языке. — Востр. языковедение, 1963, № 5.
- Шербак М. Ф. Из воспоминаний о Д. Н. Овсянко-Куликовском. — Русская речь, 1973, № 4.
- Шульц В. В., Медведева В. И. Хроника по истории грамматических учений в России. М., 1965.
- Языки И. П. История славянской филологии. Сиб., 1910, т. 1.
- Яковлевский М. Г. Понятие внутренней формы слова у Петебни. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, т. 5, кн. 5.
- Яковлевский М. Г. Философско-лингвистические воззрения А. А. Петебни. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, т. 5, кн. 5.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аванесов Р. И. 168
- Александр Ф. П. 64
- Абдулов В. Л. 14—15, 30, 31, 216
- Акеев К. С. 77, 92, 201, 1—0—
136, 219, 221, 139, 216, 217
- Алейский С. (С. И. Гумис) 141
- Алексеев М. П. 215
- Амарица Т. А. 215
- Амундс Д. Н. 215
- Арно А. 14, 46
- Балашов А. И. 215
- Байер Т. Э. 63
- Барсов А. А. 37—42, 45, 87, 91, 210,
217
- Бартуларов С. Г. 215
- Баскетов П. Е. 58
- Баталов К. Н. 89
- Бенкер К. 58—61, 79, 101, 102
- Белицкий В. Г. 56—58, 76, 95—98,
101, 111, 114, 217
- Белая А. 130
- Белов А. И. 215
- Бердштейн С. И. 215
- Бессона П. А. 112
- Билдрей П. С. 91
- Билон Ю. Ю. 215
- Богородицкий П. А. 136, 140, 156—
160, 164, 206—213, 215—217
- Болуш де Курмена Н. А. 50, 56,
116, 135—144, 152—157, 160—
162, 164, 172, 173, 203, 206, 209,
210, 215, 215, 216, 218
- Бопф Ф. 26, 27, 58, 66, 71—73, 77,
125
- Бранд Р. Ф. 73, 183
- Брок О. 130
- Брунов К. 138, 145, 162
- Будак Е. Ф. 81
- Будалович А. С. 73, 149
- Будалин М. Г. 215
- Будаловский А. А. 215
- Булат С. К. 8, 53, 65, 69, 215
- Булаев Ф. И. 41, 58, 59, 61, 65, 68,
70, 71, 76—83, 85, 101, 104—117,
128, 139, 145, 161, 166—168, 170,
174, 184, 188, 194, 215, 217
- Васюков В. В. 28, 33, 35, 40, 41,
85, 88, 89, 94, 103, 104, 107, 108,
115, 128, 133, 175, 180, 183, 189,
191, 193, 196, 202, 214, 215
- Волперст В. П. 14, 215
- Востриков А. X. 19, 34, 58, 65—71,
75, 83, 84, 89—96, 99, 101, 103,
105, 112, 147, 194
- Вудт В. 192
- Вулянский С. 11
- Галицкий А. А. 42
- Герасимов Д. (Толмак) 8
- Герцен А. И. 71, 110—112, 124
- Годаль Р. 143
- Горюхиной И. С. 14, 15, 215
- Грех Миксак 7, В. 10, 216
- Грешин М. 16
- Грех Н. И. 34, 49, 55, 56, 61,
85, 91, 96, 100, 101, 103—106,
139, 141, 194, 217
- Гриш В. 66
- Гриш Н. 58, 66, 69, 71—73, 77,
83
- Грот Я. К. 35, 184
- Григорьев И. К. 18, 215
- Григорьев В. 48, 52, 58, 77, 79, 125,
126, 138, 167, 168
- Давидов П. П. 58—61, 77, 100—104,
194
- Даркин Ч. 149
- Департ Р. 85
- Дельбрюк Б. 145

Цейтлин Р. М. 217

Чемоданов Н. С. 218

Черданцев М. В. 218

Чернов В. В. 218

Чернышевский Н. Г. 71, 73, 110, 111,
122—125, 137

Шахматов А. А. 4, 65, 62, 130, 133,
136, 182—197, 199, 200, 202, 206,
212, 215—218

Шенников С. П. 77

Шеллинг Ф. 45

Шерин В. И. 152

Штукен А. С. 89

Шлейхер А. 163, 167

Шмидт И. 187

Шухардт Г. 150

Щерба А. В. 94, 136, 143, 202, 211,
214, 216, 218

Щербакелд М. Ф. 218

Щербаки В. В. 218

Энтель Ф. 203

Яков И. П. 6, 217, 218

Яков А. 51—54, 56, 65

Якубинский А. П. 156

Протопескин М. Г. 213

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Истоки русской грамматической мысли	5
Глава 2. М. В. Ломоносов и грамматическая традиция второй половины XVIII века	21
Глава 3. Идеи всеобщей грамматики в языкезнании первой половины XIX века	45
Глава 4. Сравнительно-исторические исследования в первой половине XIX века	62
Глава 5. Грамматические учения первой половины XIX века	94
Глава 6. Грамматические системы К. С. Аксакова и П. П. Педерсона	110
Глава 7. Основные проблемы общего языкознания в конце XIX века	122
Глава 8. Сравнительно-исторические и типологические исследования в конце XIX века	145
Глава 9. Грамматические взгляды А. А. Потебни и Ф. Ф. Fortunatova	166
Глава 10. Языкознание в начале XX века	193
Библиография	215
Указатель имен	219

Федер Михайлович Березин
ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОУЧЕНИЯ

Редактор Н. А. Стрелова. Художник С. В. Милурин. Художественный редактор И. Е. Волынов. Технический редактор И. Н. Баранова. Корректор А. Э. Галицкая

ИД № 160

Изд. № 83—15. Слово в наборе 25,05 руб. Подл. и тираж 041175. А-10286. Формат 60X90/16. Бум. глян. № 2. Тираж 4000 экз. Цена 1 руб. 14 коп. 15,16 руб.-подл. л. Тираж 4000 экз. Заказ 1974. Цена 85 к.
Издательство «Высшая школа». Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Дом» имени А. М. Горького «Специализированная» при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197145. Ленинград, П-136. Гатчинская, 26.

